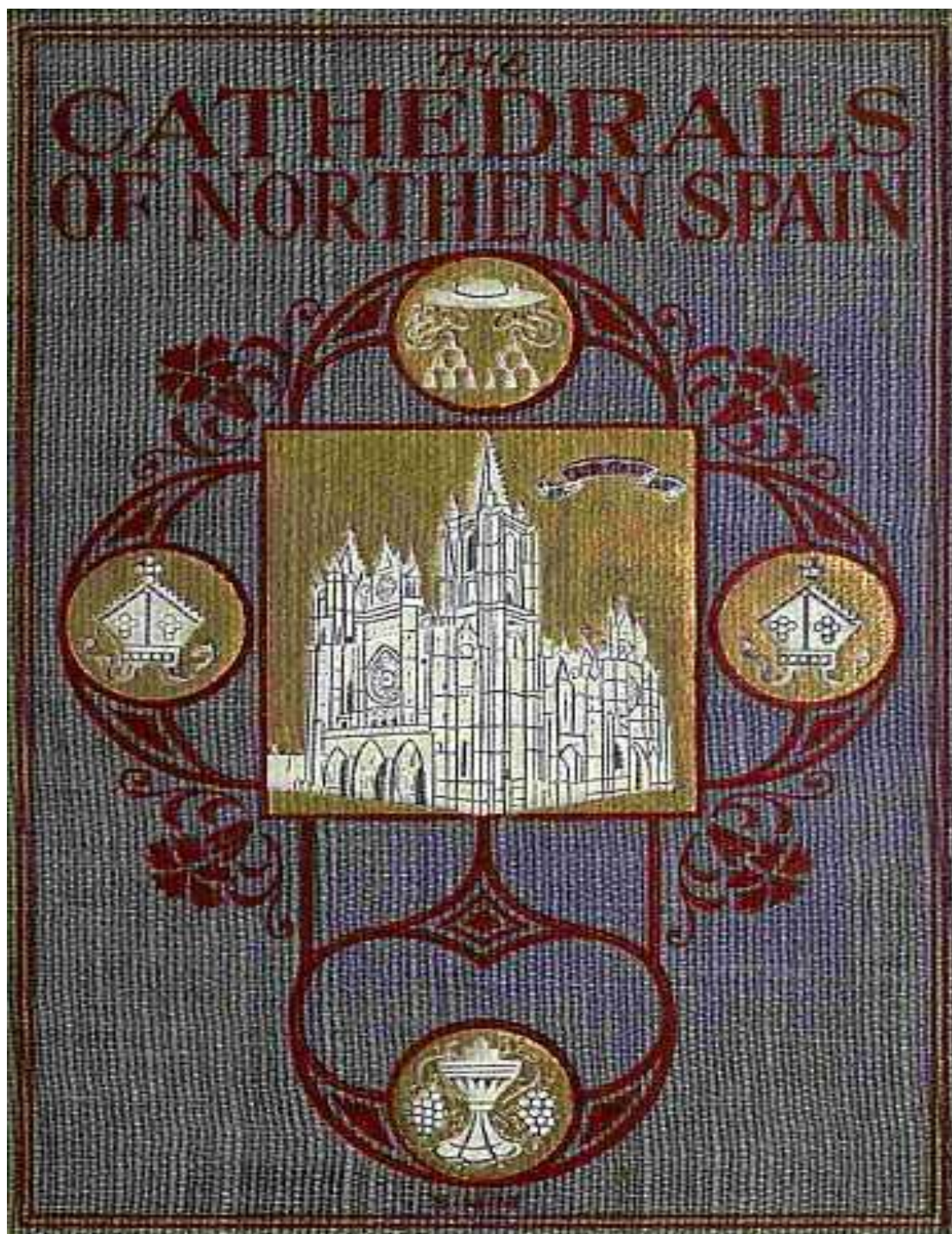

Соборы северной Испании

Чарльз Руди

Содержание

[СОБОРЫ СЕВЕРНОЙ ИСПАНИИ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[ЧАСТЬ I Вводные исследования](#)

[Соборы северной Испании](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[ЧАСТЬ II Галисия](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[ЧАСТЬ III Север](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[VIII](#)

[IX](#)

[ЧАСТЬ IV Западная Кастилия](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[ЧАСТЬ V Восточная Кастилия](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[Приложения I](#)

[II](#)

[АСТОРГА](#)

[АВИЛА](#)

[БУРГОС](#)

[КАЛАОРРА](#)

[СЮДАД-РОДРИГО](#)

[КОРИЯ](#)

[КУЭНКА](#)

[ЛЕОН](#)

[ЛОГРОНЬО](#)

[ЛУГО](#)

[МАДРИД-АЛЬКАЛА](#)

[МОНДОНЕДО](#)

[ОРЕНСЕ](#)

[ОСМА](#)

[ОВЬЕДО](#)

[ПАЛЕНСИЯ](#)

[ПЛАСЕНСИЯ](#)

[САЛАМАНКА](#)

[САНТАНДЕР](#)

[САНТИАГО](#)

[САНТО-ДОМИНГО-ДЕ-ЛА-КАЛЬСАДА](#)

[СЕГОВИЯ](#)

[СИГЕНСА](#)

[СОРИЯ](#)

[ТОЛЕДО](#)

[ТОРО](#)

[ТУЙ](#)

[ВАЛЬЯДОЛИД](#)

[ВИТОРИЯ](#)

[САМОРА](#)

[III](#)

[Библиография](#)

[ИНДЕКС](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберг «Соборы северной Испании»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Соборы Северной Испании

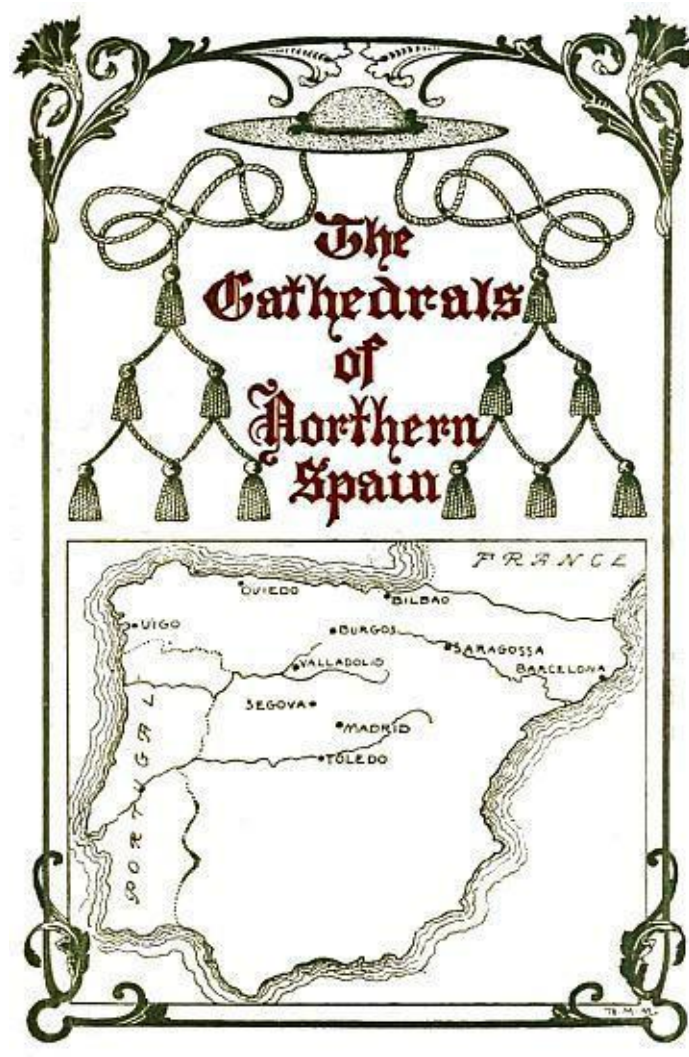
Автор: Чарльз Руди

Дата выпуска: 12 апреля 2010 г. [электронная книга № 31965]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Эта электронная книга была создана на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из Интернет-архива).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «СОБОРЫ СЕВЕРНОЙ ИСПАНИИ» ***

СОБОРЫ СЕВЕРНОЙ ИСПАНИИ

[Предисловие](#)
[Содержание](#)
[Список иллюстраций](#)
[Приложения](#)
[Библиография](#)
[Указатель](#)

Серия «Собор»

*Следующие книги, каждая в 1 томе, библиотека
12то, в тканевом переплете с золотым тиснением, с многочисленными иллюстрациями.*

2,50

*Соборы Северной
ФРАНЦИИ АВТОР: ФРАНСИС МИЛТУН*

*Соборы южной
ФРАНЦИИ ФРАНСИС МИЛТУН*

*Соборы Англии
МЭРИ ДЖ. ТАБЕР*

Следующие книги, каждая в 1 томе, библиотечный
12мо, в переплете, с золотым тиснением, с большим количеством иллюстраций.
Чистая стоимость, 2,00 долл.

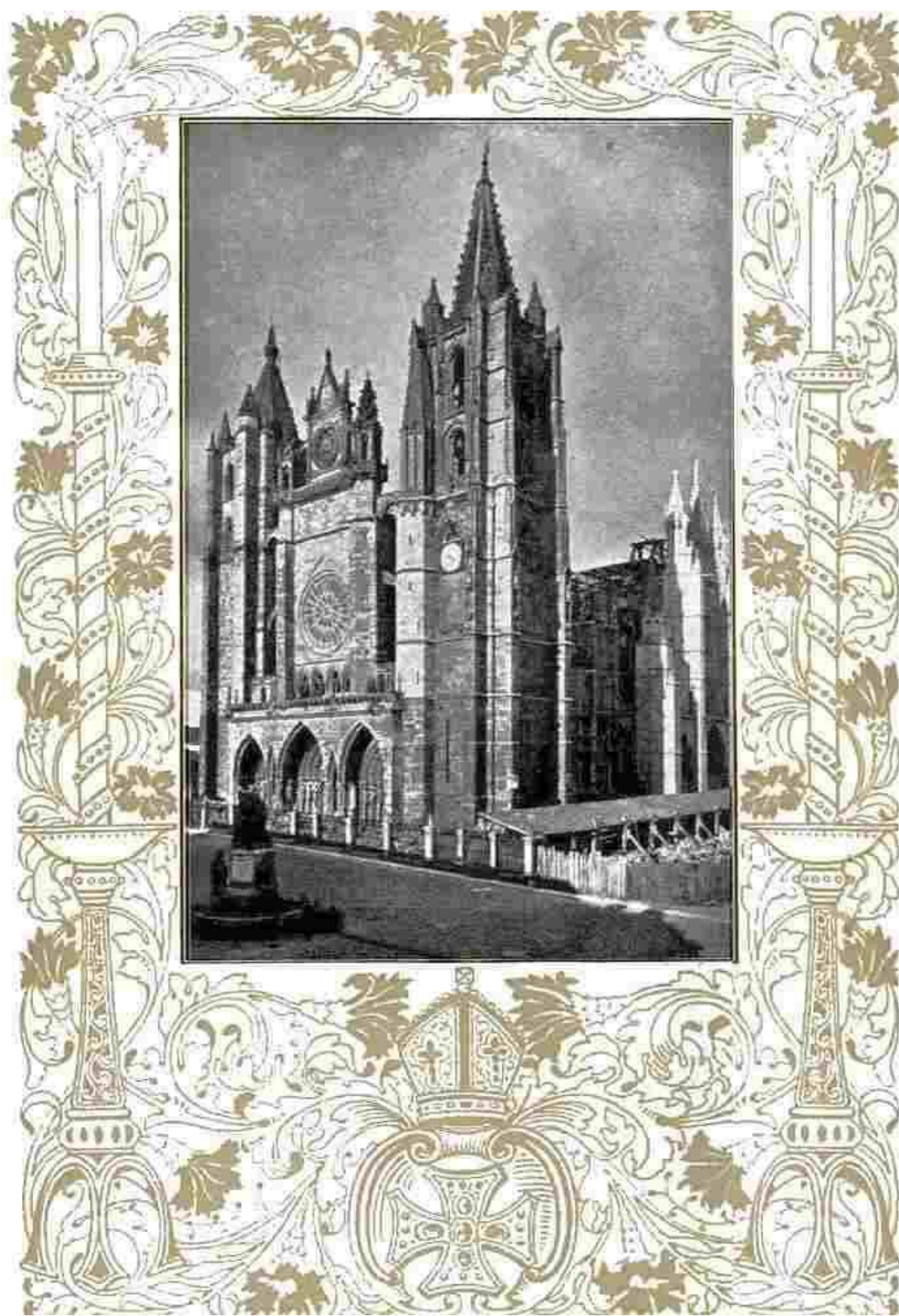
*Соборы и церкви
Рейна ФРАНСИС МИЛТУН*

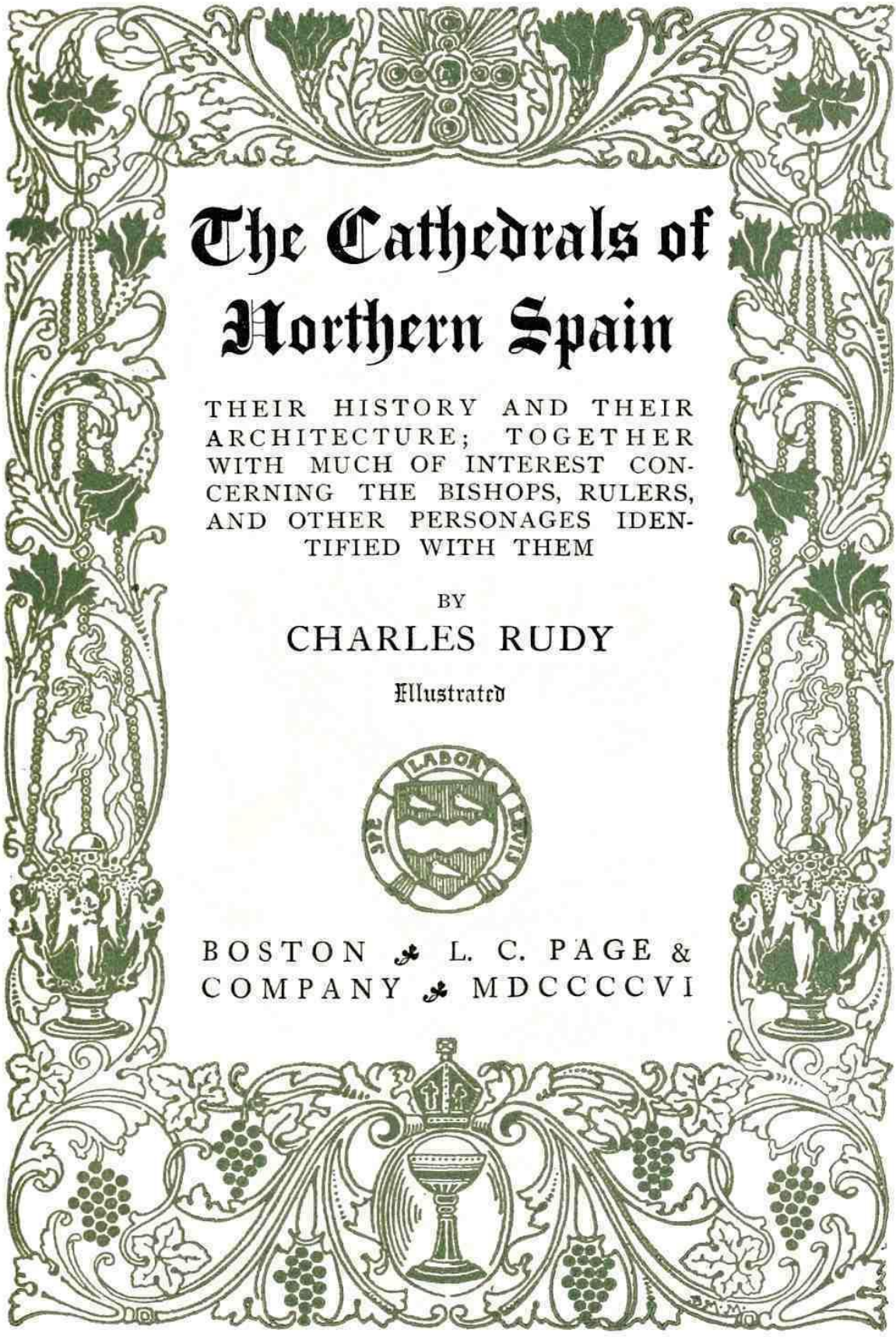
*Соборы северной
Испании ЧАРЛЬЗ РУДИ*

L. C. PAGE & COMPANY
New England Building, Бостон, Массачусетс.

СОБОР В ЛЕОНЕ
(См. [стр. 154](#))

The Cathedrals of Northern Spain

THEIR HISTORY AND THEIR
ARCHITECTURE; TOGETHER
WITH MUCH OF INTEREST CON-
CERNING THE BISHOPS, RULERS,
AND OTHER PERSONAGES IDEN-
TIFIED WITH THEM

BY
CHARLES RUDY

Illustrated

BOSTON & L. C. PAGE &
COMPANY & MDCCCCVI

Авторское право, 1905

АВТОР: L. C. PAGE & COMPANY
(INCORPORATED)

—
Все права защищены

Опубликовано в октябре 1905 года

COLONIAL PRESS

Электротипия и печать: С. Н. Simonds & Co.

Бостон, США

ВСЕМ ИСТИННЫМ ЛЮБИТЕЛЯМ ИСПАНИИ, ИНАЧЕ НАЗЫВАЕМЫМ ИСПАНОФИЛАМИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас *модно* писать предисловия. Некоторые из нас пишут хорошие, другие — плохие, а большинство — ни хорошие, ни плохие.

Глава под названием «Общие замечания» является настоящим введением к книге, поэтому в этих строках я напишу несколько слов о себе для тех читателей, которым я посвятил этот том.

Моя любовь к Испании безгранична. Так же велика, как и моя любовь к народу, так же велико и мое презрение к тем, кто причинил ей вред, будучи ее сыновьями. Кто они? Они сами знают это лучше всех.

Архитектура Испании одновременно приятна и неприятна, но она вся по-своему испанская. Иностранец, случайно перебравшийся через Пиренеи из Франции, не может сделать ничего лучшего, чем критиковать все архитектурные памятники, которые он встречает в пятидневном путешествии по Испании с билетом Кука в кармане. Это естественно. Все так совершенно отличается от чистых (*sic*) стилей, которые он научился ценить во Франции!

Но мы, прожившие много лет в Испании, начинаем любить и восхищаться именно такими сложными сооружениями, как соборы в Толедо, Сантьяго и Ла Сео в Сарагосе; мы теряем свою узколобость и не понимаем, почему чистая готика или итальянский ренессанс должны быть лучше, чем иберийский собор. Пока между различными частями существует гармония, все хорошо. В тот момент, когда этой гармонии нет, наше чувство художественного прекрасного потрясено — и здание становится плохим.

Следовательно, личность всегда занимает первое место во всех художественных критиках или восхищениях. Но на нее не должны влиять слова «чистый», «безупречный» и т. д. Если бы это было так, в Испании был бы только один хороший собор, а именно собор в Леоне, французский

храм, построенный иностранцами на испанской земле. Однако нет ничего менее испанского, чем собор в Леоне.

В этих условиях при посещении Испании необходимо отбросить иностранные влияния и стать испанцем, пусть даже на несколько дней. В противном случае турист не поймет художественные памятники страны и будет склонен покинуть полуостров таким же, каким он был, когда прибыл, не став ни на йоту мудрее.

Чтобы помочь путешественнику понять причины и следствия испанской архитектуры, я написал «Вводные исследования». Я надеюсь, что они позволят ему стать испанцем или, по крайней мере, присоединиться к восторженной армии *испанофилов*.

К. Руди.

Мадрид, июль 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
<u>Часть I. Вводные исследования</u>	
I Общие замечания	<u>13</u>
<u>II.</u> Исторические арабески	<u>18</u>
<u>III.</u> Архитектурные арабески	<u>35</u>
<u>IV.</u> Заключение	<u>66</u>
<u>Часть II. Галисия</u>	
<u>I.</u> Сантьяго-де-Компостела	<u>75</u>
<u>II.</u> Корунья	<u>89</u>
<u>III.</u> Мондоньедо	<u>95</u>
<u>IV.</u> Луго	<u>102</u>
<u>V.</u> Оренсе	<u>110</u>
<u>VI.</u> Туй	<u>120</u>
<u>VII.</u> Байона и Виго	<u>131</u>

Часть III. Север

<u>I.</u>	Овьедо	<u>137</u>
<u>II.</u>	Ковадонга	<u>145</u>
<u>III.</u>	Леон	<u>150</u>
<u>IV.</u>	Асторга	<u>167</u>
<u>V.</u>	Бургос	<u>174</u>
<u>VI.</u>	Сантандер	<u>188</u>
<u>VII.</u>	Витория	<u>192</u>
<u>VIII.</u>	Верхняя Риоха	<u>196</u>
<u>IX.</u>	Сория	<u>209</u>

Часть IV. Западная Кастилия

<u>I.</u>	Паленсия	<u>219</u>
<u>II.</u>	Самора	<u>230</u>
<u>III.</u>	Торо	<u>244</u>
<u>IV.</u>	Саламанка	<u>251</u>
<u>V.</u>	Сьюдад-Родриго	<u>269</u>
<u>VI.</u>	Кория	<u>278</u>
<u>VII.</u>	Пласенсия	<u>284</u>

Часть V. Восточная Кастилия

<u>I.</u>	Вальядолид	<u>293</u>
<u>II.</u>	Авила	<u>302</u>

<u>III.</u>	Сеговия	<u>312</u>
<u>IV.</u>	Мадрид-Алкала	<u>321</u>
<u>V.</u>	Сигуэнса	<u>335</u>
<u>VI.</u>	Куэнка	<u>342</u>
<u>VII.</u>	Толедо	<u>349</u>
	<u>Приложения</u>	<u>369</u>
	<u>Библиография</u>	<u>385</u>
	<u>Указатель</u>	<u>387</u>

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
Собор в Леоне (см. стр. <u>154</u>)	<u>Фронтиспис</u>
Клостерные скамьи в монастырской церкви в Леоне	<u>48</u>
Типичный ретабло (Паленсия)	<u>50</u>
Архитектура в стиле мудехар (Саагун)	<u>64</u>
Сантьяго и его собор	<u>82</u>
Церковь Сантьяго, Ла-Корунья	<u>92</u>
Общий вид Мондоньедо	<u>96</u>
Кафедральный собор Мондоньедо	<u>98</u>
Северный портал собора Оренсе	<u>116</u>
Собор в Туе	<u>128</u>
Собор в Овьедо	<u>140</u>
Клуатр собора в Овьедо	<u>144</u>

Апсида церкви Сан-Исидоро, Леон	<u>164</u>
Собор в Бургосе	<u>180</u>
Крипта собора Сантандера	<u>190</u>
Клуатр собора в Нахере	<u>202</u>
Санта-Мария-ла-Редонда, Логроньо	<u>204</u>
Западный фасад собора Калаорра	<u>207</u>
Клуатр собора в Сории	<u>212</u>
Собор Паленсии	<u>226</u>
Собор в Саморе	<u>238</u>
Собор в Торо	<u>248</u>
Старый собор Саламанки	<u>260</u>
Новый собор Саламанки	<u>266</u>
Собор в Сьюдад-Родриго	<u>272</u>
Фасад собора Пласенсии	<u>288</u>
Западный фасад собора в Вальядолиде	<u>300</u>
Башня собора в Авиле	<u>310</u>
Собор в Сеговии	<u>316</u>
Сан-Исидро, Мадрид	<u>326</u>
Собор в Алкала-де-Энарес	<u>332</u>
Кафедральный собор в Толедо	<u>360</u>

ЧАСТЬ I

Вводные исследования

Соборы северной Испании

I

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

История и архитектура идут рука об руку; первая не может быть полной без упоминания второй, а вторая непонятна, если полностью игнорировать первую.

Поэтому следующие главы носят исторический и архитектурный характер; они основаны на эволюционных принципах и направлены на то, чтобы продемонстрировать мотивы определенных художественных явлений.

Многие из идей, поверхностно упомянутых в следующих эссе, будут подвергнуты серьезному обсуждению, поскольку они являются оригинальными; другие основаны на двух превосходных современных исторических работах, а именно «Истории испанского народа» майора Мартина Хьюма и «Истории Испании» сеньора Рафаэля Альтамира. Эти две работы можно считать *последним словом* в вопросе эволюции испанской истории.

К сожалению, автор не смог найти ни одной работы по архитектуре, которая дала бы ему краткое представление об истории ее постепенной эволюции и развития, а также о различных художественных течениях, прокатившихся по полуострову в бурный период средневековья, который, собственно говоря, начинается с арабского вторжения в VIII веке и заканчивается падением Гранады в XV веке.

Было написано несколько работ по испанской архитектуре (читатель найдет упоминания о них в других местах), но ни одна из них не рассматривает этот вопрос с эволюционной точки зрения. Напротив, большинство из них ограничивается изучением одного периода, одного стиля или одной местности; поэтому они не могут претендовать на звание *последнего слова*. Такая работа еще предстоит написать.

Тем не менее, следует понимать, что автор не претендует — *Dios me libre!* — на то, чтобы восполнить этот пробел на следующих страницах. В паре тысяч слов это было бы совершенно невозможно. Нет, полное эволюционное исследование испанской архитектуры потребовало бы многих лет труда, путешествий и изучения. Ведь на полуострове так много гибридного и экзотического, и в то же время так много всего, что свойственно только Испании. Поэтому часто бывает очень трудно определить, какие явления в искусстве являются естественными, то есть логическим результатом четко определенного художественного движения, а какие — искусственными или случайным продуктом элементов, совершенно чуждых испанской земле.

Автор охотно оставляет решение вышеупомянутой загадки другим, более мудрым умам. Тем не менее, он надеется, что те, кто возьмется за эту задачу, найдут в следующих главах некоторые замечания или наблюдения, которые помогут им обнаружить истинную причину любви испанцев к архитектурным памятникам или их безразличия к ним, а также их вклад в строительство соборов, дворцов и замков.

Испанская архитектура — или, лучше сказать, архитектура в Испании — является для нас, северян, особенно странной и чуждой. Мы восхищаемся многими зданиями на Пиренейском

полуострове, но не можем сказать, почему; мы поражены великолепием интерьеров соборов и не можем объяснить причину.

Что касается первого, то это можно объяснить восточным духом, все еще пульсирующим в стране; не зря же мавры проживали в Иберии почти восемьсот лет!

Мощное влияние церкви на жителей, влияние, которое длится со средневековья до наших дней, объясняет другое явление. Даже сегодня в Испании папа римский является верховным правителем, а князья церкви — правителями.

Выигрывает ли от этого страна? Вовсе нет. Андалусия находится в ужасающем состоянии нищеты, как и Эстремадура, Ла-Манча и Кастилия. Ни богатые, ни даже королевская семья не дают ни копейки, чтобы улучшить жалкое положение сельских жителей; Церковь тоже.

Тем не менее, необходимо быть справедливым. Изучая историю развития архитектуры в Испании, мы должны восхвалять тиранию церкви, которая потратила миллионы долларов бедняков на возведение таких чудес, как собор в Толедо и т. д., и мы должны игнорировать потных фермеров, охваченных ужасом евреев, обвиненных в ереси, опальных придворных, мореплавателей-конкистадоров, которые отдали все, чтобы купить несколько месяцев жизни, час передышки.

И автор стремился быть беспристрастным на следующих страницах. Иногда его горечь проскальзывала в перо, но следует четко понимать, что ни одно из его замечаний не направлено против Испании, страны и народа, которые заслуживают восхищения, — прежде всего сочувствия, потому что они, народ, являются рабами высокомерной Церкви, самодовольной королевской семьи и алчной орды второсортных политиков.

II

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРАБЕСКИ

История Испании, пожалуй, больше, чем история любой другой страны, представляет собой длинную череду захватывающих, противоречивых и зачастую непонятных событий.

Это связано не только с прошлым значением страны как мощного фактора в эволюции нашей современной цивилизации, но и с непредвиденными поворотами судьбы. Судьба сковывала и поработала ее народ, формировала ее величие и приводила к ее гибели. Ни о какой другой стране нельзя так правдиво сказать, что она была невольным инструментом какой-то высшей судьбы. Большинство явлений в ее истории происходило вопреки желаниям или голосам народа; различные вопросы искусства, стили, периоды или движения также не исходили от народа. Об этом необходимо помнить.

Римляне были первыми, кто прибыл в Испанию с целью завоевать эту землю и организовать полудикие кланы или племена, которые бродили по зарослям и равнинам. Но нигде великие правители мира не встречали такого яростного сопротивления. Клань были чрезвычайно воинственными и, кроме того, крайне индивидуалистичными. Они противостояли не только завоеванию земли иностранцами, но и их системе организации, которая заключалась в подчинении индивидуума государству.

Клань или племена не признавали никакого другого закона, кроме своей собственной воли; они действовали независимо друг от друга и только в редких случаях сражались группами. Они были местными патриотами, которые не признавали никакой родины за пределами своей родной долины или деревни.

Эта основная характеристика испанского народа является ключом к пониманию многих последующих событий в истории страны. Римляне боролись с ней, но их борьба была тщетной, поскольку они не смогли ее преодолеть.

Христианство зародилось на Востоке и было принесено в Испанию, по мнению одних, святым Иаковом на севере, по мнению других, святым Петром или святым Павлом на юге.

Результат был поразительным: то, чего не смогли достичь римские мечи, законы и дороги (в отношении организации диких племен), христианство осуществило за сравнительно короткий промежуток времени.

Причина этого двоякая. Во-первых, новая форма религии учила, что все люди равны; следовательно, она больше соответствовала вкусам индивидуалистичных испанцев, чем государственные доктрины Римской империи.

Во-вторых, это позволяло ему поклоняться своему божеству в таком количестве форм (святых), сколько было дней в году; следовательно, каждая деревня или город могли похвастаться своим собственным святым, пророком или мучеником, который, по мнению горожан, был больше всех других святых и действительно был богом их горячего поклонения.

Таким образом, христианство смогло привнести в римскую провинцию Испания социальную организацию, которая должна была оказать длительное влияние на страну и приобрести неслыханный уровень богатства и власти.

Когда временное господство Рима в Испании сошло на нет, другие иностранцы, вестготы, узурпировали фиктивное правление. Их государство было гражданским по названию, военным по организации и церковным на самом деле.

Однако они не образовали нации, хотя и сохранили разбитые осколки Западной Римской империи. Тот же дух индивидуализма характеризовал племена или народы, и они клялись в верности своему местному святому (Богу) и священнику, который был его представителем на земле (Церкви), — но никому другому.

Следовательно, можно предположить, что испанская нация тогда еще не родилась; контролирующая власть перешла из рук одного иностранца в руки другого: только одно учреждение — Церковь — могло претендовать на обладание национальным характером; вокруг нее или на ее фундаменте должна была строиться нация, камень за камнем, башня за башней.

На сцене появился третий иностранец. Он, несомненно, был самым важным фактором в формировании испанской нации.

Вполне вероятно, что Церковь призвала его переправиться через Гибралтарский пролив в качестве помощи против Родриго, последнего вестготского короля, который потерял трон и жизнь из-за того, что слишком сильно влюбился в свою прекрасную толийскую любовницу.

Легенды объясняют высадку мавров по-разному. Сохайл, как убедительно изложил мистер Каннингем-Грэм, является одной из таких легенд, прекрасно фаталистичной и исключительно интересной. Согласно ей, судьбой мавров управляет звезда по имени Сохайл. Куда бы она ни направлялась, они должны следовать за ней.

В восьмом веке случилось так, что со стороны Гибралтара можно было увидеть Сохайл в ее неправильном полете по небу, сверкающую звезду. Повинуясь зову звезд, Тарик высадился в Испании и двинулся на север во главе своих непреодолимых фанатичных орд. Звезда продолжала свое движение на север, и в одну прекрасную ночь ее было видно из арабских шатров, разбитых на

равнинах между Пуатье и Туром. Однако на следующую ночь его уже не было видно, и Карл Мартелл отогнал вторгшихся мавров обратно на юг.

Шли столетия, и Сохайл появлялся все ниже на южном горизонте. Однажды ночью его было видно только из Гранады, а затем Испания больше не видела его. В тот же день — это было в пятнадцатом веке — Боабдил эль Чико сдал ключи от Гранады, и арабы бежали, повинувшись зову удаляющейся звезды.

Сегодня они ждут на севере Африки, когда Сохайл снова двинется на север: когда она это сделает, они снова восстанут как один человек и вернут себе свою страстно любимую Альгамбру, свое прекрасное королевство Андалусия.

Традиция любит показывать нам ядро пламенных христианских патриотов, вынужденных вторгшимися арабскими ордами удалиться в северо-западную часть Пиренейского полуострова. Здесь они сделали вылазку, последнюю славную вылазку, и, постепенно наращивая силы, они, наконец, смогли дюйм за дюймом отбрасывать захватчика назад, пока он не бежал через пролив, чтобы больше не беспокоить Иберию.

Однако нет ничего менее истинного. Дворяне и монархи Галисии, Леона и Овьедо, а позже Кастилии, Наварры и Арагона, были множеством мелких лордов, которые, постоянно воюя между собой, правили осколками побежденного вестготского королевства. Время от времени они призывали врага—араба, которому в первые века платили ежегодную дань, на помощь в борьбе с посягательствами их братьев-христиан. Следовательно, им не хватало того духа патриотизма и национальных амбиций, которые могли бы оправдать их притязания называться монархами или правителями Испании.

Церковь была не лучше. Его епископы были независимыми князьями, которые правили в своих епархиях, как монархи в своих дворцах; они не признавали верховного господина, даже папу Римского, чьими советами пренебрегали и чьим приказам не подчинялись.

Только в двенадцатом или тринадцатом веке христианские вторжения на территорию Мавров приняли форму патриотических крестовых походов, в ходе которых пылкие христиане горели святым желанием изгнать с полуострова сарацинских неверных.

Этот священный крестовый поход был вызван прибытием монахов Ключни из Франции и Италии. Иностранцы, такие как римляне, церковь, вестготы и мавры, создали ситуацию, которая способствовала объединению различных монархов, прелатов и знати, показав им общее дело, за которое нужно бороться. Кроме того, стремясь установить верховную власть папы в стране, где его авторитет был мертвой буквой, они пересекли Пиренеи и сломили абсолютную власть надменных прелатов.

Результат был очевиден: церковь стала единой по всей стране, и ее влияние возросло в ущерб влиянию знати. Короли снова научились полагаться на первых, положив таким образом конец власти последних. Церковь снова превратилась в церковную организацию, в которой с течением времени роль прелатов становилась все более важной.

Короче говоря, если приход мавров почти на шестьсот лет задержал рождение испанской нации, то это рождение было непосредственно вызвано политическими способностями монахов Ключни; мавры, с другой стороны, оказали прямое и долговременное влияние на формирование будущей нации.

Христианская Испания на момент смерти благочестивого короля-воина Сан-Фернандо была грубо разделена на восточную и западную половины, на королевство Кастилия (и Леон) и

королевство Арагон. Слияние этих двух половинок в результате брака Фердинанда и Изабеллы двести лет спустя знаменует дату рождения Испании как нации.

Тем не менее верно, что народ практически не имел права голоса при решении вопросов. Они были безразличны к тому, что делали их коронованные правители, и ничего не знали о растущей власти, богатстве и учености прелатов. Все, о чем они просили, - это личная свобода и разрешение молиться Богу по своему выбору. Ни у того, ни у другого еще не горел в груди дух патриотизма, и они были совершенно нечувствительны к любой политике, которая касалась полуострова как единого целого.

Но Церковь-государство успешно эволюционировала, и католические короли восседали на единственном доступном троне. Последний мавр был изгнан с полуострова, евреи изгнаны из католического королевства, а инквизиция — теперь, когда Церковь больше не могла направлять свою энергию против неверных — укрепила власть папы над землей и увеличила важность и величие самих прелатов.

Несколько слов о ереси (Реформации) и инквизиции. Последнее не было направлено против первого, поскольку в пятнадцатом веке люди не могли принять реформатскую веру. Для испанца очарование христианской религии заключалось в том, что она ставила его наравне со всеми людьми; следовательно, она льстила его любви к личной свободе и его самосознанию или гордости. Очарование католицизма заключалось в том, что оно позволяло ему поклоняться местному божеству в образе святого-мученика; таким образом, это льстило его тщеславию члена клана и его духу индивидуализма.

Он поклонялся не столько христианскому богу, сколько Богородице Столпа, Богородице Скорби, Камино и т. Д., И он с меньшей готовностью подчинялся архиепископу, чем священнику-хранителю своего конкретного святого, о котором он заявил, "что может унижить всех других святых".

Следовательно, протестантизм, который стремился уничтожить этот местный культ, поддерживая культ коллективного божества, никогда не смог бы всерьез захватить страну, и сомнительно, что это когда-нибудь произойдет.

С другой стороны— как отмечалось ранее, испанская инквизиция помогла централизовать власть Церкви и обязала народ принимать ее решения как окончательные. Влияние политики Торквемады все еще ощущается в Испании — могло ли быть иначе?

Если бы последовательные события на этом этапе истории Испании шли нормальным чередом и если бы образованию людей способствовало государство, а не проклятие Церкви, более чем вероятно, что карта Европы сегодня была бы иной, чем она есть. Ибо испанский народ научился бы мыслить как патриот, как нация; они бы освоили богатую почву своей страны и густо заселили огромный *Вегас*; они бы перешли в наступление на иностранные нации и преследовали бы мавров и сражались с ними за Гибралтарским проливом.

Однако этому не суждено было сбыться. Должно было произойти аномальное событие — и оно произошло, — которое повторило в прекрасной Иберии ретроградное движение, начатое арабским вторжением 750 лет назад.

Причиной этого нового явления снова стал иностранец, безрассудный генуэзский мореплаватель, которого мир называет гением, потому что он добился успеха, но который был злым гением новорожденной испанской нации, тем, кто должен был принести своей приемной стране беспрецедентную славу, прежде чем вызвать ее быстрое и сокрушительное падение.

Христофор Колумб прибыл в Испанию с востока; из Испании он поплыл на запад и открыл — для Испании! — два огромных континента.

Важность этого события для Испании может быть упущена из виду теми, кто ослеплен неожиданным осуществлением смелых мечтаний Колумба. Это было похоже на извержение вулкана, произошедшее на девственной почве, разметавшее землю и траву, слои и наслоения камня туда-сюда в полном беспорядке, препятствуя дальнейшему росту молодых побегов и препятствуя возведению прочного национального здания.

Вместо того чтобы посвятить свою энергию внутренней организации страны, испанцы обратили свои взоры к Новому Свету. В обмен на золото и драгоценные камни, которые сыпались в землю, они отдавали то, что действительно делало страну бедной и слабой: свою кровь и свои жизни. Самые храбрые и бесстрашные лидеры пересекали моря со своими последователями, а за ними плыли тысячи и тысячи отважных искателей приключений и солдат.

Но испанцы не смогли колонизировать. Им не хватало тех качеств коллективизма, которые были характерны для Рима и Англии. Индивидуалистический дух народа заставлял их уезжать по своему выбору, не имея никаких амбиций создать на вновь приобретенных территориях дом и семью; женщины также не эмигрировали — и отсюда неудача Испании как колонизирующей державы.

С другой стороны, те, кто плавал по морям к материковой Испании и накопил значительные сокровища, неизменно возвращались, но не совсем в Испанию, а в свой родной город или деревню. Вернувшись домой, они первым делом завещали значительную сумму Церкви, чтобы облегчить свою совесть и обеспечить себе почтение, уважение и неограниченную свободу.

Последствия, вызванные этим феноменом индивидуализма, были многообразны. Они существуют и по сей день, настолько продолжительными они были.

Было создано новое дворянство — богатое, могущественное и в целом высокомерное и беспринципное, пришедшее на смену феодальной аристократии средневековья.

Во—вторых, возникла олигархия — или, еще лучше, *качиквисмо*, индивидуалистическая форма олигархии, которая быстро стала проклятием современной Испании; то есть с тех пор, как династия Бурбонов управляла судьбой страны. Как легко понять, это *касиквизмо* может процветать только там, где индивидуализм является ведущей характеристикой народа.

В-третьих, все надежды на то, что в стране появится состоятельный средний класс - опора богатой нации, без которой ни один народ не сможет достичь национального уровня благосостояния, — полностью исчезли.

Наконец, Церковь, разбогатевшая сверх всяких мечтаний клюнийских монахов, сохранила железную хватку в стране и препятствовала либеральному образованию масс. Чтобы отплатить за верность раболепствующих католиков, он канонизировал легионы местных пророков и мучеников и организовал сотни веселых ежегодных *праздников* в честь их памяти. Невежественные люди, польщенные данью восхищения, воздаваемой их божествам, не смотрели дальше вперед, на растущий хаос нищеты, и были счастливы.

Произошел крах — могло ли быть иначе? За морями огромная территория, в сотни раз превышающая нательную *солнечную*, или метрополию, простиралась от Атлантики до Тихого океана; дома мертворожденная нация лежала на засушливом лугу рядом с торжественной церковью, легкомысленным, эгоистичным тронem и немым и мрачным кирпичным монастырем.

Испанская армада отплыла в Англию, чтобы никогда не вернуться, и Филипп II построил Эскориал, печальный пантеон королей Пиренейского полуострова.

Одна за другой отпадали колонии, осколки иллюзорной империи, и, наконец, метрополия снова стояла совершенно обнаженной, как в те дни, когда Колумб еще не покинул гавань Палоса. Но лицо матери уже не было юным и свежим, как у младенца: морщины возраста и страдания избороздили лоб и подбородок, ибо не напрасно на протяжении веков она была игрушкой безжалостной судьбы.

Такова гигантскими шагами история Испании.

Извержение вулкана в пятнадцатом веке, правда, оставило неизгладимые следы на почве страны. Тем не менее, в тот самый день, когда был подписан Парижский мирный договор и последняя из испанских колоний *Ультрамар* была потеряна навсегда, в тот день испанская нация возродилась на разрушенных основах старого.

Этого нельзя отрицать: когда Фердинанд и Изабелла объединили свои королевства, родилась нация; она распалась на части (хотя, очевидно, не раньше, чем позже), когда Колумб высадился в Америке.

Анархия, беспорядки и угнетение, невежество и бедность, то легкомыслие, то аскетизм при дворе заполняют последующие столетия вплоть до коронации Альфонсо XII. За все эти годы лишь однажды Испания — уже не нация — засияла в истории с еще большим блеском, чем тогда, когда она провозгласила себя владычицей мира. Но в этом случае, когда она храбрыми, но разрозненными группами противостояла вторжению французских легионов, она дала еще одно доказательство индивидуалистических инстинктов расы, противоположных любой социальной и компактной организации масс.

О карлистских войнах нужно лишь вскользь упомянуть. Они не были национальными; они были вызваны амбициями правителей и знати, и с ними боролись жители Наварры и провинций Басков, которые отстаивали свои *фуэрос*, наемные солдаты и *альдеано*, чьи дома и семьи находились под угрозой.

Новая Испания родилась несколько лет назад, но до сих пор она не продемонстрировала жизнеспособности. А так она обременена традициями и измучена воспоминаниями. Она должна вести ожесточенную борьбу с существующими злыми институтами, доставшимися ей в качестве сомнительного наследия из прошлого.

Если она выйдет победительницей из борьбы, всеобщая история снова услышит ее имя, поскольку страна не является *гастадо* или дегенеративным государством, как многие хотели бы заставить нас поверить.

Если ей не удастся выбросить за борт бесполезный и лишний балласт, возможно, государственный корабль пойдет ко дну — и тогда, кто знает?

А пока давайте не будем недооценивать испанца и бросать камни в его особняк из разбитого стекла. Чтобы помочь нам в этом, давайте вспомним, что неожиданные превратности судьбы, совершенно чуждые его стране, были причиной его иллюзорного величия в шестнадцатом веке. Кроме того, в нашем огромном мире нет более пылкого любителя индивидуальной (не социальной) свободы, чем испанец, — за исключением мавров.

При сложившихся обстоятельствах им следует восхищаться — даже жалеть.

III

АРХИТЕКТУРНЫЕ АРАБЕСКИ

Предварительные действия

ТнеРазные периоды, упомянутые в предыдущей главе, характеризуются соответствующим художественным движением.

Зародыши этих движений неизменно приходили из-за границы. В Испании они задержались, были локализованы и выросли - разновидность гибридных растений, в которых все еще был замечен чужеродный элемент, хотя он претерпел ряд изменений, вызванных либо добавлением других элементов, изобретательским гением художника-архитектора, либо иным образом, характерным для местности, в которой было возведено здание.

Другие убедительные замечания, сделанные в предыдущем исследовании, помогают объяснить эволюцию церковной архитектуры. Выводов было пять: (1) могущество и богатство Церкви, (2) влияние иностранцев на судьбу страны, (3) индивидуалистический дух членов клана, (4) недолговечность испанской нации, пресеченная в зародыше, прежде чем она смогла расцвести, и (5) формирование олигархии (*касиквизмо*), которая препятствовала становлению образованной *буржуазии*.

Первое из приведенных выше убедительных наблюдений не нуждается в дальнейших комментариях, учитывая, что мы изучаем церковную архитектуру. Достаточно указать на огромное количество соборов, церквей, приютов отшельников, монастырей и епископских дворцов, чтобы убедиться в влиянии Церкви на страну и кошельки ее жителей.

Испанец, с психологической точки зрения, не художник; сомнительно, чтобы неграмотные и необразованные люди были художниками, и средний житель Испании не является исключением из этого правила. Его художественные таланты ограничены исключительно музыкой, к которой у него чрезвычайно тонкий слух. Но красота в пластике и архитектуре оставляет его холодным и безразличным; на него влияют масса, увесистость и количество, а не элегантность или легкость, и, следовательно, для него все равно, будет ли собор готическим или романским, лишь бы он был посвящен божеству по его выбору.

Таким образом, разница между итальянским и иберийским языками очень заметна. Даже пейзажи каждой страны неоспоримо доказывают это. В Италии они состоят из мягких волнистых линий; цвета разнообразны — зеленый, красный и синий; почва влажная и плодородная. В Испании, напротив, все сухо, безжизненно и дико; голубое небо, красные кирпичные дома и серовато-золотистая почва; жители такие же дикие, как и сама местность, и пресловутое "*мое прекрасное*" итальянца ни в малейшей степени не беспокоит первых.

Все это объясняет нечувствительность испанца к пластическим искусствам, а также (например) повсеместное использование огромных *ретаблос* или алтарных фигур, для которых размер и яркие цвета - это все, что требуется, и чем больше размер, тем более контрастирующие цвета, тем лучше.

Неудивительно и то, что испанец не создал собственной архитектурной школы. Все, чем он владеет, заимствовано из-за рубежа. Его любовь к византийскому гротеску и мавританским геометрическим арабескам унаследована, одна от вестготов, а другая непосредственно от мавров. Остальные стили — северный и итальянский, и были привнесены в страну такими иностранцами — монахами и художниками, - которые толпились в Испании в поисках испанского золота.

Эти художники (это правда, что некоторые, и, возможно, лучшие из них, были испанцами) работали не для народа, ибо не существовало *буржуазии*. Они работали на богатых прелатов, на

аристократию и на *каси́ков*. Эти последние роскошно украсили часовни, посвятили алтарь такому-то божееству и воздвигли великолепную гробницу или серию гробниц для себя и своих семей.

Это своеобразное явление объясняет богатство испанских церквей боковыми приделами. Не собор, но их около двадцати; не церковь, но их полдюжины. Более того, некоторые из самых прекрасных образцов надгробного искусства можно найти не в соборах, а в отдаленных деревенских церквях, где какой-нибудь *каси́к* похоронил свои кости и его изображение было вырезано на великолепной мраморной гробнице.

Эти часовни построены во всех возможных стилях и со всей степенью великолепия, в соответствии с щедростью дарителя. Здесь они выпирают, деформируя правильный план церкви, или же занимают важную часть интерьера здания. Там они - драгоценности эпохи Возрождения в готическом храме или чудеса возрождения в романском здании. Это, так сказать, небольшие церкви — или важные пристройки, подобные Кондестаблю в Бургосе, с собственным куполом, абсолютно независимым от самого собора, богатым декоративными деталями, роскошным использованием полированного камня и металла, агатовых и золотых аксессуаров, позолоченных фриз, барельефов и расписных *ретабло*. Они представляют собой одну из наиболее характерных черт испанской религиозной архитектуры и искусства в целом, и прежде всего благодаря им соборы Иберии являются музеями, а не торжественными местами поклонения.

Но испанский народ не возводил их; ими командовали тщеславные и боящиеся смерти *каси́ки*, а возводили их художники — в основном иностранцы, хотя часто и туземцы. Людям было все равно, и они не проявляли к этому никакого интереса; пока деревенский святой не был оскорблен, а их личная свобода (*fuero*) не была ущемлена, мир, его художники и *каси́ки* могли поступать, как им заблагорассудится.

Эта бесчувственность препятствовала формированию национального стиля. Кроме того, поскольку период существования испанской нации был чрезвычайно коротким, у нее не было времени для развития национальной художественной школы. В некоторых населенных пунктах, как, например, в Галисии, преобладающий тип или стиль был в обиходе и постепенно эволюционировал во что-то строго местное и превосходное. Эти типы вместе с мавританским искусством, и прежде всего с *работой мудехаров*, возможно, эволюционировали еще дальше и сформировали национальный стиль. Но нация развалилась на куски, как высохшая бочка, у которой сломаны обручи, и стиль нации так и не сформировался.

Кроме того, одновременно с рождением нации произошло зарождение движения Возрождения. Это был *государственный переворот*, последний удар по любым зачаткам испанского стиля, стиля, состоящего из христианских и исламских принципов и идеалов:

"Es	wär	zu	schön	gewesen,
Es	hätt'	nicht	sollen	sein!"

В сложившихся обстоятельствах студент-искусствовед в Испании, каким бы восторженным или односторонним он ни был, не может претендовать на открытие национальной школы. Он обязательно должен ограничить свои исследования анализом волн иностранного искусства, захлестнувших страну; он должен наблюдать, как они локализовались и видоизменялись, как они были объединены мудро и нелепо, и он должен указать причины этих смещений и трансформаций. На этом его задача заканчивается.

Его поразит одна особенность: на полуострове нет зданий в чистом готическом, романском или ренессансном стиле. То же самое можно сказать и о мавританском искусстве. Капители колонн в меките Кордовы выполнены в латино-романском стиле, их сорвали с предыдущего здания

вторгшиеся арабы, чтобы украсить свой собственный храм. Альгамбра также украшена арабесками с животными, которые являются византийскими, а не мавританскими. Тем не менее, арабское искусство в целом более чистое по стилю, чем христианское.

Эта трансформация иностранных стилей доказывает: (1) что, хотя испанскому художнику не хватало творческого гения, он не был низкопробным подражателем, но стремился сочетать; он стремился придать храму, который ему предстояло построить, такой тяжелый, массивный, сильный и мрачный вид, который так хорошо гармонировал с религиозным и воинственным духом представителей разных кланов; и (2) что тот же художник не смог полностью понять идеал парящего оживала, простого ренессанса или чистого романского стиля (последнее он понимал лучше, чем любое из них). Для него они — как и исламское искусство — были всего лишь элементами, которые нужно было использовать. Помимо их конструктивного использования, они были излишни, и художник-архитектор был слеп к их этическому объекту или эстетической ценности. С их помощью он строил архитектурные чудеса, но чудеса гибридные, сложные, грандиозные, роскошные и величественные.

Тем не менее, следует четко понимать, что в приведенных выше параграфах не чувствуется и не подразумевается никакого презрения к испанским соборам. Факты изложены, но личного мнения о том, что лучше, чистая готика или сложная испанская готика, не высказывается. В искусстве действительно нет ничего лучшего; кроме того, сравнения отвратительны, и здесь они совершенно излишни.

Кафедральные церкви

Прежде чем сопровождать студента-искусствоведа в его задаче определения различных иностранных стилей, нам не мешало бы изучить некоторые общие характеристики, общие для всех испанских соборов. Тогда мы сможем с большей легкостью понять причины изменений, внесенных в чистые стили.

Внешний вид всех соборов суров и массивен, даже обнажен и торжественен. Ни окна, ни выступающие контрфорсы не используются в таком изобилии, как во французских соборах, а высота нефов больше. Несомненно, цель состоит в том, чтобы придать внешним стенам ощущение прочности, объединив их в компактную массу. Еще большего эффекта достигают квадратные, тяжелые башни вместо элегантных шпилей. (Сравните, однако, главы о Леоне, Овьедо, Бургосе и т.д.) Также часто используются купола (*кимбории*, фонари и купола), большинство из которых имеют явно восточный вид. Апсида выпуклая и, как правило, пятисторонняя, воинственная своими суровыми очертаниями. В качестве основного конструктивного элемента неизменно используется камень — гранит, *беррокенья* (мягкий белый камень, с возрастом становящийся темно-серым) и *силлар* или *силлерия* (красный песчаник, разделанный на плиты, похожие по размеру и виду на кирпич). Там, где используется красный песчаник, слабые части зданий очень часто возводятся из кирпича, и именно эти последние по названию соборы имеют наиболее восточный вид, особенно когда на кирпичной поверхности вырезаны *мудехарские* рельефы.

В целом, все здание часто напоминает замок или крепость, а не храм, что гармонирует со строгим, засушливым ландшафтом и свирепым, страстным и идолопоклонническим характером членов клана или жителей различных регионов.

Главный вход обычно невелик по сравнению с высотой и большой массой здания. Остроконечная арка — или серия арок, — венчающая портал, скромна по своей структуре, или, другими словами, лишь слегка заострена, или ее вообще нет.

Внутренний вид церкви совершенно иной. Насколько голой была церковь снаружи, настолько роскошной и величественной она стала внутри. Невольно на ум приходят средневековые

испанские дворцы: их мрачный вид снаружи и веселый *внутренний дворик* за тяжелыми, непривлекательными панелями дверей. Мавры и по сей день используют эту архитектурную систему; ее происхождение, даже в случае христианских церквей, восточное.

Оставляя в стороне все архитектурные соображения, которые будут рассмотрены в главах, посвященных описанию различных соборов, давайте рассмотрим общее расположение некоторых из наиболее интересных частей испанской церкви.

Проходы, как правило, высокие и темные, погруженные в постоянную тень. Самая светлая и воздушная часть здания находится под *набережной Круазе* (пересечение нефа и трансепта), которую часто венчает красивый *чимборио*.

Неф - самая важная часть церкви, и самый впечатляющий вид открывается посетителю, стоящему под *набережной Круазе*.

К востоку от него неф заканчивается полукруглой часовней, дальний конец которой может похвастаться огромным *ретабло*; к западу хор с партером и органами также прерывает непрерывность нефа. И хоры, и алтарь богаты декоративными деталями.

За главным алтарем проходит амбулатория, соединяющая проходы и отделяющая первую от апсиды и приделов. Задняя стена главного алтаря (в амбулатории) называется *трасалтаром*, где небольшой алтарь обычно расположен в нише и посвящен святому покровителю, то есть, если сам собор посвящен Богородице, как это обычно бывает.

Иногда в стене *алтаря пробивается овальное окно*, через которое свет из апсидальных окон проникает в главный алтарь; такое расположение называется *прозрачным*.

Хоры, такие же широкие, как неф, и часто такие же высокие, имеют прямоугольную форму; алтарный стол обычно стоит в западной части, которая отгорожена стеной. Задняя часть этой стены (обращенная к западному входу в храм) называется *траскорои* содержит алтарь или часовню; боковые стены также пронизаны низкими комнатами или нишами, которые служат либо часовнями, либо алтарными обрамлениями.

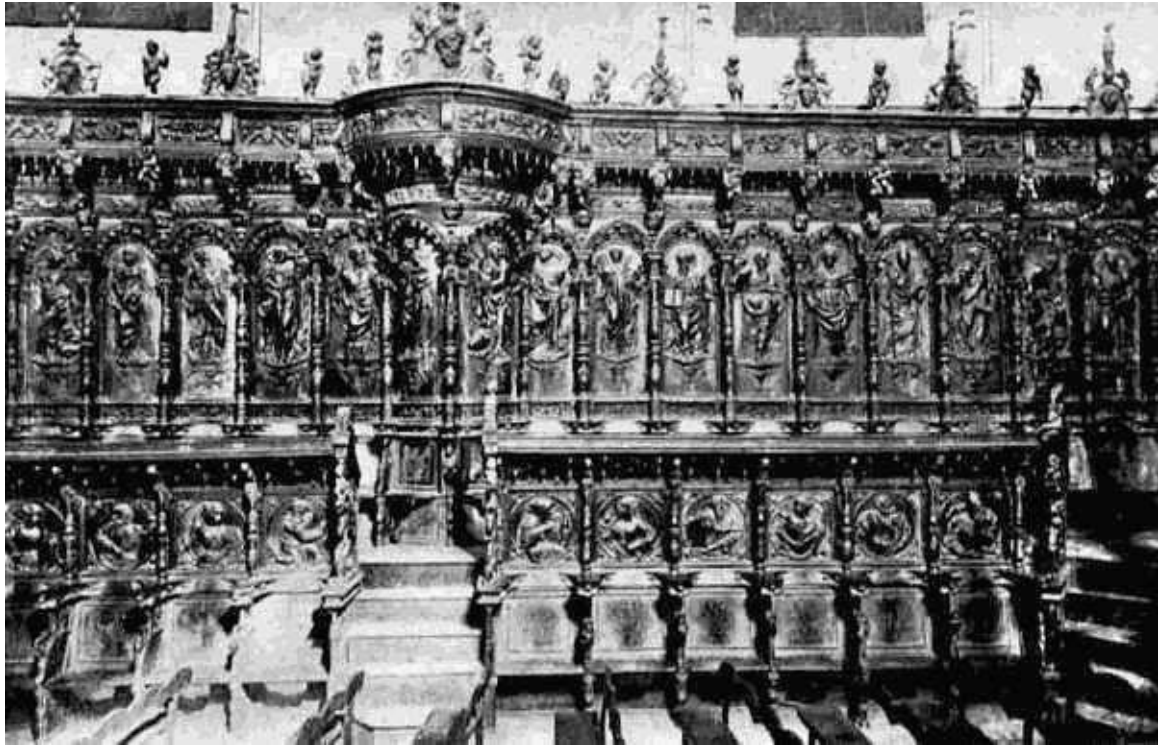
Расположение хоров в самом центре церкви, их ширина и высота, а также ограждение стеной с западной стороны делают невозможным обзор всего здания, какой бывает в Северных соборах и от которого во многом зависит впечатление архитектурного величия. Создавалось впечатление, что испанские архитекторы были совершенно чужды последнему впечатлению или намеренно убивали его, заменяя другим, более соответствующим их вкусу, а именно впечатлением великолепия и роскоши. Нигде — насколько известно автору — это впечатление не ощущается так остро, как в испанском соборе, видимом из-под *набережной Круазе*.

Сверкающий блеск, ослепительное золото, серебро или позолота, полированный мрамор, агат и яшма, а также роскошь ярких красок бросаются в глаза посетителю, когда он стоит здесь. Эффект, несомненно, театральный, но на смиренного истинно верующего он производит впечатление восточного великолепия; и то, что в других странах можно было бы счесть гротескным и нездоровым искусством, в Испании должно рассматриваться как сама суть богослужения страны, сам *смысл существования собора*. Это также нельзя считать вредным для здоровья: у нас, на Севере, *религиозный трепет* вызывает торжественное величие поднимающихся шахт и длинных, высоких и узких проходов; это не производит впечатления на современного иберийца; и все же то же самое чувство *религиозного трепета* перед ужасающим неизвестным, будь то святой, Спаситель, Девственница или Бог, передается ему этой блестящей демонстрацией неисчислимых богатств.

Чтобы создать это великолепие на хорах и главном алтаре, декоративному и промышленному искусству была предоставлена полная свобода действий, и все вместе они создали те чудеса пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков, которые поставили Испанию на видное место в истории искусства. Ювелиры и серебрянники, мастера по металлу, скульпторы по камню и дереву, живописцы и *эстофадоры* вместе с легионом других художников и ремесленников всех классов и национальностей работали в унисон над созданием хора и главного алтаря.

Таким образом, с художественной точки зрения испанский собор для иностранца является музеем, коллекцией предметов искусства, большинство из которых относится к промышленному искусству страны, для которого Иберия была первой среди всех наций.

ХОРЫ.—Пространство не позволяет нам классифицировать этот важнейший аксессуар испанских соборов. Вырезанная из орехового или дубового дерева, то простая и строгая, то богатая и витиеватая, эта ветвь барельефной графики составляет одно из самых заслуженных достояний Испании. Странно, что ни одно иллюстрированное произведение, посвященное исключительно хорам, не было опубликовано ни на одном языке. Тем не менее, внимание туриста должно быть привлечено к этой части культовых сооружений; это не должно ускользнуть от его внимания при посещении кафедральных и приходских церквей, и прежде всего монашеских храмов.

СЛУАСТЕР ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ В МОНАСТЫРСКОЙ ЦЕРКВИ В ЛЕОНЕ

РЕТАБЛО.—Приведенные выше замечания справедливы и здесь, когда речь идет об огромных и внушительных алтарных образах, столь характерных для Испании.

Восточная стена святой часовни в соборе полностью скрыта сверху донизу *ретабло*, раскрашенной деревянной конструкцией, напоминающей огромные пчелиные соты. Он состоит из ниш, обрамленных позолоченными колоннами. По конструкции этих колонн, то готических стволов, то греческих или композитных, то простых и суровых, определяется период, к которому относится *ретабло*.

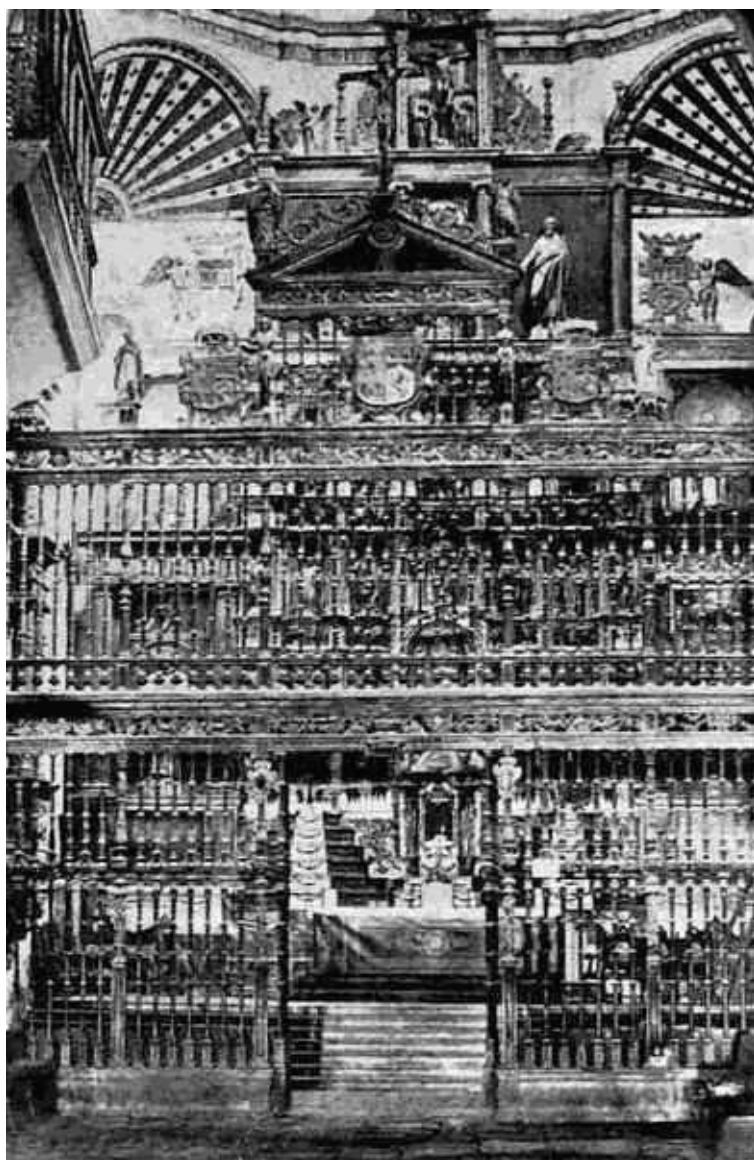
Эти ниши, расположенные, как правило, пирамидально, высотой, шириной и глубиной среднего человека, содержат статуи апостолов или святых в натуральную величину, раскрашенные и украшенные *эстофадорами* ярких цветов (конечно, поскольку они предназначены для того, чтобы их было видно издалека!), в которых преобладают красный и синий цвета, и которые создают великолепный эффект, *повторяемый* позолоченными колоннами ниш. (Сравните с восточным вкусом *потолочных работ в стиле мудехар* или *артезонадо*.)

Все *ретабло* в целом, в барельефах, образующих основание, и в статуях или группах в нишах, графически представляет жизнь Спасителя или Богородицы, святого покровителя или апостола; некоторые из них отличаются изысканностью исполнения, большим разнообразием и подвижностью; в других большее внимание было уделено украшению колонн или стволов оригинальными цветочными гирляндами и т.д. Фоменте, Джуни и Берругете - одни из самых известных *создателей ретабло*, но пространство не позволяет провести более детальную классификацию или анализ.

МАСТЕРА ПО ЗОЛОТУ И СЕРЕБРУ.—Сосуды, используемые на алтарном столе, изображения святых, кресты для процессий и т.д., выполненные из чеканного золота и серебра, заслуживают

пристального внимания. То же самое относится и к сокровищам собора, в некоторых случаях имеющим огромную ценность, как художественную, так и внутреннюю. Ткани, сотканые из цветных шелков, золота и драгоценных камней, достаточно красивы, чтобы вызвать зависть у любого любителя искусства.

Центральную нишу *ретабло*, расположенную непосредственно над алтарным столом, обычно занимает массивное чеканное серебряное изображение, художественная ценность которого, к несчастью, частично скрыта под грудой ценных тканей и драгоценностей.

ТИПИЧНОЕ РЕТАБЛО (ПАЛЕНСИЯ)

Но где искусство серебряных дел мастера наиболее чисто и ярко выражено, так это в *саграриосе*. Это массивные пирамиды, вырезанные из серебра высотой около двух-трех футов: они представляют собой миниатюрные храмы или троны со стволами или колоннами, поддерживающими арки, окна, шпили и купола. Внутри можно увидеть изображение святого, или Богородицы, и т.д., которому посвящен собор, восседающего на троне.

Во всех случаях мастерство изготовления этих миниатюрных храмов является изысканным и принесло заслуженную славу испанским серебряным дел мастерам пятнадцатого и шестнадцатого веков.

ЖЕЛЕЗОДЕЛАНИЕ.— Последними, но не менее важными, следует упомянуть ремесленников, которые работали с железом. Они довели свое ремесло до уровня изящного искусства, пользующегося всемирной известностью; их художественные *решетки* на окнах в домах и дворцах богатых людей являются предметом восхищения всех любителей искусства, равно как и огромные *решетки*, которые закрывают главный алтарь и хоры со стороны трансепта или вход в часовни со стороны нефов. Хотя сегодня это искусство полностью выродилось, тем не менее, в присутствии автора было сделано справедливое замечание одним англичанином, который сказал:

"Даже сегодня испанцы не в состоянии провести плохую *рею*".

Внимание читателя и туриста было привлечено к выдающимся художественным особенностям испанского собора. Их нужно рассматривать одну за другой, и они вызовут восхищение; вид ансамбля озадачит и поразит его, но с его стороны будет мудро не подвергать резкой критике отсутствие *единства стиля*. Часто партеры для хоров оживают, *ретабло* в стиле Ренессанса, *rejas plateresque*, а общее оформление колонн и т. Д. Отличается самым пышным гротеском.

Это само по себе не является грехом, ни художественным, ни этическим, если только *религиозный трепет* приходит домой к испанцу, для которого предназначены эти соборы. Кроме того, остается открытым вопрос, может ли монотонность чистого стиля быть благороднее роскошного сочетания всех стилей. Весь вопрос в том, гармонируют ли разные части или они производят *ужасное* впечатление.

Ответ во всех случаях является сугубо личным. Тем не менее, даже если он неблагоприятен, полезность художественной демонстрации также следует иметь в виду и учитывать. А что касается испанца, то полезность действительно существует, вне всякого сомнения.

Архитектурные стили

Давайте теперь последуем за студентом-искусствоведом в его задании. Он определит различные стили и, чтобы прояснить ситуацию, воспользуется риторической фигурой:

В море есть остров. Огромные буруны с ревом набегают на пляж и разбиваются о скалистые утесы. Вторые, третьи и четвертые буруны разной силы и энергии соревнуются с первыми, и их, в свою очередь, безжалостно насаждают сзади, пока они не затихают прибоем на золотых песках и не вскипают белыми брызгами в скрытых скалах и пещерах. С течением лет остров приобретает форму по воле волн.

Испания, образно говоря, - это остров или полуостров у юго-западного побережья Старого Света, отделенный от Франции непроходимыми Пиренеями и образующий связующее звено между Африкой и Европой: первая ступенька для первой на ее северном пути, последняя окончательность или арьергард последней.

The breakers представляют различные художественные течения, которые, зародившись в странах, где *компактные* нации энергично боролись за существование и за идеал, со страшной силой наводнили цивилизованные земли средневековья и стремились превзойти и покорить своих соперников.

Этими нарушителями были: с востока - раннехристиане (как латино-ломбардские, так и византийские); с севера - готики; с юга - арабы или, если быть более точным, мавританцы. Первые

двое были сторонниками одной цивилизации, христианской или западной; последний был пропагандистом другой, нео-восточной или мусульманской.

Эпоха Возрождения была всего лишь вторым или третьим прорывом, пришедшим с востока, который вдохнул новую жизнь в устаревшие конструктивные и декоративные элементы, адаптировав их к новой религии.

Более поздние архитектурные формы были всего лишь периодическим возрождением или сочетанием того или иного из уже существующих элементов.

Испания, благодаря своему уникальному положению, была точкой, где все эти противоречивые волны встретились в последней попытке сокрушить своих противников. В Испании византийские колонны сражались с ломбардскими валами, а готические шпили гордо возвышались рядом с аркой в виде подковы и *аркой брисе*. В Испании христианство столкнулось с исламом и отправило его истекать кровью обратно в дебри Африки; в Испании многоугольник, круг и квадрат боролись за превосходство и потеряли свою индивидуальность в сложном смешении одного с другим, а минареты, купола и шпили сочетались в причудливой фантазии и богатстве декора, служа амбициям могущественных прелатов, королей-фанатиков и боящихся смерти дворян.

Такова, риторически выражаясь, история архитектуры Испании. У соборов был свой *характер*, либо национальный (по определенным характеристикам), либо местный. Но элементы, из которых они были составлены, были иностранными. То есть, за исключением испано-мавританского искусства.

Мавританское искусство! Во втором томе (Южная Испания) автор этих строк посвятит несколько параграфов искусству мавров в Испании. В настоящей главе достаточно привести следующие утверждения.

(1) Мавританское искусство в Испании свойственно арабам, населявшим полуостров в течение семисот лет. Следовательно, это искусство, зародившееся на иберийской земле, не может рассматриваться как иностранное.

(2) Многое из того, что называется мавританским искусством, обязано своим существованием христианам, музарабам и евреям, населявшим города, которые зависели от мавров или принадлежали им. Точно так же большая часть восточного вкуса испанских христиан была унаследована от мавров и получила в Испании общее название *Мудехар*.

(3) Искусство мавров, хотя и широко использовалось в Испании, особенно на юге, редко использовалось в постройках соборов, хотя часто было заметно в церквях, монастырях и в декоративных мотивах.

(4) Мавры узнали в Испании больше художественных мотивов, чем привнесли в страну.

Этими и многими другими интересными моментами придется пренебречь в настоящей главе. Ибо соборы севера (в том, что касается идеала, приведшего к их возведению) радикально противоположны мавританскому искусству.

Доисторическое римское и вестготское (?) искусство одинаково неважны в этом исследовании, поскольку ни тот, ни другой не построили ни одного христианского храма, сохранившегося до наших дней. То есть кафедральный собор; ибо вестготские или раннелатинские и византийско-романские церкви действительно существуют в Астурии, а также примечательный образец в Вента-де-Баньос. Это на редкость странные сооружения, и следует сожалеть, что это не соборы, поскольку их изучение было бы чрезвычайно интересным не только с точки зрения иберийского

искусства, но прежде всего с точки зрения истории искусства в средние века. До сих пор они были полностью забыты и, к сожалению, мало известны за рубежом.

РОМАНСКИЙ.—Происхождение романского языка широко обсуждается. Одни приписывают это Италии, другие - Франции; третьи опять же убеждены, что все христианское (религиозное) искусство, предшествовавшее зарождению готики, является романским, и т.д., и т.п. Наиболее правдоподобная теория состоит в том, что рассматриваемый стиль развился из раннего латино-христианского (базиликального) стиля, в то же время позаимствовав многие декоративные детали из византийско-христианского стиля.

В Испании христианская архитектура дороманского периода (или вестготская) демонстрирует явное византийское влияние, вероятно, в большей степени, чем в любой другой европейской стране. Эта особенность влияет также на романский стиль, как ранний, так и поздний. Это также неудивительно, учитывая, что важная колония *бизантино* (христиан) обосновалась в Восточной Андалусии в вестготский период.

В десятом веке на севере Испании начали возводить церкви, а в одиннадцатом - соборы. Византийское влияние было очень заметно в более ранних памятниках.

Был ли романский стиль иностранным? Был ли он завезен из Италии или Франции, или это был естественный результат или эволюционный продукт упадочной раннехристианской архитектуры? В последнем случае невозможно сказать, где он развился, возможно, к северу или к югу от Пиренеев, возможно, к востоку или к западу от Альп. Более того, Пиренеи в те дни не служили строгой пограничной линией, как сегодня; напротив, и Наварра, и Арагон простирались за пределы горной стены, и герцоги Южной Франции иногда владели огромными территориями и городами к югу от Пиренеев.

Как бы то ни было, романский стиль впервые зародился в Испании в десятом и одиннадцатом веках. Его рождение совпало с началом популярного религиозного крестового похода против мавров, населявших полуостров в течение четырех столетий; это совпало также с великим периодом строительства церквей в истории Северной Испании, когда Альфонсо Кастильский создавал епископства (чтобы помочь себе в их политических амбициях) с такой же легкостью, с какой они нарушали неудобные договоры и жестоко убивали друзей, родственников и врагов. Следовательно, было возведено много романских соборов, и хотя большая часть из них позже была разрушена и заменена готическими сооружениями, несколько прекрасных образцов прежнего стиля все еще можно увидеть.

Излишне говорить, что романский язык стал локализованным; другими словами, он приобрел определенные характеристики, ограниченные определенными регионами. Галисийский романский стиль и стиль Западной Кастилии, например, почти полностью отличаются по внешнему виду: первый чрезвычайно поэтичен и украшает стены богатой и превосходной резьбой; второй чрезвычайно силен и воинственен, а украшения, если они вообще используются, выполнены в византийском или, по крайней мере, восточном вкусе.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.—Многие соборы Галиции принадлежат, по мнению нескольких авторов, к этому периоду, в который романская мощь превратилась в примитивную готику или ожившую воздушность. В другой главе было высказано личное мнение, отрицающее точность приведенного выше замечания.

В Испании нет типичного примера Переходного периода. Оживительные изменения, внесенные позднее в романские церкви, что является очень распространенным явлением, не могут служить основанием для отнесения зданий к памятникам переходного периода.

Неудивительно, что в Испании не хватает таких зданий. Ведь готика произошла не от романского стиля на полуострове, а была завезена из Франции. Вскоре после своего первого появления он смел все перед собой, благодаря монахам Ключни, и использовался исключительно в церковном строительстве. Более того, в строгом смысле этого слова следует исходить из того, что первый (Переходный) стиль может существовать только там, где новый стиль возникает из старого, не будучи привнесенным из-за рубежа.

ВОЗРОЖДАЮЩЕЕ ИСКУССТВО.— Тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый века - это, собственно говоря, века великой северной художественной волны, которая быстро распространилась по полуострову, склоняя все перед своей непреодолимой волей. Романские церкви были разрушены или модифицированы (почти во всех романских зданиях были установлены амбулатории), и возникли новые соборы, вызванные к существованию нуждами нового народа, христианского народа-завоевателя, изгнавшего неверных с земли и водрузившего Святой Крест на священных памятниках исламской религии.

Изменения, внесенные в новый стиль, как правило, придавали ему более суровый и вызывающий внешний вид, чем в северных церквях, — отсутствие окон и летящих контрфорсов, робко заостренных арок и массивных башен. Кроме того, круглоголовые арки (своды и горизонтальные линии) использовались без разбора, чтобы нарушить вертикальную тенденцию чистого оживления; то же самое было с византийскими куполами.

Торжественная, холодная и голая кафедральная церковь Алькала-де-Энарес - прекрасный пример вышесказанного. Мало кто мог бы отнести его к тому же классу, что и красноречивый кафедральный собор Леона и не менее впечатляющий кафедральный собор Бургоса. Тем не менее, он, каждый дюйм его, такой же чистый готический, как и предыдущий, только по сути он испанский, а два других - французские; на нем лежит мрачный *налет* эпохи испанской инквизиции, фанатичной нетерпимости эпохи католических королей.

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ СТИЛИ.— Ближе к концу пятнадцатого и началу шестнадцатого веков в страну пришел итальянский Ренессанс и вытеснил готическую архитектуру из сознания художников и покровительствующих им прелатов.

Но итальянское Возрождение не произвело впечатления на испанца, чей характер был противоположен характеру его средиземноморского кузена; точно так же и общий вид его страны отличался от Италии. Следовательно, неудивительно, что на полуострове мы найдем очень мало памятников эпохи чистого Возрождения. С другой стороны, часто можно встретить испанский Ренессанс — витиеватую форму итальянского; в своей самой суровой форме он называется *платереско*.

Во времена Филиппа II Хуан Эррера создал свой стиль (Эскориал), ведущими характеристиками которого были симметрия, величие размеров и бедность декора. Реакция, однако, последовала быстро, и Чурригера представил самый поразительный театральный гротеск, какой только можно вообразить.

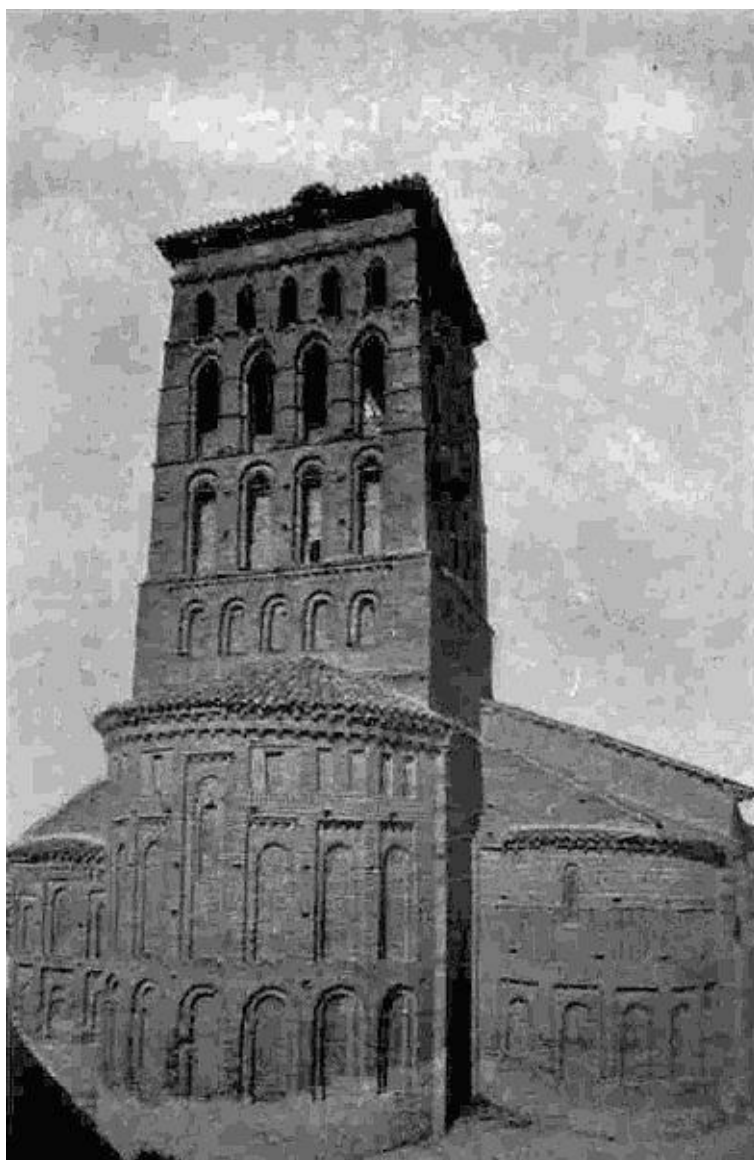
Более поздняя история испанской архитектуры похожа на историю остальной Европы. Как бы то ни было, период, который нас здесь больше всего интересует, тянется с одиннадцатого по шестнадцатый века и охватывает романский, оживальский и платереский стили. Все соборы, рассматриваемые в этом томе, принадлежат к одной из двух названных архитектурных школ, за исключением соборов Вальядолида, Мадрида и, в определенной степени, нового собора Саламанки и Сеговии.

ИСКУССТВО МУДЕХАРА.— До прихода итальянского Возрождения в Испании было создано новое искусство, которое было чисто национальным, родившись на полуострове как сложный продукт

сочетания христианских и исламских элементов. Это искусство, известное под общим названием *Мудехар*, получило смертельный удар от рук нового итальянского художественного движения. Следовательно, единственная школа, которую можно было бы считать испанской, печально выродилась, разделив судьбу новорожденной нации. *Мудехарский* или испанский стиль носит скорее декоративный, чем конструктивный характер. С восхитительным разнообразием и изобилием он украшал кирпичные поверхности, покрывая их рельефами либо геометрической формы (мавританский стиль), либо готическими, либо врезанными в стену, либо вторыми, вырезанными вокруг первого.

Внешний вид этих *зданий Мудехара* своеобразен. На красноватой равнине под ослепительно голубым небом эти церкви из красного кирпича жадно поблескивают издалека. Тени играют среди рельефов, придавая им силу и энергичность; *башня альминар* заметно выделяется на фоне неба и восхитительно контрастирует с куполом, возвышающимся над апсидой или на *набережной Круазе*.

К числу лучших образцов *искусства Мудехар* следует отнести ярко раскрашенные потолки, которые можно увидеть в Алькале, Толедо и других местах. Эти *артезонадо*, не будучи мавританскими, тем не менее, имеют ярко выраженный восточный вкус. На дереве потолка вырезан геометрический узор и ярко раскрашен. Выступающие поверхности предпочтительно золотистого оттенка, а те, что расположены ниже уровня, - красного или синего. Эффект ослепительный.

МАРХИТЕКТУРА УДЕХАРА (СААГУН)

К сожалению, за пределами Испании искусству *Мудехар* уделялось мало внимания, и оно мало кому известно. Даже испанские критики не согласны с национальным значением этого искусства, и это очень жаль, поскольку, к сожалению, страна не может указать на другие художественные явления и заявить, что они принадлежат Испании. Как это возможно, когда нация еще не родилась, а, однажды родившись, должна была умереть почти одновременно, подобно мотыльку, который слепо и сломя голову летит в яркое пламя?

IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СБольш географически можно грубо разделить на две части, северную и южную, разделенные горной цепью, состоящей из Сьеррас-де-Гвадеррама, Гредос и Гата к северу от Мадрида.

Однако такое разделение не объясняет исторического развития христианских королевств с восьмого по пятнадцатый века, и нецелесообразно использовать его для изучения архитектуры.

В великий период церковного строительства девять королевств Испании образовали четыре отдельные группы: Галисию, Астурию, Леон и Кастилию; Наварру и Арагон; Барселону и Валенсию; Андалусию.

Первая группа постепенно эволюционировала, пока Кастилия не поглотила остальные три королевства, а позже и Андалусию; вторая и третья группы уступили королевскому дому Арагона.

С архитектурной точки зрения, существует три группы или даже четыре: Кастилия, Арагон, средиземноморское побережье и Андалусия. В последних трех восточное влияние гораздо более выражено, чем в названных первых.

Далее, Испания разделена на девять архиепископств: четыре соответствуют Кастилии (Сантьяго, Бургос, Вальядолид и Толедо); одно - Арагону (Сарагоса); два - побережью Средиземного моря (Эстрагон и Валенсия); и два - Андалусии (Севилья и Гранада).

Целью автора было сохранить, насколько это возможно, в следующих главах и в общем разделе его работы не только географические, но также исторические, архитектурные и церковные аспекты. Более того, он пожертвовал первым, когда это было несовместимо с тремя последними.

Но — и здесь возникла трудность — какое название следует выбрать для каждого из двух томов, которые должны были быть посвящены Испании? Потому что потребовалось два тома, учитывая, что нужно было описать восемьдесят с лишним соборов.

"Соборы Северной Испании" в отличие от "Соборов Южной Испании" — таково было одно из названий. "Готические соборы Испании" — в отличие от "Мавританских соборов Испании" — было другим; от последнего пришлось отказаться, поскольку сегодня существует только одна мавританская мечеть, преобразованная в христианский храм, а именно в Кордове.

Таким образом, остался первый заголовок.

Первый том, исключая Наварру и Арагон (на севере), посвящен Кастилии, а также ее четырем архиепископствам.

Узкая полоса земли, протянувшаяся с востока на запад, от Куэнки до Кория, к югу от Сьерра-де-Гвадеррама, и составляющая архиепископство Толедо, была присоединена к региону, лежащему к северу и северо-западу от Мадрида.

Более того, в помощь читателю настоящий том разделен на части, а именно: Галисия, Север и Кастилия; последняя подразделена на западную и восточную, что составляет все четыре раздела.

(1) *Galicia*. Сантьяго-де-Кампостела - это, с церковной точки зрения, вся Галисия. Благодаря этому духу, весь регион демонстрирует решительное единообразие в стиле своих церквей, поскольку стиль Сантьяго (романский) послужил образцом для подражания в остальных епархиях. Характер этого народа не менее однороден, и кельтское наследие поэзии перешло в памятники христианской религии.

Епископальный престол Овьедо подпадает под юрисдикцию Сантьяго; в готическом соборе нет романских мотивов, за исключением храма Камара Саграда, и поэтому он был включен в...

(2) *Север*. За исключением Овьедо, все епископства в этой группе подпадают под юрисдикцию архиепископа Бургоса. К этой группе относятся два лучших готических храма на севере Испании: в Бургосе и Леоне.

Однако в этом северном регионе мало единообразия, поскольку Сантандер и Витория имеют мало общего с остальными регионами.

(3) *Западная Кастилия*. Считается, что среди епархий Западной Кастилии существует определенная степень единообразия, а именно воинственный облик византийско-романских зданий. Кроме того, песчаник и кирпич используются здесь повсеместно, и необъятные равнины Старой Кастилии к северу от Сьерра-де-Гата и Северной Эстремадуры к югу от того же хребта имеют особый красноватый вид, сухой и восточный (африканский?), что совершенно восхитительно.

Горы к северу от упомянутой горной цепи принадлежат Вальядолиду, к югу - Толедо.

(4) *Восточная Кастилия* простирается от Вальядолида на севере (архиепископство) до Толедо на юге (архиепископство), от Авилы на западе до Сигуэнсы на востоке и до Куэнки на крайнем юго-востоке Новой Кастилии.

В средние века христианские короли Астурии (Галисии?) становились все более могущественными, и их территория простиралась на юг и восток.

На реке Миньо Туй и Оренсе были пограничными городами, для заселения которых были возведены епископства. К югу от Овьедо, почти на одной линии с двумя галисийскими городами, Асторга, Леон и Бургос были сильно укреплены и образовывали воображаемую линию, к северу от которой правили христианские монархи, а к югу арабские эмиры.

В то же время Бургос служил городом-крепостью против королев-соперников Наварры на севере и востоке; последний, с другой стороны, укреплял Риоху против Кастилии, пока, наконец, она не попала в руки последней. Затем Бургос, переставший быть пограничным городом, превратился в столицу новообразованного королевства Кастилия.

Медленно, но верно арабы продвигались на юг, сопровождаемые неумолимой линией христианских крепостей. Когда-то эту линию составляли Вальядолид, Паленсия, Торо и Самора. Когда Толедо был завоеван, его заменили Кория, Пласенсия, Сигуэнса, а чуть севернее - Мадрид, Авила, Сеговия и Саламанка. В то же время Сигуэнса, Сеговия, Сория и Логроньо сформировали еще одну стратегическую линию укреплений против Арагона, в то время как на западе Пласенсия, Кория, Торо и Самора, Туй, Оренсе и Асторга удерживали португальцев на кастильской земле. Расположенный на крайнем юго-западе Куэнка, неприступный и стратегически важный город, обращался на восток и юг, к маврам, и на север, к арагонцам.

Во всех этих звеньях огромной стратегической цепи, защищавшей Кастилию от ее врагов, монархи были достаточно хитры, чтобы воздвигать кафедры и назначать воинов-епископов. Они даже подарили новым городам-крепостям особые привилегии, или *fueros*, в силу которых поселенцы приезжали со всех концов страны, чтобы заселить новый муниципалитет и сформировать его.

Такова — гигантскими шагами — история большинства всемирно известных городов Кастилии. В каждой главе приведены даты, анекдоты и другие подробности, чтобы читатель мог познакомиться не только с церковной историей таких городов, как Бургос и Вальядолид, но и с причинами, которые привели к растущему значению каждого престола, а также к его упадку в течение последних нескольких столетий.

ЧАСТЬ II

Галиция

Я

SANTIAGO DE CAMPOSTELA

Когда христианская религия была еще молода, апостол святой Иаков — тот, кого Христос называл своим братом, — высадился в Галисии и путешествовал по северной половине Пиренейского полуострова, одетый в скромную одежду паломника и опирающийся на скромный посох. После долгих лет скитаний с места на место он вернулся в Галисию и был обезглавлен римлянами, своими врагами.

Эта легенда — или правда — поэтически переплелась с другими легендами кельтского происхождения, пока вся история не сформировала то, что Брунетьер назвал бы *шевалье—циклом* со Святым Иаковом — или Сантьяго - в качестве центрального героя.

Согласно одной из этих легенд, апостола, по-видимому, преследовала его злейшая врагиня Лупа, женщина необычайной красоты, которую смертельно оскорбил паломник-аскет. Благодаря некоторым вспомогательным деталям можно предположить, что Лупа - символ "Бога без имени" кельтской мифологии, и именно она в конце концов мстит, обезглавливая святого-паломника.

Ученики святого Иакова положили его тело в повозку вместе с топором палача и посохом паломника. Затем в повозку запрягли двух диких быков, и повозка со святым уехали. Когда наступила ночь и луна взошла над долинами Галисии, усталые животные остановились на вершине лесистого холма в неизвестной долине, окруженной другими холмами, также покрытыми листвой.

Ученики похоронили святого вместе с топором и посохом, и там они оставили его с тайной места его захоронения.

Это, должно быть, произошло в первом или втором веке христианской эры. Шестьсот лет спустя, и через сто лет после того, как мавры высадились в Андалусии, некто Феодосио, епископ Ирии (Галисии), однажды совершил прогулку по своим обширным владениям в сопровождении монаха. Вместе они сбились с пути и бродили до наступления ночи, когда оказались далеко от дома.

На небесах, как и по сей день, мерцали звезды. Устав, епископ и его спутник во время прогулки увидели сон — по крайней мере, так кажется из того, что последовало дальше, — и звезды были таким множеством чудесных огней, которые вели странников все дальше и дальше. Наконец звезды остались неподвижными над лесистым холмом, стоящим в уединении в красивой долине. Прелат тоже остановился, и ему пришло в голову копать, поскольку он приписывал свои сны сверхъестественному чуду. При раскопках ему был открыт гроб, а в нем - святые останки святого Иакова, или Сантьяго.

Возблагодарив Того, кто направляет все шаги, Феодосио вернулся в Ирию, и по его приказу несколько лет спустя на том самом месте, где был похоронен святой, была возведена примитивная базилика, причем таким образом, чтобы главный алтарь располагался прямо над гробом. Затем был выкопан склеп, облицованный мозаикой, и в него был положен отремонтированный или

обновленный гроб — некоторые говорят, что его видели толпы паломников в десятом и одиннадцатом веках.

Тогда святилище называлось Сантьяго—де-Кампостела. -Сантьяго, что означает Святой Иаков, и Кампостела, звездное поле, в память о чудесных огнях, которые епископ Ирии и его спутница увидели во сне.

Весть о находке распространилась за границей с поразительной быстротой. Монастыри, церкви и постоялые дворы вскоре окружили базилику, и через несколько лет деревня, а затем и город (епископский престол был основан до 842 года нашей эры) заполнили долину, которая всего пятьдесят лет назад была неизведанным и диким регионом.

На протяжении всего средневековья, с одиннадцатого по пятнадцатый века, Сантьяго-де-Кампостела был местом паломничеств — если не сказать крестовых походов — к могиле святого Иакова. Из Франции, Италии, Германии и Англии сотни и тысячи мужчин, женщин и детей переселились в Галисийскую долину, которая в то время была одним из центров церковного значения и промышленной деятельности. Город, несмотря на свой местный колорит, носил интернациональный облик, что во многом пошло на пользу галисийскому и даже испанскому искусству и литературе. Жаль, что было проведено так мало исследований относительно этих паломничеств и того влияния, которое они оказали на историю страны. Книга, посвященная этому предмету, была бы в высшей степени интересным рассказом об одном из важнейших движений средневековья.

Мавры под предводительством Альманзора разграбили город Сантьяго в 999 году; затем они, по своему обыкновению, отступили на юг. Нормандские викинги также посещали священную долину, привлеченные рассказами о ее богатствах; но и они отступили, подобно морским волнам во время отлива.

После последнего арабского нашествия на месте разрушенного святилища было возведено импровизированное сооружение. Однако это продолжалось недолго, поскольку христианские короли Испании, чьи владения ограничивались Астурией, Леоном и Галисией, приказали построить здание, достойное святого Иакова, которого считали богом битв, очень похожим на святого Георгия в Англии.

Итак, в 1078 году было начато строительство нового собора, нынешнего здания, и, как гласит история, оно было построено вокруг существовавшей тогда базилики, которая оставалась стоять до тех пор, пока свод нового здания не был закрыт.

История Испании в этот момент способствовала повышению религиозного значения Сантьяго. Королевство Астурия (Овьедо) вышло за свои пределы и умерло; центрами христианства были Галисия, Леон и Наварра. В этих трех странах власть знати, а следовательно, и епископов и архиепископов, была больше, чем когда-либо прежде. Каждый был лордом или сувереном в своих собственных владениях и сражался против своих врагов с помощью неверных арабских армий или без них, которых он без зазрения совести приглашал на помощь ему против своих братьев-христиан. Время от времени королю удавалось подчинить себе этих аристократических лордов и церковных прелатов, но лишь на короткое время. Кроме того, нигде независимый дух дворян не проявлялся так ярко, как в Галисии; нигде прелаты не были столь непокорными, как в Сантьяго, Священном городе, и никто не достиг большей высоты личной власти и богатства, чем Диего Гальмирес, первый архиепископ Сантьяго и одна из самых ярких и интересных личностей испанской истории XII века, которому Сантьяго во многом обязан своей славой, а Испания - немалой частью своей будущей истории.

Таким образом, двенадцатый и тринадцатый века были периодом наибольшей славы Сантьяго. Мало-помалу центральная власть монархов переместилась на юг, в Кастилию и Андалусию, и мало-помалу Сантьяго приходил в упадок и терял свое значение, пока сегодня это не стало еще одним городом из тех, что были и которых больше нет.

Ибо история города - это история его собора, его святыни. С зарождением протестантизма и падением феодальной власти и город, и собор утратили свое прежнее значение: они возникли вместе, и существование одного было неразрывно переплетено с существованием другого.

Незнакомец, посещающий Сантьяго сегодня, не приближается к нему с пылом у Горы Радости, как это делали пилигримы со стертыми ногами в средние века. Напротив, он выходит из поезда и спешит к кафедральному собору, который, к сожалению, как будто повторяет мысли о самом городе или слова сеньора Мугиры:

"Кто я сегодня? Эхо радостей и страданий сотен поколений; далекий слух, одновременно запутанный и неопределимый, последний луч солнца, гаснущий вечером на стеклянной поверхности спящих вод. Никогда человек не узнает моих секретов, никогда он не сможет разомкнуть мои гранитные уста и заставить их раскрыть таинственное прошлое".

Как общеизвестно, собор представляет собой романское здание одиннадцатого и двенадцатого веков, изуродованное задними пристройками и недавними улучшениями (*так в оригинале*). Строительство было начато в 1078 году, и, хотя закончено примерно 150 лет спустя, никакие оживляющие элементы не появились в конструкции еще долгое время после ее завершения. Как мы увидим позже, он послужил образцом для большинства соборов Галиции. С другой стороны, обычно считается, что это имитация — в том, что касается общего расположения — святого Сатурнина в Тулузе: спорная теория, однако, поскольку церкви были одновременными.

Если смотреть снаружи, собору Сантьяго не хватает гармонии; среди множества более поздних пристроек и реформ можно обнаружить лишь немногие остатки примитивной структуры. Основание башен и несколько изящных зашторенных окон с наивными барельефами в полукруглом тимпане должны быть исключены.

Святая дверь — своеобразно расположенный апсидальный портал на восточном фасаде — построена из декоративных элементов, сохранившихся с северного и западного фасадов, когда они были снесены.

Сан - АНТИАГО И ЕГО КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

Лучшим порталом является Пуэрта-де-ла-Платерия, выходящая в южную часть трансепта. К несчастью, он подавлен и отброшен на задний план монастырскими стенами слева и Троицкой башней справа. Тем не менее, одновременно красивый и сдержанный, он может считаться одним из лучших образцов в своем роде — чистого романского стиля — в Испании, и становится еще более привлекательным благодаря своеобразной галисийской поэзии, вдохновившей его скульпторов.

Непосредственно над дверными панелями, покрытыми металлическими рельефами двенадцатого века, находится каменная табличка или барельеф, изображающий сцену Страсти; слева от нее видна коленопреклоненная женщина, держащая в руке череп. Очевидно, это плачущая, кающаяся Магдалина. В народе сложилась легенда — возможно, правдивая — об этой женщине, которая, как считается, символизирует прелюбодейку. Оказывается, некий идальго, узнав о грехах своей жены, убил ее любовника, отрубив ему голову; затем он заставил ее целовать череп и поклоняться ему дважды в день в течение всей ее жизни — довольно жестокое наказание и медленная пытка, вполне соответствующая мистическому духу кельтов.

Апсида церкви, круглая внутри, расширена снаружи за счет пристройки часовен. Что касается северного и западного фасадов в стиле платереск, то они неуместны, хотя первый мог бы сойти за довольно хороший образец строгого стиля шестнадцатого века в другом месте.

Общий план здания выполнен в римской крестообразной форме; главный неф высокий и содержит как хоры, так и главный алтарь; два нефа намного ниже и темнее и заканчиваются за главным алтарем переходом. Ширина трансепта огромна, и он состоит из нефа и двух нефов, похожих по размерам на те, что находятся в основной части церкви. *Круазе* увенчана куполом, который, хотя и не романский, безусловно, является выгодным дополнением.

За исключением главного алтаря с его *ретабло*, хора с его не слишком красивыми стойлами и различных часовен, не представляющих особого интереса и безвкусных, общий вид интерьера впечатляюще красив. Высота центрального нефа, ставшая более элегантною благодаря добавлению красивого романского трифория с круглыми арками, гармонично контрастирует с мрачными проходами, в то время как голость стен — поскольку все фрески были смыты фанатичным прелатом где-то в пятнадцатом веке — помогает лучше продемонстрировать богатые скульптурные украшения, листья и цветочные узоры на капителях и фризах.

Настоящим чудом собора является широко известный Портик ла Глория, вестибюль или притвор за западным входом в церковь, который столь же известен, сколь и его скульптурная ценность.

Об этом произведении искусства уже написано так много, что упоминать здесь особо нечего. Стрит, убедивший британское правительство прислать группу художников для создания гипсовой копии этого странного произведения, не мог удержаться от заявления: "Я объявляю эту работу мастера Мэтьюза в Сантьяго одним из величайших достижений христианского искусства".

Так оно и есть. Выполненный в истинно романском стиле, с каждой колонной и квадратным дюймоном поверхности, покрытым изысканными декоративными узорами, разработанными тщательно, а не наспех, как это было принято у художников более позднего времени, прямоугольный вестибюль с тремя сводами между корпусом церкви и западной оконечностью, куда свет проникает через розовое окно, представляет собой огромную аллгорию христианской религии, человеческой жизни и, прежде всего, мистической, меланхоличной поэзии кельтской Галиции. Погруженная в полумрак, эта каменная композиция со статуями Троицы и святого Иакова, с ангелами, трубящими в свои трубы со стен, и добродетелями и пороками этого мира, символизируемыми группами и отдельными людьми, исполнена искренней поэзии, которая производит неизгладимое впечатление на зрителя. Жизнь, Вера и Смерть, Суд и Чистилище, Ад и Рай или Слава — вот мотивы, высеченные в камне в этом уникальном притворе, настолько мастерском по исполнению и настолько ярком по сюжету, который он рассказывает, что мы можем сравнить его автора с Данте и назвать Портик ла Глория "Божественной комедией" архитектуры.

На одном конце изображена фигура коленопреклоненного мужчины, голова которого почти касается земли в пылом поклоне перед группой, представляющей Славу, Троицу и Святого Иакова. Является ли это паломником двенадцатого века, которого художник в момент реалистического энтузиазма изобразил здесь молящимся своему Создателю и взывающим к его милосердию? Или это портрет художника, который даже после смерти хотел жить среди чудес своего творения? Достоверно это неизвестно, хотя обычно предполагается, что это сам маэстро Матео, преклонивший колени перед своим Великолепием, любующийся им, как это делают все посетители, и наблюдающий за ним, как мать за своим сыном.

Если часовни, окружающие здание, были опущены из-за их художественной непригодности, то монастырь ждет другая судьба.

Построенный гораздо позже, чем сам собор, в шестнадцатом веке, он представляет собой памятник поздней готики с ренессансными дополнениями и смесями; следовательно, он здесь совершенно не к месту и не ко времени и не гармонирует с собором. Рассматриваемый как отдельно стоящее здание, он производит благоприятное впечатление с точки зрения высоты и длины галерей, которые показывают, что это один из крупнейших монастырей в Испании.

Крипта собора — одна из самых необычных его особенностей, и, безусловно, ее стоит изучить получше, чем это делалось до сих пор. В него можно попасть через маленькую дверь за главным алтарем (очевидно, использовавшуюся, когда гроб святого по торжественным случаям ставили на

алтарный стол) или через подземную галерею, ведущую вниз от Портика ла Глория, галерею, столь же богатую скульптурными украшениями, как и сам вестибюль.

В Галисии распространено поверье, что в этом склепе отражается сам собор, башни и все остальное, как в прозрачной глади озера. Вряд ли; и все же склеп представляет собой обнаженную копию первого этажа выше, с соответствующими нефами, проходами и апсидальными часовнями. Высота склепа поражает воображение, архитектурное сооружение выдержано в чистом романском стиле — в большей степени, чем само здание, — а прямо под главным алтарем находится усыпальница святого Иакова, где она была найдена в девятом веке.

II

КОРУНЬЯ

СОРУННА, расположившаяся в своем прекрасном заливе, воды которого всегда согреваются гольфстримом, смотрит на запад, поверх бурных волн океана, как она делала почти две тысячи лет.

Ее первым известным именем была Бригандтия, центр кельтской религии друидов. Сегодня считается, что жители города сообщались по морю со своими собратьями в Ирландии задолго до прихода финикийцев и греков, которые основали торговый пост и оловянный завод и построили Башню Геркулеса.

Римское завоевание спасло Бригандтиум от преждевременного расцвета. Ибо латинский народ был жалкими моряками и с благоговением взирает на волны Атлантики. Для них Бригандия была последним местом в мире, опасным местом, которого следовало избегать. Поэтому они оставили ее сидеть на берегу прекрасной бухты рядом с Торре-де-Эркулес и сделали Луго своей столицей.

В результате перетасовки епископов и кафедр в пятом и шестом веках о Корунье забыли. Неважный, известный только своим замком и башней, он влачил бесполезное существование, терпеливо ожидая перемен в свою пользу.

Это изменение произошло в пятнадцатом веке в результате открытия Америки. С тех пор значение города росло с переменным успехом, и сегодня это самый богатый и активный город Галисии и один из крупнейших морских портов на атлантическом побережье Испании.

Его история с шестнадцатого века хорошо известна, особенно англичанам, которые всякий раз, когда в их стране происходил разрыв с Испанией, быстро входили в залив Ла-Корунья. Отсюда часть Непобедимой армады однажды отплыла, чтобы сразиться с саксами, и была уничтожена бурей; десять лет спустя Англии повезло больше, и ее флоты вошли в историческую бухту и сожгли город. Во время войны с Наполеоном генерал Мур сражался с французами в окрестностях и погиб, тогда как несколькими годами ранее английский флот разгромил недалеко от залива объединенную французскую и испанскую эскадру.

Сегодня старый город на холме смотрит вниз на новый город внизу; первый поэтичен и артистичен, второй прямолинейен, индустриален и современен. Тем не менее, внешний вид города отрицает его возраст, поскольку он более современен, чем многие города, которые моложе. Более того, традиции не давят тяжелым грузом на его чело и не угнетают его жителей, как в случае с Луго, Туем и Сантьяго. Движение на пристанях, постоянное прибытие и отплытие судов всех размеров, торговля, промышленность и другие прелести современной цивилизации не дают горожанам времени ни поразмышлять о двухтысячелетней истории города, ни заняться

проблемами искусства. Более того, турист, приехавший в Испанию, чтобы посетить Толедо и Севилью, спешит вглубь страны, с радостью оставляя улицы Коруньи морякам и торговцам.

Тем не менее, есть две церкви, которые стоит посетить; одна - Коллегиата (предположительно, в XIII веке она на короткое время была епископством), или суфражистская церковь, а другая - церковь Сантьяго. Последний имеет прекрасный романский портал двенадцатого века, некоторыми декоративными деталями напоминающий Портик де ла Глория в Сантьяго. Интерьер здания состоит из одного нефа или прохода, перекрытого смелым сводом, выполненным в стиле раннего возрождения; несомненно, изначально оно было романским, о чем свидетельствуют капители колонн, и, скорее всего, было перестроено после страшного пожара, вспыхнувшего в начале шестнадцатого века.

Санта-Мария-дель-Кампо - это название суфражистской церкви, посвященной Пресвятой Деве. Сама церковь была возведена в честь суфражистки Сантьяго в 1441 году. Дата его возведения сомнительна, одни авторы относят его к двенадцатому, другие - к тринадцатому веку. Стрит, которого мы можем считать толковым гидом в этих вопросах, называет это церковью двенадцатого века, построенной одновременно с церковью Сантьяго-де-Кампостела и, возможно, даже построенной тем же архитектором, который построил ее в Сантьяго-де-Кампостела. Более того, упомянутый критик подтверждает это, несмотря на сомнительную надпись, помещенную в своде над хорами, которая обвиняет здание в том, что оно было завершено в 1307 году.

СЦЕРКОВЬ САНТЯГО, ЛА-КОРУНЬЯ

Примитивная планировка церкви, несомненно, была романской: один неф и два нефа. Как и в Мондоньедо и Луго, первое увенчано оживальным сводом, а проходы, более низкие по высоте, несколько уменьшены из-за использования романских *сводов пленэр-синтре*. Форма здания представляет собой римский крест с довольно короткими рычагами; апсида состоит всего из одной часовни - часовни Богоматери. Что касается света, то он ужасен, потому что окно на западе невелико и, более того, недавно было ослеплено, хотя только Небеса знают почему. Башни, выступающие с западного фасада, ничего не значат и не похожи друг на друга, что нарушает гармонию целого. Что касается различных фасадов, западный был испорчен совсем недавно; северный и южный, однако, выполнены в романском стиле, хотя и не в чистом виде, поскольку в оформлении тимпана используются оживальные арки.

Другими словами, церковь Сантьяго в Корунье более важна с археологической точки зрения, чем Коллегиата. Рыбацкий народ, однако, так не думает; они мало заботятся о таких второстепенных деталях, и их почитание полностью сосредоточено в суфражистской церкви — "одной из трех Дев", как они называют ту, кому она посвящена. Для них эта конкретная Мария - *эстрелья дель Мар* (морская звезда), и она является главным объектом их поклонения. Странно — да будет сказано в скобках, — как часто в Галиции упоминаются звезды: они составляют важнейшую черту местных суеверий. Прольется кровь — и кельтская мифология проглядит сквозь христианскую оболочку, несмотря на столетия истинной веры.

III

MONDOÑEDO

А ДЕРЕВНЯ, выросшая до города, и все же это деревня. Город без истории и традиций, собор, который был испорчен рукой времени и, прежде всего, руками незадачливых художников, призванных восстанавливать разрушенные части.

К северу от Луго, на почтительном расстоянии от железной дороги, соединяющей Луго с Коруньей, куда можно добраться либо на дилижансе, либо верхом, Мондоньедо влачит спячку в живописной долине, окруженной зеленейшими холмами. Редко беспокоящий туриста, предпочитающего поезд дилижансу, он дарит любителю искусства множество моментов восторга — конечно, если он возьмет на себя труд посетить собор, две башни которого возвышаются в долине и, хотя они слишком приземистые, чтобы придать элегантности ансамблю, придают поэтическое очарование долине и самой деревне.

Как, черт возьми, кому-то вообще пришло в голову возвести церковь в Мондоньедо в ранг епископства? Конечно, церкви в Галисии были сильно перетасованы; и все же, где в нашем огромном мире можно найти более тихое местечко для созерцания собора — да еще и романского в придачу!

Именно нормандским викингам принадлежит основание святилища в этой уединенной долине. До шестого века он находился в римском Миндуниетуме, затем был перенесен в Рибадео и оставался там до конца двенадцатого века. Оба этих города были морскими портами, и оба пострадали от жестоких вторжений и пиратских экспедиций викингов, и поэтому после тотального разграбления церкви в Рибадео престол был перенесен вглубь страны от греха подальше, в деревню, известную под названием Вильямайор или Мондоньедо. Там он и остался до наших дней, игнорируемый туристом, у которого "нет времени" и который следует проторенной дорожкой, проложенной господами Куком и компанией в Лондоне. Кук и компания в Лондоне.

Большой ОБЩИЙ ВИД НА МОНДОНЬЕДО

Как мы уже видели, Мондоньедо - город без истории и без прошлого; несомненно, он навсегда останется деревней без будущего. Его деяния, его *смысл существования* отражены в соборе, который стоит в его центре, точно так же, как в Сантьяго, хотя и по другим мотивам.

Это, пожалуй, самое живописное место в Галисии, пологий ландшафт, утопающий в фиолетовой дымке, напоминающий одну из швейцарских долин в тихой Юре. Кроме того, улицы тихи и часто пустынные, деревенская гостиница или *fonda* не являются ни превосходными, ни очень плохими, а что касается жителей деревни, то они счастливые, простые и гостеприимные бездельники на путях этой жизни.

Согласно распространенному мнению, жизнь одного человека, епископа по имени Дон Мартин (1219-1248), описана в соборе Мондоньедо, причем настолько, что их жизни - это одно и то же. Он начал строить свой престол; он увидел, что он закончен, и освятил его —*construxit, consumavit et consacravit*; затем он умер, но церковь и его имя продолжали жить.

Современные искусствоведы не согласны с приведенным выше мнением; более старая или примитивная часть церкви датируется двенадцатым, а не тринадцатым веком. Первоначально, как легко можно увидеть, осмотрев старую часть здания, это была чисто романская базилика с нефом и двумя нефами, ведущими к трансепту, где они обрывались, и сразу к востоку от последнего находилась апсида с тремя приделами, придел Богоматери был немного больше боковых.

В примитивной конструкции здания — за исключением всех более поздних пристроек, которых более чем достаточно, - элементы ранней готики и романского стиля настолько тесно переплетены, что волей—неволей приходится рассматривать памятник как относящийся к переходному периоду, как, возможно, уникальный пример этого периода, который можно встретить в Галисии или даже в Испании. Конечно, как и в случае с другими галицкими соборами, первоначальный характер интерьера, который, если бы он остался неизменным, был бы величественным и импозантным, был сильно искажен добавлением последующих реформ. Форма апсиды была полностью изменена за счет введения амбулаторного или круглого апсидального прохода, датируемого по крайней мере пятнадцатым веком, о чем свидетельствует наличие элементов поздней готики и ренессанса.

МКАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР ОНДОНЬЕДО

Общий план прямоугольный, 120 футов в длину и семьдесят один в ширину, и при взгляде снаружи он скорее солидный, чем элегантный, скорее крепость, чем храм. Высота нефа, увенчанного готическим сводом, составляет около сорока пяти футов; по верху проходит трифорий (оживаль). Боковые проходы чуть более чем в два раза выше и перекрыты романскими сводами, опирающимися на капители и древки лучшего исполнения двенадцатого века.

Первоначальная базиликальная форма церкви, к несчастью, была изменена дополнительной длиной, приданной плечам транспта, и, как уже упоминалось, передвижной аллеей, характерной для испанских соборов; качество изготовления последней, хотя и прискорбно несовершенное в этом старом соборе, само по себе лучше, чем многие аналогичные пристройки в других церквях.

Западный фасад, который является единственным, достойным созерцания, является таким же хорошим примером романского стиля, испорченного недавним добавлением гротескных и причудливых фигур и монстров, какой можно увидеть где угодно.

Контрфорсы более развиты, чем в Луго или Сантьяго, и хотя эти элементы, с декоративной точки зрения, очевидно, были призваны придать ансамблю определенную элегантность, невысокие башни и несколько окон в корпусе церкви только усиливают ее вид крепости.

В предыдущем абзаце было указано, что этот собор, возможно, является уникальным примером переходного периода (романский и раннеготический). Это мнение разделяют многие искусствоведы, но лично автор этих строк склонен рассматривать его как пример галисийского консервативного духа и борьбы, которая велась в соборных главах *против* введения ранней готики. Ибо храм в Сантьяго был романским; следовательно, согласно узким рассуждениям, свойственным Галисии, этот стиль был *лучшим* и, следовательно, *достаточно* хорош для любой другой церкви. В результате мы имеем в этом регионе Испании серию соборов, которые практически выполнены в романском стиле, но в структуру которых просочились оживляющие элементы. Кроме того, поскольку в Галисии нет ни одного существующего примера законченной готической церкви, довольно трудно говорить о переходном периоде, под которым подразумевается период перехода от одного стиля к другому. В Галисии не было преходящего: консервативный дух страны, поэзия кельтских жителей и, прежде всего, их художники находили большее удовольствие в романском стиле, чем в готике, и, следовательно, соборы были романскими, с небольшими готическими дополнениями, когда они могли сочетаться или подчиняться более тяжелым романским принципам архитектуры.

Позже, в другие столетия, дух архитектуры в Испании полностью угас, а пристройки, сделанные в наши дни, представляют собой множество прискорбных признаков упадка. Не так обстояло дело с введением оживления в романских церквях, которое во многих случаях улучшало романский внешний вид.

IV

LUGO

Каким Сантьяго в отношении церковной политики, Луго, один из трех городов на реке Миньо, был в отношении гражданской власти. Это была номинальная столица Галисии, и когда-то, во времена правления Альфонсо Целомудренного, предполагалось сделать ее столицей зарождающегося испанского королевства, но по той или иной причине вместо этого был выбран Овьедо как более подходящий. С тех пор город Луго полностью пришел в запустение.

Впервые он появляется в истории, когда римляне отвоевали его у кельтов. Это была их столица и Священный город; в его центре находилась Беседка Лупы, где римляне построили великолепный храм Дианы. Недавно были обнаружены некоторые мозаики этого здания, и необычные узоры, вне всякого сомнения, доказывают, что мифологические атрибуты кельтов использовались и смешивались с атрибутами латинской расы — в этом нет ничего странного, поскольку Лупа и Диана, по-видимому, обладали многими общими качествами.

При римском владычестве были возведены городские стены, остатки которых во многих местах сохранились до сих пор, и Локус Августи стал столицей северных провинций.

На протяжении всего средневековья, когда Овьедо действительно узурпировал свое гражданское, а Сантьяго — религиозное значение, Луго все еще считался столицей Галисии, оплотом арабских вторжений и рассадником неуправляемой знати, которая не упускала возможности нанести удар за свободу против посягающей власти соседнего королевства Астурия, а позже и Леона. Когда, наконец, центральная власть христианских королей была прочно установлена в Леоне и Кастилии, в Луго было одобрено знаменитое послание о присоединении к

династии Альфонсо, и королевство Галисия, как и королевство Астурия, исчезло, превратившись в тень имени, не имевшего даже права на размещение своего герба на национальном гербе.

Церковная история города Луго не представляет интереса и ничем не отличается от истории других галисийских городов. Возведенный для обозрения в пятом веке, его собор представлял собой примитивную базилику, разрушенную маврами во время одного из их мощных северных набегов в восьмом веке. Легендарный епископ Одоарио, не теряя времени, построил вторую базилику, которую постигла та же участь примерно двести лет спустя, в десятом веке. Альфонсо Целомудренный, один из немногих королей Астурии, проявлявших живой интерес к политике Галисии, приказал либо реконструировать старую базилику, либо возвести новый храм.

Это были бурные времена для города: между возвышением и стойкостью амбициозных дворян, которые, делая вид, что борются за свободу Галисии, боролись за свои собственные интересы, и постоянными посягательствами гордых прелатов на права и привилегии народа, не проходило и года, чтобы Луго не становился ареной уличных боев или осад. Как и в Сантьяго, один князь Церкви расстался с жизнью, убитый верующими (*sic*) паствы, и многие, придя вступить во владение своим престолом, обнаружили, что городские ворота заперты у них перед носом, и были вынуждены захватить собор, прежде чем войти в свой дворец.

В результате пострадала новая базилика, и ее пришлось полностью перестраивать в двенадцатом веке. Новое здание стоит и по сей день, но как оно отличалось от примитивного здания! Благодаря изящным дополнениям во всех возможных стилях и сочетаниях стилей романское происхождение с трудом узнаваемо. Следовательно, кафедральный собор Луго, который в противном случае мог бы стать архитектурной жемчужиной, не внушает посетителю ни одного из тех чувств, которые должны были бы быть самой сутью обветшалых религиозных сооружений всех видов.

Общее расположение церкви - римская крестообразная форма; однако плечи креста чрезвычайно короткие по сравнению с их высотой; *круазе* увенчана полукруглым сводом (испанский романский стиль).

Неф демонстрирует явную близость к ранней готике, о чем свидетельствуют оживальные арки и своды. Наличие оживальных арок (а также красивого трифориума, возможно, самого элегантного в Галиции) показывает, что эта церковь была первой в Галиции, которая подверглась проникновению готических элементов. Эта особенность объясняется тем фактом, что в 1129 году возведение собора было поручено некоему маэстро Раймундо, который оговорил, что в случае его смерти до завершения строительства церкви выполнение работ должно быть поручено его сыну. Он умер, и его сын, на поколение моложе и проникнутый новыми архитектурными теориями, зашел так далеко, что изменил планы своего отца; он построил неф выше, чем это было принято в романских церквях, и придал элегантности всему сооружению, использовав стрельчатую арку даже в трифории, в остальном являющейся копией арки Сантьяго.

Самой любопытной и впечатляющей частью здания является то, что построил маэстро Раймундо, отец, а именно проходы, особенно те их части, что справа и слева от хоров; они, вместе с *набережной Круазе*, являются лучшими внутренними остатками примитивных романских планов: короткие, даже приземистые, правда, довольно темные, поскольку свет, проникающий через узкие окна, в лучшем случае скуден, но, тем не менее, богаты декоративным оформлением. Богатство скульптурных украшений в чистом романском стиле в этих нефах, пожалуй, является лучшей претензией собора на восхищение туристов и ставит его на видное место среди романских соборов Испании.

Не такое же благоприятное мнение может быть высказано, когда речь идет о внешности. Башни сравнительно новые; апсида — со своеобразным и заметным дополнением в виде восьмиугольного корпуса, демонстрирующего влияние эпохи Возрождения, — это правда,

живописна, но в то же время она портит архитектурную ценность собора как здания в романском стиле.

Северный фасад, которому предшествует оживленное крыльцо, столь распространенное в Галисии, содержит портал большей красоты, чем Пуэрта-де-ла-Платерия в Сантьяго, и выделяется большей известностью, чем другой названный образец искусства двенадцатого века, поскольку не теряется среди стоящих по бокам тел большего роста и массы. Что касается скульптурного украшения самой двери, то оно ощущается, а не только изображается: Христос, стоящий между огромными створками *рыбьего пузыря*, который венчает портал, является примером скульптуры двенадцатого века. Обитые железом панели дверей уже были высоко оценены Стрит, который также относил их исполнение к двенадцатому веку.

За исключением этого портала — чуда в своем классе с его округлым тимпаном, богато украшенным орнаментом, — часть здания, несомненно, сильнее, чем любая другая, проникнута общим духом здания, это та часть апсиды, которая не зависит от упомянутой ранее восьмиугольной пристройки и которая посвящена "*La Virgen de los Ojos Grandes*" — Деве с большими глазами. (Должно быть, она была андалузкой!) В нижней части настоящей апсиды расположены оживальные арочные окна исключительной элегантности; в верхней части корпуса, также полукруглой формы, но немного меньших размеров, есть окна с круглыми головками. Как оживальные окна первого, так и романские окна второго этажа чудесно гармонируют, благодаря меньшей высоте и ширине верхнего ряда. Контрфорсы, простые и в то же время живые, с плавно изгибающимися линиями, заслуживают внимания. Странно, однако, что они не достигают земли, а поддерживают только верхнюю часть тела и соединяют ее с нижней, образуя, таким образом, своего рода корону для блага последней.

Лично — и прошу простить автора, если он высказывает свое мнение, — он считает старую апсиду собора в Луго одним из лучших произведений архитектуры, которые можно встретить в Галисии. Он относится к так называемому переходному периоду (сравните предыдущие замечания в другой главе об этом стиле), и все же у него есть свой собственный характер, которого нет нигде в другом месте, и гармония оживаля и романского стиля была так искусно раскрыта, что не может не понравиться туристу, который внимательно его рассматривает.

V

ОРЕНСЕ

Сотправляясь по железной дороге из Луго или Монфорте в Туи и Виго, поезд внезапно вырывается из дикого каньона, где живописный Миньо течет и бурлит у дороги, и попадает в широкую плодородную долину, где в изобилии растут инжир, виноград и оливки. Эта долина широкая, ее почва золотистого оттенка, а небо над ней ослепительно-голубое, как сапфир. В его центре Оренсе, тяжелый Оренсе, который называет своим основателем греческого героя, только что сошедшего со страниц "Илиады", греется на солнце рядом с прекрасным Миньо; в то время как его собор возвышается над крышами окружающих домов.

История этого города такая же бурная, как и у любого другого в Галисии, и показывает те же общие события. Римляне ценили его за серные ванны и называли Аурия (золотой) из-за цвета почвы, воды и, возможно, также из-за определенных крупинок золота, обнаруженных в песках Миньо.

Свевы, которые доминировали в Галисии и оказались столь полезными для Туи, не игнорировали важность Оренсе: одним из первых епископств, если не *the* первым историческим

епископством в Галиции, было епископство Оренсе, датируемое до четвертого века, по крайней мере, таково сегодняшнее мнение.,,

Больше, чем любой другой галисийский город, за исключением Туя, он пострадал от арабских нашествий. Полностью разрушенный, дважды сровненный с землей, он постоянно восстанавливался возвращающимися жителями, которые бежали. До этих арабских вторжений собор был посвящен святому Мартину де Туру (Франция), и ежегодно совершались паломничества к галисийскому святилищу, где почитались некоторые реликвии, принадлежащие святому. Но с неверными эти реликвии, или чем бы они ни были, были рассеяны, и в следующем столетии (одиннадцатом) появился новый собор, посвященный Деве Матери (?). Кроме того, жители, казалось, забыли о покровительстве святого Мартина, того, кто защищает *метьевинаградя* - и это несмотря на то, что долина Оренсе больше всех галисийских регионов славилась выращиванием виноградных лоз. Даже Фруассар, французский историк, не мог говорить об этом городе, не упомянув о его вине. Он провел сезон в долине, сопровождая, я полагаю, герцога Ланкастера и его английских солдат. Историк писал, что вино было таким хорошим и крепким, что солдаты требовали его; выпив немного, они валились с ног, как кегли.

Арабы потерпели поражение и были изгнаны с полуострова, последняя деловая поездка викингов в Галисию завершилась, португальское оружие было отброшено в долину Брага за Миньо, и Орен вернулся к мирной жизни, монотонность которой время от времени нарушалась — как это обычно было в этой части страны — ссорами между дворянами, прелатами и *добропорядочными буржуа*. Если здесь не был убит ни один князь Церкви, как это произошло в Луго, то, по крайней мере, один из них таинственным образом погиб от рук своих врагов. Не то чтобы это, казалось, имело большое значение, поскольку упомянутый епископ, по—видимому, был своеобразным духовным пастырем, полным порока и лишенным добродетели, некоторые из деяний которого были карикатурно изображены — согласно распространенному мнению - на карнизах и фризах монастыря Сан-Франциско.

В остальном на земле царил мир, и Оренсе вел спокойное существование, что ни в малейшей степени не увеличивало его значимости ни как художественного, ни как торгового, ни как промышленного центра. Сегодня, летом полный незнакомцев, которые посещают сернистые бани, как это делали римляне, и пустой зимой, он существует без жизни, как и многие испанские города.

Тем не менее, наряду с Виго и Коруньей, это один из городов, у которого еще есть будущее. По крайней мере, его ситуация обязательно привлечет внимание, как только страна откроется для прогресса и торговли.

Кафедральный собор Оренсе, как и кафедральные соборы Туя, Сантьяго и Луго, был возведен в *кастро*. Эти *кастро* представляли собой круглые углубления в земле, окруженные низкой стеной, которая служила друидам местом поклонения. Возведение христианских церквей в этих священных местах, вне всякого сомнения, доказывает, что новая религия слилась со старой и даже заложила свои основы на самом священном *кастр*о последней.

Возможно, возникает вопрос, почему собор был возведен в Оренсе раньше, чем в каком-либо другом городе. Из легенды следует, что у короля свевов Каррарика был умирающий сын; благодаря совету христианского монаха, ученика святого Мартина, и, как склонны думать, только что вернувшегося из Тура, король окунул своего сына в бани Оренсе, призвав в то же время на помощь святого Мартина. Вытащив своего отпрыска из воды, он обнаружил, что чудесным образом исцелился. Благодарный монарх сразу же стал убежденным христианином и воздвиг базилику — много раз разрушавшуюся и перестраивавшуюся в темные века феодализма и арабского нашествия — в честь спасителя своего сына. Что еще более удивительно, так это то, что

вскоре после этого мощи французского святого бережно хранились в Оренсе, причем никто точно не знал, откуда они взялись!

Считается, что нынешний собор, дата возведения которого сегодня является предметом дискуссий, был построен на месте, занимаемом примитивной базиликой. Согласно официальному (сомнительному?) заявлению, он посвящен Санта-Мария-ла-Мадре, а согласно популярной версии - святому Мартину Турскому, апостолу Галлии.

Общий вид собора свидетельствует о том, что строительство было начато или, по крайней мере, планировалось, в двенадцатом веке, а не, как утверждает Бедекер, в 1220 году. Как церковь двенадцатого века, мы не обязаны рассматривать ее по нескольким причинам, кроме одной, и особенно потому, что, как мы видели, двенадцатый век был великим периодом галицкого церковного строительства. Именно в этом столетии северо-запад засиял в истории Испании так, как не блистал ни раньше, ни с тех пор.

Церковь - еще один образец романского стиля, но менее чистый по своему стилю, чем любой из других упомянутых до сих пор: преобладает оживальная арка, но скорее как декоративный, чем по сути конструктивный элемент. Как бы то ни было, строительство было начато по меньшей мере через пятьдесят лет после собора в Луго, и хотя обе церкви относятся к XII веку, одна ранняя, а другая, предположительно, поздняя; таким образом, легко объясняется использование оживальной арки в большей степени в Оренсе, чем в Луго.

Короче говоря, кафедральный собор Оренсе - еще один пример своеобразного романского стиля Галиции, который, выдержав нашествие готики, создал собственную школу, красивую в деталях, смелую в гармонии, хотя, в конце концов, это гибридная школа.

Влияние кафедрального собора Сантьяго самоочевидно в кафедральном соборе Оренсе. Как могло быть иначе, когда епископ Дон Диего, восседавший на кафедре, был большим другом и постоянным посетителем того другого дона Диего в Сантьяго, который воздвиг кафедральный собор примаса Галисии?

Это влияние прежде всего прослеживается в Портике дель Параисо, внутреннем притворе, ведущем от западного фасада к корпусу церкви. Это красивый участок романской скульптуры, покрытый оживальными сводами, и он был бы важным памятником, если бы его соперник и прототип в Сантьяго не был больше, как с точки зрения совершенства дизайна, так и с точки зрения грандиозной идеи, которая его вдохновила.

Из трех дверей, ведущих в собор, западная увенчана тремя округлыми арками, опирающимися на простые колонны. Отсутствует тимпан как декоративный элемент, равно как и низкий рельеф, который обычно накладывается над верхними арками. Последние, однако, вырезаны самым сложным образом. Что касается двух других порталов, северного и южного, то их композиция, в общих чертах, такая же, как у западного, за исключением того, что они окружены рельефной полукруглой аркой, выполненной в виде углубления, в целом примитивного дизайна.

Северный ПОРТАЛ ОРЕНСКОГО СОБОРА

Башни собора не старые. Общее впечатление от здания снаружи — к сожалению, его нельзя рассмотреть ни с какого расстояния, так как окружающие дома мешают этому — приятное. Особого внимания заслуживают несколько прекрасных окон четырнадцатого века (?) с ожившим рисунком, но либо робкого исполнения, либо смелой попытки художника подчинить торжественную готику романским традициям страны.

Интерьер неоднократно реставрировался и менялся. В своем первоначальном плане он состоял из двух нефов и ступицы с однефным трансептом и, как и в Луго, апсиды, образованной тремя полукругами, центральный из которых был самым большим и содержал главный алтарь. Сегодня, хотя общий вид или расположение церкви (римская крестообразная форма с чрезвычайно короткими боковыми рычагами) остались прежними, главный алтарь окружает передвижная дорожка, которая была перенесена ближе к трансепту в главном нефе. Своды оживальные, опирающиеся на прочные и строгие колонны; проходы немного ниже центрального нефа, а *круазе*

увенчана, как и в Сантьяго, красивым куполом, похожим по конструкции на купол Валенсии, хотя и уменьшенным в размерах и менее элегантного рисунка.

Следует отметить нехватку трифория и ощутить его нехватку.

Во внешней стене северного придела нет часовен, но вместо них - длинный ряд гробниц и надгробных рельефов. Некоторые из них суровы и красивы. Партер хора украшен изящной резьбой, а готическое *ретабло* является единственным в своем роде в Галисии и одним из лучших в Испании.

Можно было бы привести гораздо больше подробностей о достойном соборе Оренсе, уступающем по богатству некоторых элементов только собору Сантьяго. Пристройки, как в романском, так и в оживальном стилях, лучше, чем в большинстве других соборов Галисии, хотя, что касается эпохи Возрождения, Галиция проявляла мало любви к итальянскому искусству. Это было связано с местным кельтским вкусом жителей или же с явными признаками упадка искусства в этой части Испании, когда в страну пришел Ренессанс.

Что касается монастыря, небольшого и довольно компактного по своей композиции, то многие считают его жемчужиной XV века в стиле оживаль, красивым своими общими очертаниями и прекрасным богатством скульптурного убранства.

VI

туй

ТОН последний испанский город на Миньо, галисийском рейне, столь же красивый, как и его немецкий соперник, и столь же богатый архитектурными памятниками, как военными, так и церковными, - это Туй, крепость римлян, лежащая на полпути к главной дороге из Браги (Португалия) в Луго и Асторгу в Испании.

Подъезд к городу по железной дороге из Оренсе просто превосходный. Долина Миньо широка и роскошна, справа и слева, впереди и позади видны руины замков; вдалеке древний Туй, город ста несчастий, расположен на уединенном холме, вершину которого венчает крепость-собор двенадцатого века.

Туй сидит на своем холме и смотрит через реку на Валенса-ду-Минью, соперничающую крепость напротив и первый город Португалии. Красивый мост объединяет врагов-друзей сегодня. Тем не менее, жерла пушек этих сверкающих крепостей вечно направлены друг на друга, словно желая напомнить о тех днях средневековья, когда Туй был целью португальских амбиций и последним испанским городом в Галисии.

До того, как римляне завоевали Иберию, Туй, который, очевидно, является кельтским названием, был самым важным городом. Это легко объясняется его расположением - что-то вроде внутреннего Гибралтара, с тыла поддерживаемого Сьеррой и венчающего реку, которая доставляла корабли из океана к его причалам. Будущее города было блестящим.

Однако вскоре ситуация изменилась. Римляне, по своему обыкновению, перенесли большую часть своих сил в города, расположенные дальше вглубь страны. Замок остался стоять, как и стены, которые тянулись по северному берегу реки вплоть до Гуардии, расположенной в дельте примерно в тридцати милях отсюда. Остатки циклопических стен, венчающих горную цепь на испанской стороне Миньо, можно увидеть и сегодня, но они дают лишь слабое представление о былой мощи города.

После того, как римляне потерпели поражение в результате вторжения диких племен с севера, Туй стал столицей свевов, племени, противостоявшего вестготам, которые поселились на остальной территории Испании и на протяжении веков вели жестокую войну против королей, подданные которых обосновались в основном в Галисии и на севере Португалии.

Власть свевов, прочно обосновавшихся в Туе, была, наконец, полностью сломлена, и столица, жители которой энергично сражались до конца, была наконец завоевана. Это был последний оплот, попавший в руки завоевателей. Столетие спустя Витиза, правитель вестготов, на некоторое время сделал Туй своей столицей, и округ вокруг полон преданий о деяниях этого монарха. Большинство этих легенд очерняют его характер и выставляют жестоким, своенравным и лживым. Одна из них, касающаяся герцога Фавилы и Доньи Лус, пожалуй, самая популярная. Согласно ей, Витиза влюбился в жену первого, донью Лус, и, чтобы убрать мужа, бессердечно приказал выколоть ему глаза по обвинению в честолюбии и участии в заговоре против трона. Согласно этой легенде, судьба, ожидавшая донью Лус, защищавшую свою честь, была не лучше.

После возвращения Витизы в Толедо город постепенно утратил свое значение, и с тех пор она так и не восстановила свою былую славу.

Как и остальные морские порты Галисии - или такие города, которые были расположены у океана, — Туй был разграблен как арабами, так и викингами. Времена были чрезвычайно воинственные, и Галисии, из-за ее положения и независимого духа знати, пришлось пострадать больше, чем любому другому региону, а Туй, расположенный недалеко от океана и к тому же пограничный город, претерпел большие трудности, чем любой другой галисийский город. Имея замечательное естественное положение, он смог бы противостоять атакам Гудруда и Олафа, португальской знати и арабских армий, если бы был прилично укреплен. Однако отсутствие таких укреплений, а также пренебрежение и безразличие, с которыми к нему, как правило, относились короли Астурии, легко объясняют то, что он попал в руки врагов, что его не раз сровняли с землей, что он был резиденцией амбициозных дворян-заговорщиков, которые были нацелены только на то, чтобы избивать своих соседей, как христиан, так и неверных.

В шестом веке Туй уже был возведен в ранг города, но до конца одиннадцатого века церковные прелаты, тираны, когда времена были благоприятными, но трусливые, когда опасность была близка, постоянно переносили свои епархии в соседние деревни и горы в тылу. Они с удивительной готовностью и легкостью оставили свою церковь на милость воинов и врагов, фактически до такой степени, что ни под рукой нет документов, которые могли бы рассказать нам, что именно происходило в темные века средневековой истории, ни существующих памятников самих по себе недостаточно, чтобы убедить нас в превратностях судьбы, постигших город, его епархию и паству последнего.

Со времени последнего набега арабов и скандинавов дела в фэйр-Туе, казалось, пошли лучше, поскольку, за исключением постоянных раздоров между португальской и галисийской знатью, которые постоянно приобретали и теряли город на реке Миньо, ни неверные, ни пираты не посещали его пристани. Именно тогда был заложен фундамент нынешнего собора, но не обошлось без споров между прелатами (один из которых был взят в плен и должен был заплатить солидный выкуп за освобождение) и дворянами, называвшими себя сеньорами города. Между претензиями и борьбой этих двух фракций больше всего пострадали сами граждане, которым нечего было приобрести и все можно было потерять. Между епископами, претендовавшими на владение всем городом, и дворянами, пытавшимися оставить прелатов без гроша, никем не замеченные жители бедных кварталов города вели жалкую жизнь.

Со времен средневековья, или, что еще лучше, с того времени, когда Миньо определенно стал границей между Испанией и Португалией, о городе Туй слышали очень мало. Мало кто из

студентов-искусствоведов посещает его сегодня, и все же это один из самых живописно расположенных городов Галисии и даже Испании. Его собор, а также руины доримского, римского, готического и средневекового периодов, большинство из которых покрыто кучами пыли и земли, заслуживают посещения, поскольку представляют большой интерес как для художников, так и для студентов-археологов.

Короче говоря, Туй на своем холме рядом с Миньо, откуда открывается вид на Португалию через железный мост, - это город, богатый традициями и легендами об угасших надеждах и былой славе. К несчастью для нее, города с меньшей исторической известностью более известны и вызывают большее восхищение.

Как уже упоминалось, собор венчает холм, по склонам которого город спускается к реке; более того, здание занимает только вершину — *кастро*, как объяснялось в предыдущей главе. Следовательно, поскольку доказательств нет ни в том, ни в другом случае, вполне вероятно, что нынешнее здание было возведено на том же месте, где в былые времена стояли многие базилики, которые, как мы знаем, существовали и были разрушены в ходе той или иной из многочисленных осад.

Строительство нынешнего собора, посвященного Деве Марии, как и собора в Оренсе, скорее всего, было начато в первой половине двенадцатого века; последовательные землетрясения, от которых пострадал город, особенно то, что ощущалось в Лиссабоне в 1755 году, вынудили здание неоднократно ремонтироваться, что объясняет многие пристройки к основанию, портящие ансамбль.

Судя по общему расположению здания, которое во многих деталях похоже на собор в Луго, было сочтено вероятным, что маэстро Раймундо (отец?) был строителем церкви; однако определенных доказательств этому нет.

Первый план прямоугольный, с квадратной апсидой; интерьер выполнен в римской крестообразной форме, состоящий из нефа и двух нефов; трансепт, как и в Сантьяго, также состоит из нефа и двух нефов; все четыре ветви креста очень короткие и почти все одинаковой длины. Если бы не высота нефа, увенчанного романским трифорием из слепых арок, интерьер был бы определенно уродливым. Однако достигнутая высота придает благородный вид целому и, более того, делает ансамбль скорее любопытным, чем красивым.

Большие и неуклюжие хоры портят общий вид нефа, в то время как продолжение проходов, широких и светлых, до самой апсиды, где напротив каждого прохода есть красивое окно-роза, которое заливает здание потоком разноцветного света, не может быть оценено слишком высоко.

Стены лишены всякого убранства, и если бы не часовни, некоторые из которых из-за отсутствия чистой работы богато украшены, эта епархия Туя могла бы сойти за действительно очень бедную.

Крышу здания надстроили недавно, несомненно, после одного из многочисленных землетрясений. Он простого исполнения, ни хорошего, ни плохого, состоит из ряда слегка закругленных арок с ярко выраженными ребрами жесткости.

Однако большую часть своего времени турист проведет на улице. К несчастью, дома, которые вплотную окружают здание, не позволяют получить общий вид ни на что, кроме западного фасада, но, возможно, это и благо, поскольку ни одна из других сторон не заслуживает особого внимания.

Как уже упоминалось, по внешнему виду церковь напоминает скорее крепость, чем храм, или, что еще лучше, феодальный замок. Зубчатая квадратная башня на западном фасаде тяжелая и не выше остроконечного и простого венчания красивого романского окна над притвором; общее

впечатление скорее о сопротивлении, чем о вере, а отсутствие всякого убранства привело к тому, что храм назвали мрачным.

Красивый притвор, вершина которого зубчатая, как башня, является самым простым и благородным из всех, что можно найти в Галисии, и действительно красив в своей первоначальной строгости. Хотя он был построен во времена, когда флорид оживаль завладел Испанией, у художника, который его возвел (он находится позади остального здания — начало пятнадцатого века), хватило хорошего вкуса завершить его просто, без украшений, чтобы сделать его однородным с остальной частью здания. Возможно также, что у него не было под рукой средств, чтобы возвести его иным образом!

Туйский собор

Двери находятся сразу за этим притвором. Портал выполнен в изысканном позднероманском стиле и является одним из самых богато орнаментированных портиков, принадлежащих этой школе в Испании, и прекрасной страницей в истории галисийского искусства двенадцатого века.

Барельефы над дверью и в тимпане богато украшенной резьбой аркады *сделаны из войлока* и превосходно выполнены.

Северный вход в здание - еще один прекрасный образец испанского или галисийско-романского стиля двенадцатого века. Хотя он и проще по исполнению, чем "Западный фронт", некоторые критики, тем не менее, считают его более чистым по стилю (более раннему?) чем первый упомянутый.

Башня, стоящая слева от северного входа, является одной из немногих в романском стиле, которые можно увидеть в северной Испании; она строгая по своей конструкции и пронизана рядом круглых окон.

Монастырь, построенный в четырнадцатом и пятнадцатом веках, является еще одним памятником Галисии, который стоит посетить, что доказывает местную смесь романского и оживальского стилей и, возможно, является последним зарегистрированным примером, поскольку к пятнадцатому веку элементы Ренессанса полностью захватили все памятники искусства.

Таков кафедральный собор Туя, уникальный образец галисийского романского стиля в некоторых деталях, сооружение, которое действительно должно быть известно лучше, чем оно есть на самом деле.

VII

БАЙОНА И ВИГО

ТОН самый красивый залив в Галисии - Виго, который простирается вглубь страны до Редонделы — деревни, расположенной как бы на берегу швейцарского озера, над которым проходят два огромных виадука, по которым ходят поезда в Туй и Сантьяго. Во всей Испании нет более прекрасного места.

Город Виго с его суффражистской церковью на склоне холма - современный город, посвященный торговле; его причалы важны, а вода в заливе достаточно глубока, чтобы позволить самым большим судам на плаву заходить и бросать якорь. Однако студент-искусствовед не будет задерживаться здесь, а отправится на лодке в Байону за пределами залива и на юг, недалеко от португальской границы.

Здесь до недавнего времени неизвестный срок стояла суффражистская церковь, которая теперь перенесена в Виго. Но Байона, когда-то самый важный морской порт Галисии, сегодня превратилась в руины, восхитительные руины и одни из самых красивых в своем ансамбле, благодаря красивым и необычным окрестностям.

Его история начинается со времен финикийцев, греков и римлян, и даже раньше, поскольку были найдены останки обитателей озера. Это утверждение не является преувеличением, хотя может показаться таковым, поскольку залив тих, как озеро.

После поражения Армады Байона стала добычей Дрейка и его достойных спутников. Они нанесли городу смертельный удар, от которого он так и не оправился, и Виго, новый, коммерческий город, узурпировал его значение, как и его церковь, которая когда-то, как принято считать, была епископством.

Нынешнее разрушенное здание Байоны является исключительно галисийским и обладает теми же характеристиками, что и остальные соборы, о которых мы говорили до сих пор. Он был рукоположен в 1482 году епископом Туи. Окна нефа (верхнего этажа) явно заостренные или

оживальные; окна нефов выполнены в чистом романском стиле. Характерной особенностью является использование рисунков животных в декоративных элементах капителей — уникальный пример в Галиции, где в лучший период романского стиля использовались только цветочные или листовые мотивы. Рисунок, который можно увидеть здесь, на одной из капителей, представляет собой птицу, пожирающую жабу, и вырезан он настолько грубо и по-деревенски, что почти склоняешься к мысли, что его задумал и выполнил уроженец этой страны.

ЧАСТЬ III

Север

Я

OVIEDO

"ОВЬЕДО родился из религиозного вдохновения; его первым зданием был храм (монастырь?), и монахи были его первыми обитателями".

В долине, прилегающей к Кангасу, в восьмом веке, самой важной деревне Астурии, религиозная секта возвела монастырь. Фройла или Froela, один из первых дворян (теперь его называют королем, хотя в те дни он не был королем), сражавшийся против мавров, воздвиг в том же столетии церковь в окрестностях Кангаса (в Овьедо?), посвятив ее Спасителю; он также построил дворец недалеко от того же места. Его сын, Альфонсо Целомудренный, родившийся в этом дворце, воспитывался в монастыре близ Луго в Галисии. Став королем, он колебался, основать ли свой двор в Луго или в новой деревне, которая была его родиной, а именно в Овьедо. В конце концов, возможно, вспомнив любовь своего отца к стране близ Кангаса, он основал ее в последнем месте в девятом веке и образовал королевство Астурия в противовес королевству Галисия; столицей нового королевства был Овьедо.

"Царь отдал город Спасителю и достопочтенной церкви, построенной его отцом, и которую, подобно солнцу, окруженному своими планетами, он поместил в круг других храмов.

"Он созвал церковный совет с целью учреждения первопрестольной в Овьедо; он содержал собрание прелатов, которые придавали церкви блеск, и выделил каждому особую резиденцию; духовное величие Овьедо затмило даже блеск трона".

Это было в 812 году, и первым рукоположенным епископом был некто Адульфо.

Последующее правление Альфонсо ознаменовалось обнаружением в Галисии трупа святого апостола Иакова. Государь, по-видимому, проявил большой интерес к находке, основал церковь на священном месте и щедро пожертвовал зарождающемуся городу. Недаром потомки прославляли его многочисленные христианские добродетели, называя его Целомудренным, *el Casto*.

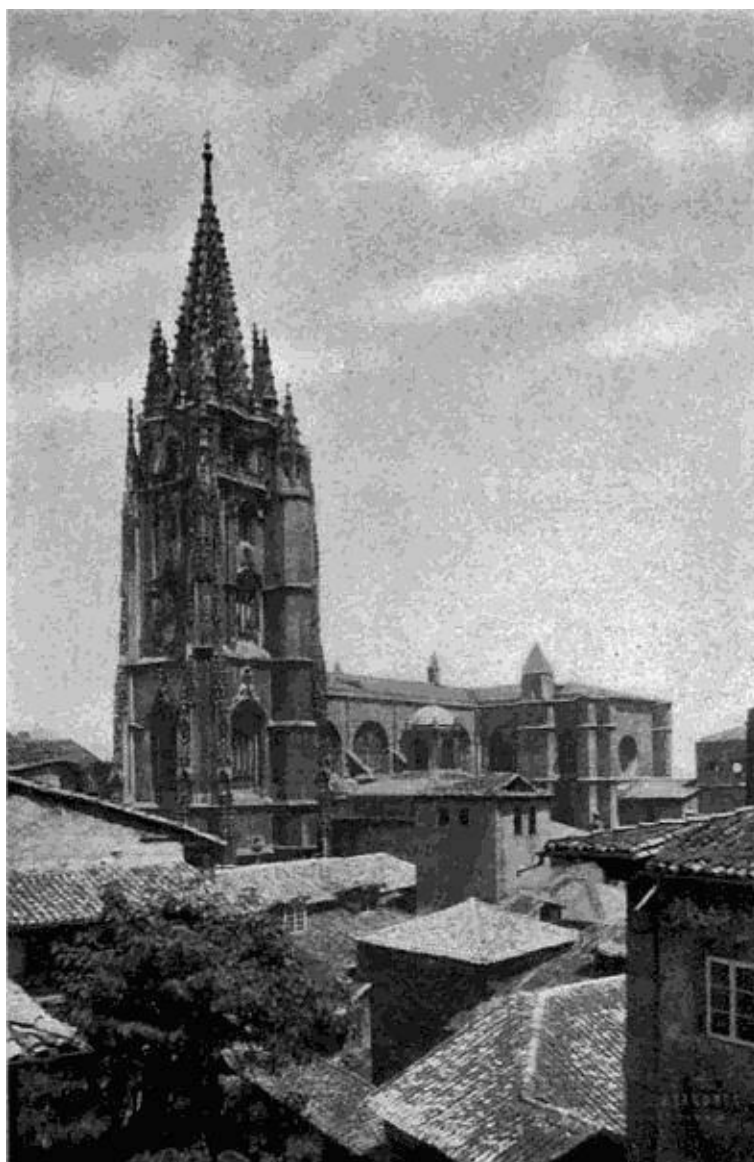
Всего двести лет назад Овьедо сыграл важную роль в истории Испании как столица христианского королевства. В 1020 году Альфонсо V передал его гражданские права Леону на юге. С тех пор город оставался важным только как предполагаемая колыбель новой династии, а его церковь — церковь Сальвадора — использовалась как пантеон королей.

В двенадцатом веке базилика находилась в аварийном состоянии и почти полностью разрушена. Судьба романского здания, которое было тогда построено, была столь же короткой, сколь эфемерной была слава города, поскольку в 1380 году оно было уничтожено пожаром, и на его месте епископ Гутьерре заложил первый камень нынешнего здания. Сто семьдесят лет спустя правивший в то время прелат поместил на шпилье свой герб, и готический памятник, которым сегодня восхищаются все, кто его посещает, был завершен.

История города — церковной и гражданской столицы — утратила интерес с десятого века. Казалось, улицы были слишком переполнены легендами о вымышленном королевстве Астурия, чтобы можно было избавиться от депрессии, которая мало-помалу охватила весь город.

Помимо кафедрального собора, в Овьедо и окрестностях сохранилось множество самых ранних религиозных памятников Испании, датируемых восьмым веком. Они, благодаря своему первичному романскому стилю и стилю базилики, составляют отдельную главу в истории церковной архитектуры и должны быть тщательно изучены. Однако здесь не место говорить о них, несмотря на их преклонный возраст и большой интерес, который они вызывают.

Ничто не может быть более изящным, чем знаменитая башня кафедрального собора Овьедо, представляющая собой великолепный готический *флеш*, состоящий из пропорциональных элементов, буквально покрытый крошечными остроконечиями и инкрустированный ими. Тонкий и сужающийся кверху, он поднимается на высоту около 280 футов. Он состоит из пяти отдельных корпусов, предпоследний из которых обнаруживает определенные влияния эпохи Возрождения в треугольных карнизах окон и т.д.; Однако с определенного расстояния это совершенно незаметно. Углы, образованные боковыми сторонами башни, обрамлены парой тонких колонн с высоким рельефом, которые, как правило, придают ей еще более величественное впечатление, чем было бы без них.

О КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ ВЬЕДО

Сам собор представляет собой здание позднего возрождения, относящееся к пятнадцатому веку; хотя он не может сравниться ни по сказочной красоте с собором Леона, ни по величию с собором Бургоса, тем не менее, это одно из самых богатых готических сооружений в Испании, особенно в том, что касается внутреннего убранства.

Западный фасад полностью занят тройным порталом, увенчанным арками, которые доказывают определенное нежелание строителя делать их заостренными; северная оконечность фасада лишена башни, хотя основание стоит. Первоначально предполагалось возвести второе *помещение*, подобное описанному, но по той или иной причине — без сомнения, чисто финансовой — оно так и не было построено.

Из трех порталов тот, что соответствует центральному нефу, больше; по бокам от него находятся единственные две статуэтки во всем фасаде, а именно статуи Альфонсо Целомудренного и

Фроэлы, и увенчан смелым низким рельефом. Арки трех дверей украшены богатой резьбой с ожившими арабесками, а панели, хотя и более современные, выполнены рукой мастера.

В целом, этот западный фасад можно считать одним из самых мрачных и обнаженных в Испании, фактически настолько обнаженным, что создается впечатление, будто для придания ему более богатого вида не хватило денег, а не того, что гений художника должен был быть полностью лишен декоративного вкуса или воображения.

Интерьер римского крестообразного здания, хотя и ни в коем случае не является одним из самых больших, по своему архитектурному расположению является одним из самых впечатляющих готических интерьеров в Испании. Высокий, длинный и узкий центральный неф становится светлее и элегантнее благодаря смелому трифориту и стрельчатым окнам верхнего яруса. С другой стороны, более широкие проходы темные по сравнению с нефом и, как правило, придают последнему большее значение.

Это, несомненно, было намерением первобытного мастера, который завершил проходы в трансепте, построив часовни справа и слева от главного алтаря и на одной линии с ним. Однако строители шестнадцатого века думали иначе, и поэтому проходы были расширены до апсидальной амбулатории за главным алтарем. Эта часть здания гораздо менее чиста по стилю, чем примитивное сооружение, а часовни, которые открываются направо и налево, построены более недавно и, следовательно, еще более не гармонируют, чем амбулатория в стиле платереск. Три окна-розы в полукруглой апсиде богато украшены оживальными нервюрами и соответствуют по одному нефу и по одному каждому из нефов; они принадлежат к примитивному строению, поскольку освещали вышеупомянутые часовни.

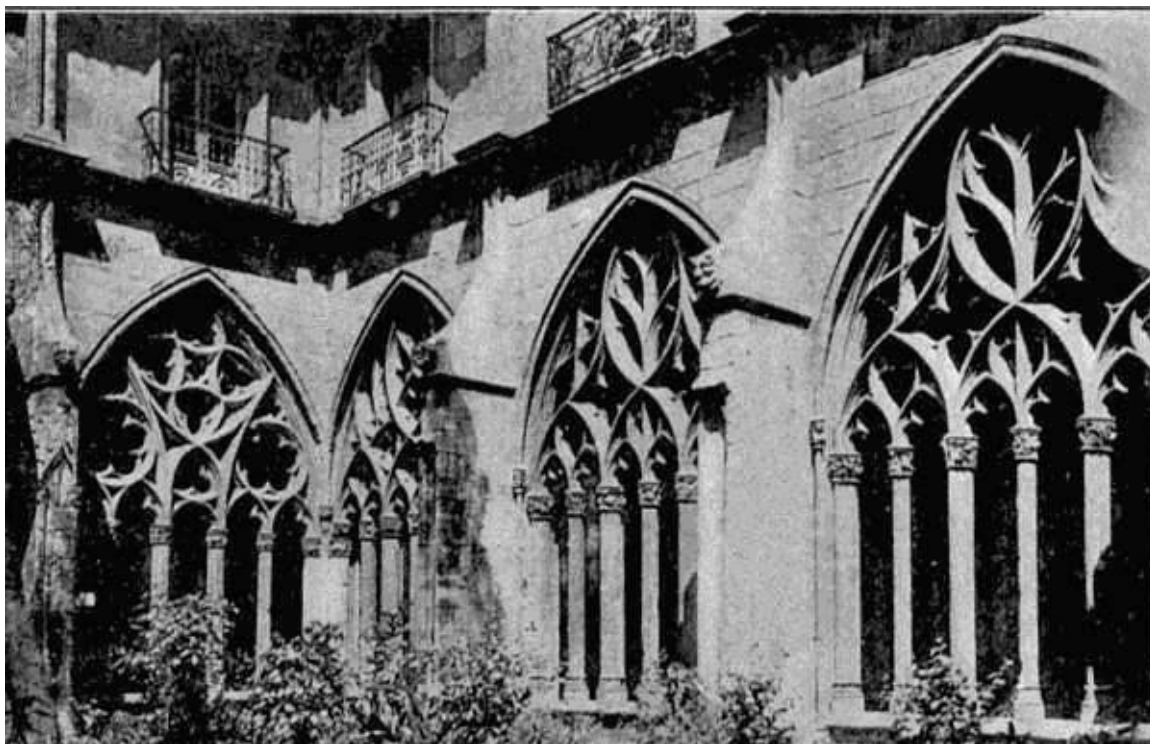
Стоя под *набережной Круазе*, под простым оживальным сводом, ребра которого поддерживаются богато украшенными резьбой капителями и изящными колоннами, турист почти так же, как и в Толедо, впечатляется видом главного алтаря на востоке и хоров на западе. Ибо в Овьедо начинается та серия готических церквей, в которых эстетическое впечатление не ограничивается одними архитектурными или скульптурными деталями, но также создается ослепительной демонстрацией металла, дерева и других декоративных аксессуаров.

The *Ретабло* — прекрасный образец готики — смело выделяется на фоне света, льющегося из задней апсиды, в то время как на противоположной стороне трансепта красивые темно-коричневые хоры выглядывают из-за великолепной железной *решетки*. Вид на ансамбль хоров настолько прекрасен, что зритель почти прощает ему то, что он нарушает величие нефа.

Часовни, расположенные в стенах северного придела, в большинстве своем построены в слишком экстравагантной манере; южный придел, с другой стороны, лишен таких характерных помещений, но содержит несколько чрезвычайно интересных надгробных плит.

Монастырь к югу от церкви представляет собой богатый и витиеватый образец позднего оживаля; он, прежде всего, бросается в глаза удивительным разнообразием декоративных мотивов, как в том, что касается скульптурных сцен капителей (которые изображают сцены из жизни святых и астурийских королей и почти гротескны, хотя ни в коем случае не вырезаны без огня и духа), так и в резьбе арок, выходящих во двор.

Камера Санта, или сокровищница, является пристройкой к северу от собора и датируется девятым или десятым веком; она небольшая и ранее использовалась как часовня в старом романском здании, снесенном в 1380 году. Рядом с ним, в одиннадцатом веке, было построено другое, более просторное помещение в том же стиле, с характерными романскими сводами, округлыми окнами и декоративными мотивами массивных колонн и капителей.

СЛУАЗЕР КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА ОВЬЕДО

II

КОВАДОНГА

ТО битве при Ковадонге современная Испания обязана своим существованием, если верить легендам, которые дошли до нас и которые по праву или неправомерно принадлежат истории. При сложившихся обстоятельствах неудивительно, что благодарность более поздних монархов привела к возведению церкви на месте знаменитой битвы и превращению ее в коллегиальную церковь.

Ковадонга находится в окрестностях Овьедо, в ущелье, затерянном в самом сердце Пикос-де-Эуропа; это одновременно Моргартен и Семпах испанской истории, и хотя здесь нет памятников искусства, за исключением вышеупомянутой монастырской церкви и двух византийско-романских гробниц, вряд ли найдется посетитель, который, забравшись так далеко на север, как Овьедо, не посетил бы колыбель испанской истории.

И время не потеряно. Турист, покидающий столицу Астурии с намерением отправиться, как паломник, в Ковадонгу (дилижансом, а не по железной дороге!), будет приятно удивлен странной и дикой природой страны, через которую его везут.

Следуя по руслу реки, он попадает в овраг; все выше и выше взбирается дорога, окаймленная крутыми склонами, пока, наконец, не достигает стены — *тупик*, как назвали бы это французы, - поднимающейся перпендикулярно перед ним. На полпути вверх, на платформе, стоит одинокая

церковь; рядом небольшая пещера с подлинным (?) изображением Богородицы Сражающейся и двумя старыми гробницами, поначалу скрытая от глаз за выступающей массой скалы.

Затем гид или чичероне объясняет туристу происхождение испанской истории в средние века, скрытое в легендах, из которых ниже приводится краткий отрывок.

Пелайо, сын доньи Луз и герцога Фавилы, который, как мы видели, был убит Витикой в Туи, бежал из Толедо на север Испании и жил среди диких жителей Астурии.

Несколько лет спустя, когда Родриго, который в то время был королем и по какому-то странному совпадению еще и двоюродным братом Пелайо, проиграл битву при Гуадалете и в придачу лишился жизни, арабы завоевали весь полуостров и разместили в Хихоне, портовом городе Астурии, гарнизон под командованием некоего Мунузы. Последний отчаянно влюбился в сестру Пелайо Эрмесинду, с которой познакомился в деревне Кангас. Желая убить брата с дороги, он отправил его с поручением в Кордову, ожидая, что тот будет убит по дороге. Но Пелайо сбежал и вернулся вовремя, чтобы спасти свою сестру; обезумев от гнева и поклявшись в вечной мести, он отступил в горные долины Астурии, увозя с собой Эрмесинду. К нему присоединились многие христиане-беженцы, недовольные арабским игом, и с их помощью он совершил множество смелых вторжений на равнины внизу и стал настолько дерзким, что, наконец, Мунуза собрал двухсоттысячную (!) армию и отправился наказывать мятежников.

Языческая армия поднималась по узкому проходу между двумя высокими хребтами, не обращая внимания на растущую крутизну и дикость тропы, по которой она шла.

Внезапно перед двумястами тысячами людей отвесно вздыбился высокий скальный выступ; на платформе Пелайо и его триста воинов, которым каким-то образом удалось выбраться из чудесной пещеры, где они нашли изображение Девы Сражений, в последний раз отстаивали свои жизни и свободы.

Немедленно триста воинов обрушили на языческую армию ливень камней, балок, стволов и всего остального. Возникло замешательство, и, подобно испуганным оленям, арабы развернулись и побежали по тропинке к долине, в страхе сталкивая друг друга в пропасть внизу.

Тогда поднялась Дева Сражений и, желая сделать поражение еще более славным, заставила всю гору обрушиться; лавина камней и земли утащила остатки армии Мунузы в ущелье под ней. Резня и человеческие жертвы, вызванные этим поражением, были настолько велики, что "столетия спустя, когда осенняя жара обнажила пески, в русле реки можно было увидеть кости и оружие".

Этот Пелайо был первым королем Астурии, первым королем Испании, от которого произошли все более поздние монархи, хотя и не по прямой и не по законной линии, следует отметить в скобках. Туристу скажут, что это гробница Пелайо и его сестры, которые до сих пор можно увидеть в пещере в Ковадонге. Возможно, хотя не существует никаких документов или других признаков, подтверждающих это утверждение. В любом случае, гробницы старые, что является их главным достоинством. Монашеская церковь, стоящая неподалеку, не может претендовать на это последнее качество; она также не важна как памятник искусства.

III

ЛЕОН

ТОН гражданская власть, которой Овьедо пользовался до XI века, переместилась на юг вслед за армией завоевателей Астурии. Примерно на столетие он остановился по пути в Толедо в городо-крепости, расположенном на продуваемой всеми ветрами равнине, на слиянии двух важных рек.

Леон - так называлась эта крепость, один из стратегических пунктов не только ранних римлян, но и арабов, завоевавших страну, а позже и зарождающегося христианского королевства Астурия. В десятом веке, или, еще лучше, в начале одиннадцатого, после окончательного отступления мавров и их ужасного генерала Альманзора, Леон стал признанной столицей Астурии.

Когда христианская волна впервые распространилась по Пиренейскому полуострову во времена римлян, крепость Легио Септима, основанная солдатами Траяна, уже приобрела большое значение и считалась одним из многообещающих городов Северной Испании.

Местные жители были одними из самых бесстрашных приверженцев новой веры, и говорят, что первые гонения на мучеников имели место в Леоне; следовательно, неудивительно, что, как только христианство утвердилось в Иберии, на пропитанной кровью земле римской крепости был возведен престол. (Первый известный епископ, Василид, 252 г. н. э.)

Марсело, по-видимому, был самым стойким из многих леонских мучеников. Солдат или младший офицер римского легиона, он был достаточно смел, чтобы бросить свой меч к ногам своего командира, который стоял перед полком, говоря:

"Я повинуюсь вечному Царю и презираю ваших безмолвных богов из камня и дерева. Если повиноваться цезарю - значит почитать его как идола, я отказываюсь ему повиноваться".

Стоическими, с оттенком печального величия были его последние слова, когда Агриколан приговорил его к смерти.

-Да благословит тебя Господь, Агриколано.

И его голова была отделена от тела.

Следующая религиозная война, развернувшаяся в Леоне и его окрестностях, произошла между христианами и вторгшимися вестготами, которые исповедовали доктрину, называемую арианством. Преследования, конечно, назрели снова, и рассказывается история о том, как приор Сан—Висенте, после того как был обезглавлен, явился во сне своим трепещущим братьям по монастырю за их монастырскими стенами и посоветовал им бежать, поскольку в противном случае они все будут убиты, - совет, который робкие монахи сочли недвусмысленным приказом, которому следует немедленно подчиниться.

Обращение Рекаредо в христианство — исключительно по политическим причинам! — остановило все дальнейшие преследования; в течение последующих столетий жители Леона стремились сдерживать арабские орды, хлынувшие на север; теперь христиане были побеждены, и в базилике поклонялись Аллаху; теперь астурийские короли вырвали город из рук мавританцев, и святой крест венчал алтарь. В конце концов ужасный неверный Альманзор сжег город дотла и отступил в Кордову. Ордоньо I, следуя по его стопам, восстановил стены и базилику, и с тех пор Леон больше никогда не видел арабскую армию у своих ворот.

Процветание тогда улыбнулось городу, который вскоре стал столицей королевства Астурия. Кафедральный собор был построен на том месте, где Ордоньо воздвиг дворец; первый камень был заложен в 1199 году.

Традиции, легенды и исторические события, которые происходили в столице королевства до конца XIII века, принадлежат истории Испании, или тому, что известно как таковая. Ордоньо II, некоторые говорят, что был таинственным образом предан смерти графами Кастилии; Альфонсо

IV — скорее монах, чем король, — отказался от своего права на трон и удалился в монастырь молиться за свою душу. Через некоторое время он устал бормотать молитвы и, выйдя из своего убежища, попытался вырвать скипетр из рук своего брата Рамиро. Но, увы, если бы он никогда не покидал монастырской кельи! Он был взят в плен своим гуманным братом, ему выжгли глаза из-за перенесенных страданий, и он умер несколько лет спустя.

Вскоре после этого Альфонсо VII. был коронован императором Испании в церкви Сан-Исидоро, что стало кульминацией славы и богатства Леона. Постепенно короли двинулись на юг, преследуя отступающих мавров, а вместе с ними ушел их двор и покровительство, пока, наконец, политический центр Кастилии и Леона не утвердился в Бургосе, и судьба, постигшая Овьедо и Луго, не постигла и некогда могущественную крепость римского легио Септима.

Сегодня? Спящий город на выжженной равнине и огромный кафедральный собор, уходящий корнями в столетия отчаянных войн между христианами и маврами; коллегиальная церковь, еще более древняя, которая служила кафедральным собором при Альфонсо VII. был коронован императором Испании.

Пульхра Леонина - эпитет, применяемый к прекрасному кафедральному собору Леона, посвященному Вознесению Пресвятой Богородицы и Нуэстра Сеньора де ла Бланка.

Первый камень был заложен в 1199 году, предположительно на том месте, где Ордоньо I. воздвиг свой дворец; однако на самом деле строительство здания началось только в 1250 году, так что его можно считать относящимся к концу тринадцатого- началу четырнадцатого веков.

"Всего двести лет храм жил спокойной жизнью. В шестнадцатом веке начались реставрации и пристройки; в 1631 году простой свод *набережной Круаде* обвалился и был заменен абсурдным куполом; в 1694 году Мануэль Конде разрушил и перестроил южный фасад в соответствии с модным тогда стилем, а в 1743 году обрушилось большое количество арок проходов. Различные части здания постоянно разрушались, став слишком слабыми, чтобы поддерживать более тяжелые материалы, использованные при строительстве пристроек и ремонтных работ".

В 1850 году правительство закрыло собор для посещений и передало группе архитекторов, которые должны были восстановить его в соответствии с проектом XIII века; в 1901 году внутренняя отделка здания была окончательно завершена, и оно снова было открыто для религиозного культа.

Общий план здания выполнен в римской крестообразной форме, с полукруглой апсидой, состоящей из пяти часовен и амбулатории за главным алтарем.

В качестве особенностей можно упомянуть следующее: две башни западного фасада не возглавляют проходы, а примыкают к ним по бокам; трансепт исключительно широк (в испанских соборах расстояние между главным алтарем и хорами следует рассматривать как трансепт, собственно говоря) и состоит из широкого нефа и двух нефов на востоке и одного на западе; ширина церкви в трансепте также на два нефа больше, чем ширина самого корпуса, — модификация, которая создает двойной римский крест и придает ансамблю исключительную красоту, поскольку позволяет о беспрепятственном виде с западного крыльца до самой апсиды.

Следует также обратить внимание на ряд из двух часовен и вестибюля, которые отделяют церковь от монастыря (одно из самых знаменитых в Испании готических сооружений, хотя и с примесью ренессансных мотивов и испорченных фресками). Благодаря такому расположению собор имеет северный портал, похожий на южный. Что касается внешнего вида здания, то жаль, что две башни, обрамляющие нефы, тяжеловесны по сравнению с общей конструкцией церкви; если бы здесь были установлены легкие и стройные башни, подобные башням Бургоса или

Овьеде, каким грандиозным был бы эффект! Кроме того, они не похожи, а относятся к разным периодам, что является еще одним обстоятельством, о котором следует сожалеть.

Вторые корпуса западного и южного фасадов также конфликтуют из-за элементов Ренессанса, с их простыми горизонтальными линиями, противоположными вертикальной тенденции чистой готики. Но, с другой стороны, они также были возведены позже.

Однако, за исключением этих замечаний, нет ничего более воздушно красивого и элегантного, чем превосходное выражение *razonadas locuras* (логической бессмыслицы) стиля оживаль во всех его фазах, как ранних, так и поздних, или даже декадентских. Здесь приведены примеры каждого периода, соответствующие веку, в котором они были возведены.

Ансамбль представляет собой удивительное изобилие высоких и узких окон, расположенных в три ряда: в верхнем этаже, в трифории и в проходах. Каждое окно разделено на две части колонной, такой хрупкой, что она напоминает паутинку. Эти окна выглядывают из леса парящих контрфорсов, и нигде сочетание остроконечных элементов и раскрашенных стекол не достигает такого совершенства красноречия, как в восточной оконечности многоугольной апсиды.

Западный и южный фасады — северный заменен галереей - схожи по своему общему дизайну и состоят из трех порталов, увенчанных явно заостренной аркой, которая в случае центральных порталов украшает богато украшенный скульптурой тимпан. Художественные достоинства скульптур в нишах обоих центральных порталов лишены исключительных похвал, южный фасад, возможно, выполнен с лучшим вкусом. Что касается каменной колонны, разделяющей центральную дверь на два крыла, то то, что на юге, символизирует Богоматерь Бланки, а то, что на западе, - Сан-Фройлан, одного из первых епископов-мучеников Леона.

За исключением уже упомянутых ренессансных элементов, каждый портал увенчан рядом из пяти стрельчатых окон, которые как бы образуют одно огромное окно изысканного дизайна.

Проникая внутрь здания, предпочтительно через боковые двери западного фасада, турист испытывает чувство благоговения и изумления при виде смелой конструкции проходов и нефов, столь же изящных, как морозный узор на безупречно чистом стекле. Полную ценность окон, которые великолепны снаружи, можно оценить только внутри храма; окна верхнего этажа простираются от острых оживальных сводов до высоты трифория, который, в свою очередь, подпирается другим рядом расписных окон; в проходах еще один ряд стекол поднимался в шестнадцатом веке от самой земли (!), хотя в последнее время основания, к несчастью, были зашторены примерно до высоты человеческого роста.

Столбы и колонны имеют самую простую и сдержанную конструкцию, настолько простую, что они не привлекают внимания зрителя, но оставляют его под впечатлением от огромной высоты нефа и проходов по сравнению с их незначительной шириной, и, прежде всего, от обильной перфорации стен сотнями и сотнями окон.

К сожалению, оригинальный рисунок расписного стекла сохранился лишь в незначительном количестве: северное окно, окна главного алтаря и окна часовни Святого Иакова - едва ли не единственные, датируемые пятнадцатым веком, которые сохранились до наших дней; их легко узнать по богатым, мягким оттенкам, недостижимым для современных витражей.

В качестве аксессуаров прежде всего следует упомянуть хоры, выполненные с элегантностью и строгостью, которые полностью отличаются от витиеватой резьбы в Толедо. Главный алтарь, с другой стороны, не представляет интереса, за исключением прекрасной оживающей гробницы короля Ордоньо II; остальные часовни, некоторые из которых содержат ценные предметы искусства, не требуют особого внимания туриста.

В заключение: кафедральный собор Леона, восстановленный сегодня после многих лет разрухи и забвения, выделяется как один из лучших образцов готического мастерства, непревзойденный по сказочной красоте и, с архитектурной точки зрения, лучший образец французского возрождения, который можно встретить в Испании.

Более того, те, кто создавал его, чувствовали истинные принципы всей готической архитектуры. В Испании много соборов, относящихся к этой великой школе, но ни один из них не может сравниться с собором Леона по тому, как *ощущался* и *выражался*. Все они прекрасны в своем сложном и гибридном стиле, но ни один из них не может претендовать на готичность по тому, как они построены. Богатство, власть и роскошь в деталях - это, как правило, урок, преподанный испанскими соборами, но они не дают своим стрельчатым колоннам, вертикальным линиям и стрельчатым аркам шанса произвести впечатление на посетителя или истинно верующего теми чувствами, которые так характерны для стиля великого возрождения.

Кафедральный собор Леона в Испании является уникальным исключением из этого правила. За исключением только тех конструктивных ошибок или диссонансов, о которых говорилось ранее и которые, как правило, нейтрализуют стремительную характеристику, его можно было бы считать чистым по стилю. Тем не менее, это не только самый настоящий готический собор на полуострове, но и один из прекраснейших в мире.

В то же время не менее верно и то, что она не такая испанская, как готика Бургоса или Толедо.

В 1063 году король Леона Фернандо I. подписал договор с арабским губернатором Севильи, обязывающий последнего передать католическому монарху, в обмен на некоторые другие привилегии, тело Сан-Исидоро. Его перевезли в Леон, где была построена церковь для захоронения останков святого; это же здание должно было служить королевским пантеоном.

Примерно столетие спустя Альфонсо VII. сражался с язычниками в Андалусии, когда на поле Базы "воинственное видение Сан-Исидоро появилось на небесах и ободрило христианских солдат".

Благодаря этой божественной помощи мавры были побеждены, и Альфонсо VII, вернувшись в Леон, обогатил святилище святого, расширил его и превратил в суффрагистскую церковь, которой впоследствии суждено было служить временной кафедрой, пока продолжалось строительство настоящего собора.

В 1135 году Альфонсо VII. был коронован императором Западной Римской империи с необычайной помпой и великолепиям в церкви Сан-Исидоро. Апогей важности и могущества Леона совпадает с этим памятным событием.

Сестра императора Санча, благочестивая инфанта, завещала свое огромное состояние, а также свой дворец Сан-Исидоро, своему любимому святому; в результате церковь в Леоне стала одной из богатейших в Испании, привилегию, которую она, однако, не смогла сохранить надолго.

В 1029 году, вскоре после возведения примитивного здания, его фасад был запятнан, согласно традиции, кровью некоего графа Гарсии Кастильского. История такова:

Королем Астурии в то время был Бермудо II, женатый на Урраке, дочери графа Санчо Кастильского. Этот союз был вызван политическими мотивами, поскольку Конде де Кастилия превратились в самых важных и могущественных феодалов королевства.

Чтобы заручиться поддержкой и дружбой графа, король пошел еще дальше: он пообещал свою сестру Санчу сыну графа Гарсии, который, не теряя времени, посетил Леон, чтобы познакомиться со своей будущей супругой.

Трое сыновей побежденного графа Велы, баскского дворянина, которого графы Кастилии казнили, в то время находились в городе. Притворившись, что они очень дружны с молодым *женихом*, они составили заговор против его жизни и, зная, что он наносит утренние визиты в Сан-Исидоро, однажды спрятались в портале и убили юношу, когда он входил.

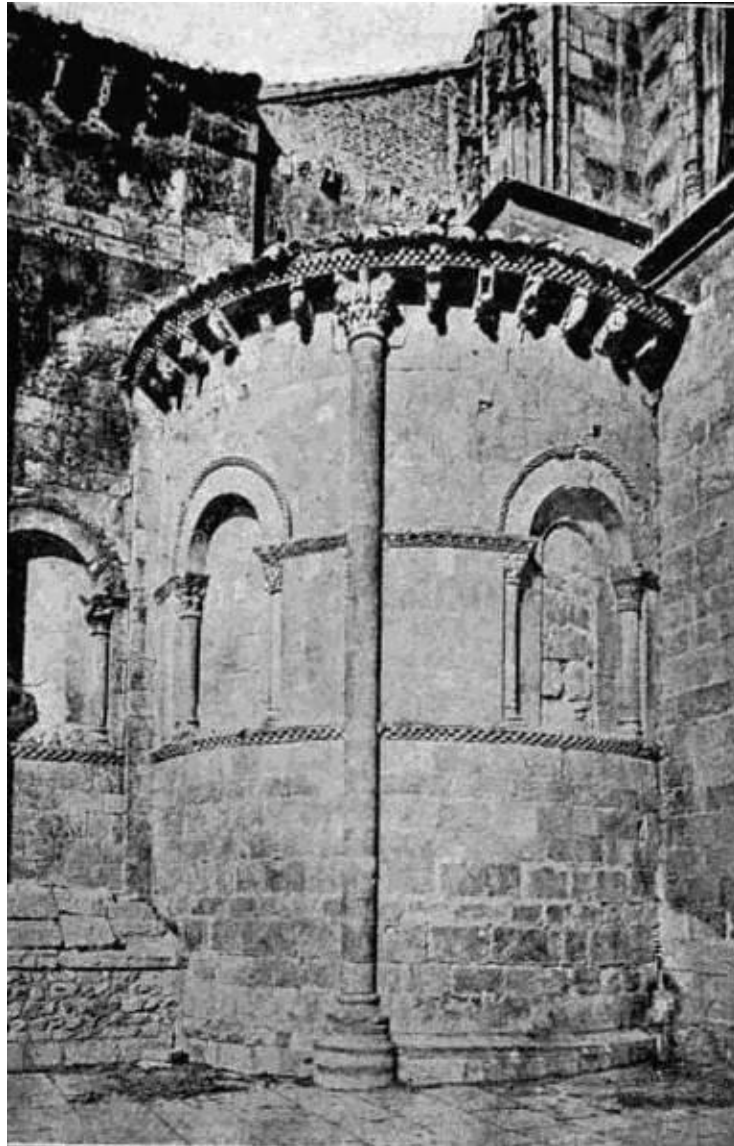
Обещанная невеста поспешно прибыла и, рыдая, упала на тело убитого мужчины; она горько плакала и молила позволить ей быть похороненной вместе со своим возлюбленным. Ее молитва, конечно, не была услышана, поэтому она поклялась, что никогда не выйдет замуж. Однако ей не пришлось долго нарушать эту клятву, поскольку несколько месяцев спустя она вышла замуж за принца из дома Наварры.

Нынешнее состояние здания Сан-Исидоро является разрушительным из-за удара молнии в 1811 году и жестокого обращения, которому подверглись здания солдаты Наполеона во время войны за независимость (1808).

Если смотреть снаружи, здание настолько неинтересно, насколько это возможно; нижняя часть построена в раннелатинском романском стиле; верхняя, построенная сзади, демонстрирует явную тенденцию к ранней готике.

Первоначально апсида была трехлопастной, состоящей из трех одинаковых часовен, соответствующих нефу и проходам; в шестнадцатом веке центральный выступ был удлинен и выровнен; в том же столетии была установлена статуя Сан-Исидоро на южном фасаде, которая испортила в остальном превосходно простой романский портал.

В интерьере руин - поскольку таковыми они являются сегодня — единственной особенностью, на которую следует обратить внимание, является использование подковообразных арок в аркадах, отделяющих проходы от нефа, а также арабских зубчатых арок трансепта. Это первый зарегистрированный случай, когда в христианском храме такого значения, как Сан-Исидоро, в отделке использовались арабские или языческие архитектурные элементы; то есть после вторжения, поскольку известны предыдущие примеры, которые, скорее всего, проникли в страну с помощью византийских рабочих в пятом и шестом веках. (In San Juan de Baños.)

АPSE ИЗ САН-ИСИДОРО, ЛЕОН

Вместо того, чтобы быть обрамленными часовнями, проходы покрыты настенными росписями. Эти фрески представляют большую археологическую ценность из-за их большого возраста и очевидного византийского влияния, которое их характеризует; с художественной точки зрения они неважны.

Главной достопримечательностью здания является пантеон, низкая квадратная часовня с шестью арками, поддерживаемая в центре двумя гигантскими колоннами, увенчанными огромными цилиндрическими капителями. На полуострове нельзя увидеть ничего более унылого или мрачного, за исключением пантеона в Эскориале; сомнительно, который из двух более унылый. Чисто восточное происхождение (почти индийское!) этого пантеона безошибочно и в высшей степени интересно.

Фрески, покрывающие потолок и массивные ребра сводов, столь же мрачны, представляя сцены ада из Апокалипсиса, избивание младенцев и т.д.

Только одна или две из романских мраморных гробниц, выстроившихся вдоль стен, сохранились до наших дней; остальные использовались французскими солдатами как поилки для своих кавалерийских лошадей!

IV

АСТОРГА

ТОН Астурика Августа римлян была столицей северных провинций Астурия и центральным пунктом четырех военных дорог, которые вели в Брагу, Аквитанию, сарагосс и эстрагон.

Во времена господства вестготов, и особенно при правлении Витизы, Асторга, а также Леон, Толедо и Туй были единственными четырьмя городами, которым было разрешено сохранить свои стены.

Согласно некоторым источникам, Асторга была резиденцией самого раннего епископства на полуострове, которое было освящено в первом веке Сантьяго или его непосредственными последователями; однако исторически первым известным епископом был Доминисиано, живший около 347 г. Н.Э.

В четвертом и пятом веках в Испании созрело несколько ересей или ложных доктрин. Центром одного из них, *клеветничества*, была Асторга; другое, *присцилианство*, изначально галисийское, нашло в городе-крепости много приверженцев, больше, чем где-либо еще, за исключением только Туя, Оренсе и Паленсии.

Клеветничество.—Его великим защитником был Василид, епископ Асторгский. Строго говоря, эта вера была не ересью, а обманом, который распространился за пределы Пиренеев во Францию. Она заключалась в отрицании новой веры; те, кто ее провозглашал, или, другими словами, христиане, подвергавшиеся в те дни жестоким гонениям, делали вид, что поклоняются латинским богам, чтобы спасти свои шкуры. С этой целью и для того, чтобы иметь возможность доказать свою искренность, они были обязаны получить от римского губернатора справку, *libelum* (клевета?), подтверждающую их веру в Юпитера, Венеру и т.д. Несомненно, за это свидетельство им пришлось заплатить налог, и таким образом римское государство продемонстрировало свою практическую мудрость: его платили трусы за то, что они были тиранами. Но ведь не все христиане рождаются мучениками.

Присцилианство.— Совершенно иного характера была другая ересь, упомянутая ранее. Это была доктрина, противоположная христианской религии, которой гордились многие приверженцы и которая в свое время угрожала Святой Римско-католической церкви. Учитывая, что в наши дни о нем мало что известно (поскольку после затяжной жизни в Галиции, длившейся около трех или четырех столетий, оно было совершенно проигнорировано как философами, так и христианами), возможно, будет полезно изложить основные положения этого учения на случай, если кто-то захочет окрестить себя пророком новой религии. Она была проповедана неким Присцилиано в четвертом веке и представляла собой смесь кельтской мифологии и христианской веры.

"Присцилиано не верил в тайну Святой Троицы; он верил, что мир был создан дьяволом (возможно, он не ошибался!) и что дьявол держал его в своей власти; далее, что душа является частью Божественной Сущности, а тело зависит от звезд; что эта жизнь - наказание, поскольку только грешные души нисходят на землю, чтобы воплотиться в органических телах. Он отрицал воскресение плоти и подлинность Ветхого Завета. Он защищал переселение душ, вызывание мертвых и другие идеи, несомненно, заимствованные из местной галисийской мифологии. В заключение он отпраздновал Святое Причастие виноградом с молоком, а не вином, и признал, что

все истинно верующие (я полагаю, его истинно верующие, поскольку все мы в какой-то степени истинно верующие) могут совершать религиозные церемонии, не будучи рукоположенными в священники ".

Синфосио, епископ Асторги в 400 году, был обращен в новую религию. Но, услышав намек на то, что его могут лишить кафедры, он поспешно снова обратился в христианство, положив, таким образом, полное прекращение распространению ереси своим храбрым и бескорыстным поступком.

Однако Торибио в 447 году был епископом, нанесшим наибольший вред присцилианству. Он, по-видимому, был божественным инструментом, призванным чудесными событиями доказать истинность религии: он обратил короля свевов в Оринсе, чудесным образом исцелив его сына; когда его охватило пламя, он вышел невредимым; когда он покинул свою епархию, и до его возвращения весь урожай был уничтожен; по его возвращении церковные колокола звонили без помощи человека и т.д., и т.п. Все эти действия неопровержимо доказывали подлинность истинной религии и то, что Торибио был святым; папа причислил его к лику святых.

Во время арабского нашествия Асторга, будучи пограничным городом, пострадала больше, чем большинство городов дальше на север; ее постоянно захватывали и теряли, застраивали и сносили христиане и мавры.

Ужасный Альманзор завоевал его во время своего набега в десятом веке и полностью разрушил. Он был перестроен Веремундо или Бермудо III, но так и не вернул себе утраченного значения, которое вернулось к Леону.

Когда христианские армии завоевали полуостров на юге до самого Толедо, Асторга больше не была пограничным городом, она быстро заснула и с тех пор спит. Однако это оставалось зрелищем, но лишь второстепенного значения.

Было бы трудно сказать, сколько кафедральных церквей было в городе до одиннадцатого века. В 1069 году было построено первое зарегистрированное здание; в 1120 году другое; третье в тринадцатом веке и, наконец, четвертое нынешнее здание в 1471 году.

Очевидным намерением архитектора было подражать *Пульхре Леонине*, но другие вкусы и стили захлестнули полуостров, и результат замыслов неизвестного мастера больше всего напоминает тяжеловесную, неуклюжую карикатуру и убогую смесь готического, платерескового и гротескного стилей.

Северный фасад, безусловно, лучший из двух, он может похвастаться довольно хорошим рельефом тимпана оживальной арки; некоторые расписные окна также хорошей работы, хотя большая часть из них - современное стекло, к сожалению, без пятен.

Можно отметить его особенности: окна южного придела расположены над боковыми приделами, в то время как окна северного придела ниже и расположены в приделах. Высота и ширина проходов также примечательны — обстоятельство, которое не придает зданию ни красоты, ни эффектности. За главным алтарем, который стоит в часовне Богоматери, нет амбулатории; апсида округлая. Эта особенность смутно напоминает о том, на что, должно быть, был похож примитивный план собора Овьедо.

Безусловно, самым ценным произведением искусства в соборе является *ретабло* главного алтаря шестнадцатого века, которое само по себе стоит посетить в Асторге. Это один из шедевров Бесерры в стиле позднего платереска, а также одна из последних известных работ мастера (1569).

Он состоит из пяти вертикальных и трех горизонтальных корпусов; ниши в нижнем обрамлены дорическими, во втором - коринфскими, а в верхнем - составными колоннами и капителями.

Полихромные статуи, заполняющие ниши, выполнены в натуральную величину и являются одними из лучших в Испании; вместе они призваны дать наглядное описание жизни Пресвятой Девы и ее Сына.

Однако в некоторых декоративных деталях этого *ретабло* видны явные признаки платерескового декаданса и зарождения витиеватого гротескного стиля, который является всего лишь естественной реакцией на суровость искусства начала шестнадцатого века.

V

БУРГОС

БУРГОС - старая столица кастилии.

Кастилия — или, собственно, Кастилья — обязана своим названием огромному количеству замков, стоявших на уединенных холмах посреди равнин, лежащих к северу от Сьерра-де-Гвадеррама; один из этих замков назывался Бургос.

В отличие от Леона и Асторги, Бургос не был известен римлянам, но был основан феодальной знатью в средние века, скорее всего, графом Кастильским до 884 года НАШЕЙ ЭРЫ, когда его название впервые появляется в истории.

Расположенный почти на той же линии и к западу от Асторги и Леона, он входил в цепь крепостей, которые образовывали границу между христианскими королевствами и мавританскими владениями. В то же время она смотрела на запад, в сторону королевства Наварра, и ей удавалось удерживать амбициозных монархов Памплоны от кастильской земли.

В течение первых столетий, последовавших за основанием деревни Бургос у подножия выдающегося замка, оба они принадлежали феодалам Кастилии, знаменитым графам с тем же именем. Эта семья бесстрашных дворян стала самой влиятельной в Северной Испании; вассалы королей Астурии, они часто устраивали восстания, и только их деяния занимают девять из каждых десяти страниц средневековой истории.

Ордуньо III. — тот, кто проиграл битву при Вальдеханкере против мавров, потому что дворяне, которым он приказал помогать, воздержались от этого, — заманил графа Кастилии вместе с другими заговорщиками в свой дворец и приказал их подло убить. Так, по крайней мере, гласит история.

Наследник титула не был дураком. Напротив, он был одним из величайших персонажей в истории Испании, героем сотни легенд и преданий. Звали его Фернан Гонсалес, и он освободил Кастилию от вассальной зависимости от Астурии, ибо сбросил иго, связывавшее его с Леоном, и жил как независимый правитель в своем замке Бургос. Это дата первого появления Кастилии в истории как одного из центров христианского сопротивления (в десятом веке).

Тем не менее, против военного гения Альманзора (победоносца) Фернан Гонсалес мог сделать не больше, чем короли Леона. Судьба, постигшая Сантьяго, Леона и Асторгу, ожидала и Бургос, который был полностью разрушен, за исключением неприступного замка. После смерти араба христиане приветствовали ее радостными криками, а с кафедр - мрачным замечанием: "*Almanzor mortuus est et sepultus et in inferno*", сила Кастилии росла год от года, пока некий конде Гарсия де Кастилия не выдал одну из своих дочерей замуж за короля Наварры, а другую - за Бермудо III. о Леоне. Его сын, как уже было показано в предыдущей главе, был убит в Леоне, когда он собирался жениться на сестре Бермудо Санче. Но его внук, признанный наследник трона Наварры, по имени

Фернандо, унаследовал титул и поместья своего деда, даже обещанную невесту своего убитого дяди, сестру Бермудо. После смерти последнего несколько лет спустя, не оставив наследника, он унаследовал — или завоевал — Леон и Астурию, и впервые в истории все христианские королевства полуострова были объединены под одним скипетром.

Кастилия теперь была самым могущественным государством на полуострове, а ее столица Бургос - самым важным городом к северу от Толедо.

Двести лет спустя централизация власти в Бургосе стала свершившимся фактом, так же как и гибель всего, кроме названия, древнего королевства Леон, Астурия и Галисия. Кастилия была Испанией, а Бургос - ее великолепной столицей (1230 год, правление Сан-Фернандо).

Вышеуказанные события тесно связаны с церковной историей, которая полностью зависит от гражданского значения города.

Через несколько лет после того, как Фернандо I принял титул короля Кастилии, он возвел приходскую церковь Бургоса в ранг епископства (1075), перенес в свою новую столицу престол, который с незапамятных времен существовал в Оке. Он также заложил первый камень кафедрального собора на том же месте, где Фернан Гонсалес воздвиг летний дворец до арабского набега при Альманзоре. Десять лет спустя тот же король возвел епископство в ранг архиепископской кафедры.

Сан-Фернандо, будучи не в состоянии сделать больше, чем уже было сделано его предком Фернандо I., приказал снести разрушенную церковь, а на ее месте воздвиг собор, который стоит и по сей день. Это было в 1221 году.

Строительство главного здания велось так быстро, что уже в 1230 году в алтарной часовне была отслужена первая святая месса. Однако возведение остальных частей заняло больше времени, поскольку строительство было завершено примерно триста лет спустя.

Бургос недолго оставался единственной столицей Северной Испании. К концу тринадцатого века Вальядолид уничтожил монополию первого, и с тех пор и в течение следующих трехсот лет эти два города и Толедо были вынуждены по очереди добиваться чести считаться столицей, чести, которая полностью зависела от капризов правителей страны, пока она окончательно не была дарована Мадриду в семнадцатом веке.

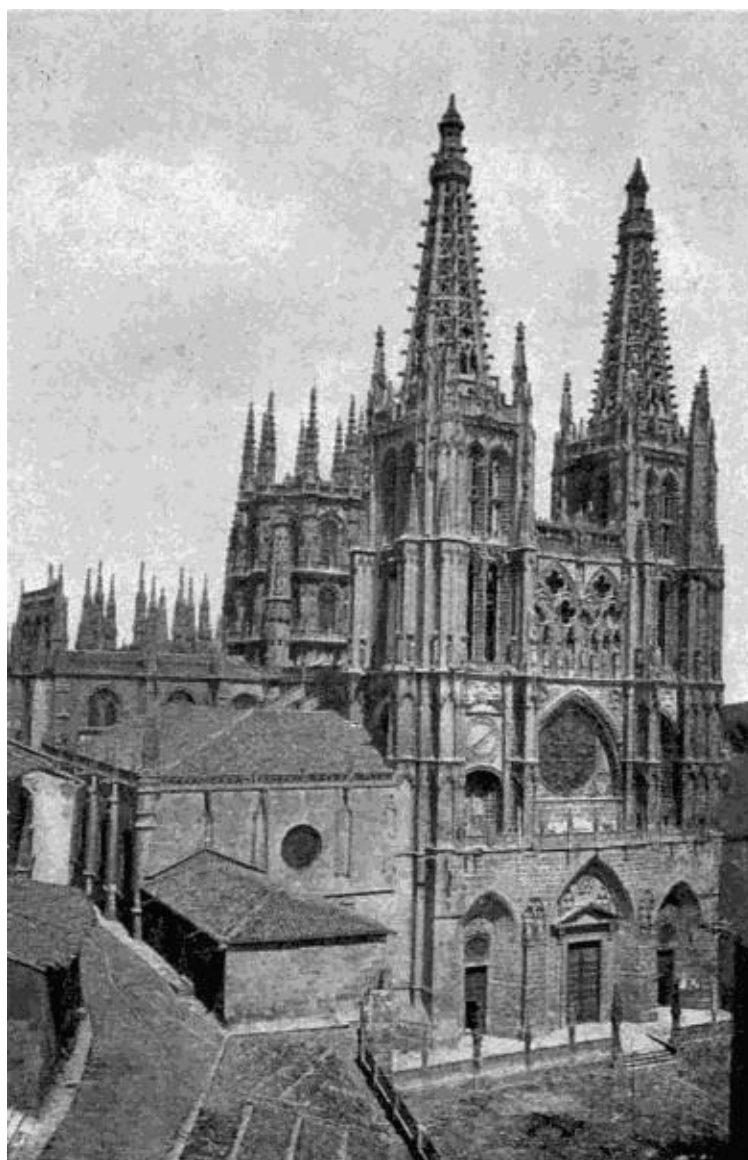
Что касается легенд и традиций феодальной романтики и трагедии, то вряд ли какой-либо город, за исключением Толедо и Саламанки, может соперничать с Бургосом. Исторические события, вызванные узурпаторами и защитниками трона, постоянными раздорами, упрямством знати и вероломством монархов, — все это переплетено с прекрасными дамами и жестокими воинами — достаточно многочисленны, чтобы позволить каждому дому в Бургосе и его окрестностях владеть той или иной тайной, как правило, ужасной и распущенной, что означает рыцарскую. Правление Петра Жестокого и его предшественника Альфонсо, отца четырех или пяти бастардов и любовника доньи Леонор; героические подвиги Фернана Гонсалеса и Сиды Кампеадора (Родриго Диас де Вивар); великолепие двора Изабеллы I и своеобразное устройство страны с ее кортесами, монастырями — все это делает Бургос центром рыцарской литературы, которую до сих пор читают люди и в которую они твердо верят. К сожалению, их рассказу здесь нет места, и мы переходим к осмотру великого собора, предмета настоящей главы.

Поезд, идущий с севера, приближается к городу Бургос. Низкая линия горизонта и волнистые равнины простираются, насколько хватает глаз; вдалеке впереди виднеются два церковных шпиля и замок, вырисовывающийся на фоне голубого неба.

Поезд подъезжает к станции; масса домов и над крышами всех зданий те же шпильки, что и раньше, как бы теряющиеся в лесу остроконечных башенок, поднимающихся из двух восьмиугольных фонарей, или кимборио. На заднем плане, на песчаном холме, видны руины замка, который когда-то был цитаделью графов Кастилии.

Бургос! Проходя под четырехсотлетними воротами - Арко де Санта Мария, - возведенными дрожащими буржуа, чтобы умиловить гнев монарха, посетитель после многих поворотов оказывается на площади, расположенной перед собором.

Плохим архитектурным элементом является этот западный фасад собора с точки зрения первого корпуса или порталов. Лишенные каких-либо украшений и, следовательно, голые, три двери или портала, увенчанные своеобразной яйцевидной оживальной аркой, открываются в неф и проходы. Первоначально они были богато украшены скульптурными рельефами и изваяниями, но в период платереска шестнадцатого века их снесли. Две боковые двери, ведущие в проходы, расположены под башнями превосходной работы высотой 275 футов.

В КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРУРГОСА

Центральная дверь увенчана фронтоном в стиле платереск-ренессанс, встроенным в оживальную арку (надо же!); боковые двери увенчаны простым окном.

Значительно превосходящие нижнюю часть здания во всех отношениях верхние этажи, первый из которых начинается остроконечной балюстрадой, идущей от башни к башне; в центре, между двумя башнями, находится огромная розетка великолепного дизайна, украшенная изящной рельефной оживальной аркой; окна башни, как и в верхних корпусах, выполнены в чистом оживальном стиле.

Следующий этаж, собственно говоря, можно рассматривать как подвал башен. Центральная часть начинается с выступающей балюстрады со статуями на фоне, образованном двумя оживальными окнами исключительного размера. Третий этаж состоит, что касается башен, из последнего квадратного корпуса, на котором покоится флеше; эти квадратные основания

объединены легким фризом или перфорированной балюстрадой, которая венчает центральную часть фасада и украшена оживляющими узорами.

Последними, но не менее важными, являются *флешы*. Хотя они и короткие по сравнению со смелым сооружением в Овьедо, они, тем не менее, отличаются удивительным достоинством и элегантностью, богато орнаментированы и покрыты бесчисленным количеством крошечных остроконечных элементов, инкрустированных, так сказать, на каменной сетке перфорированной пирамиды.

Северный фасад богаче скульптурными деталями, чем западный, хотя на портале установлен всего один ряд статуй. Розетка заменена трехлопастным окном, центральное стекло которого больше двух боковых.

Поскольку этот северный фасад почти на пятнадцать футов выше плана храма - из—за того, что улица намного выше, - в трансепт ведет лестница. Как произведение искусства эпохи Возрождения, эта золотая лестница является одним из чудес Испании, но она выглядит довольно неуместно в по сути готическом соборе.

Чтобы избежать опасности падения с этих ступеней и с целью их сохранности, в шестнадцатом веке в трансепте была сделана еще одна дверь, расположенная на уровне пола здания и ведущая на улицу ниже предыдущей; она расположена к востоку от удлиненного трансепта, или, что еще лучше, от удлиненного северного рукава трансепта.

На южной стороне этому последнему portalу соответствует монастырская дверь. Хотя последний является платересковым, холодным и суровым, первый является самым богатым из всех порталов в плане скульптурных деталей; резьба на панелях также выполнена тончайшего мастерства. Кроме того, южный фасад собора идеально совпадает с северным; подобно Пуэрта-дела-Платерия в Сантьяго, он несколько выделяется монастырем справа и дворцом архиепископа слева, между которыми к нему ведет мощеная серия террас, поскольку с этой стороны улица находится ниже этажа собора. Впечатление, производимое этой аллеей, велико и внушительно, уникально для Испании.

Расположение храма также не совпадает точно с расположением востока и запада, что является редким обстоятельством в такой высококатолической стране, как Испания. Он имеет римскую крестообразную форму; центральный неф содержит как хоры, так и главный алтарь; проходы продолжаются за последним в виде амбулатории.

Боковые стены церкви, расширенные кое-где, чтобы освободить место для часовен разных размеров, придают зданию неправильные очертания, которые были частично исправлены за счет свободного использования контрфорсов, пролетающих контрфорсов и башенок.

Первое впечатление, производимое посетителем, стоящим в любом из проходов, - это скорее размер, чем красота; однако внимательное изучение богатства статуй и гробниц, а также скульптурного совершенства каменного убранства вызовет у многих туристов восклицания удивления и восторга. Кроме того, распределение света таково, что делает интерьер храма скорее веселым, чем мрачным; тем не менее жаль, что все витражи собора шестнадцатого века были уничтожены взрывом пороха в 1813 году, когда французские солдаты разрушали замок.

Необычная высота хоров портит ансамбль интерьера; партеры украшены роскошной резьбой, но не вызывают такого ощущения удивительной красоты, как, например, партеры Леона и Толедо; *рейка*, или решетка, отделяющая хоры от трансепта, является одним из лучших произведений искусства в соборе, и, несмотря на массивность, она проста и элегантна.

The *Ретабло* главного алтаря, богато позолоченное, относится к эпохе Возрождения; статуи и группы, заполняющие ниши, великолепно нарисованы и полны жизни. В амбулатории, встроенной в стену *траскоро*, есть шесть барельефных табличек; как скульптурные работы из камня они не имеют себе равных в соборе и были вырезаны, вне всякого сомнения, рукой мастера. *Круазе* и часовня Кондестаблиа - две главные достопримечательности кафедрального собора.

Последняя названная часовня представляет собой восьмиугольное дополнение к апсиде. Снаружи видно, что его стены богато украшены скульптурой и увенчаны фонарем, или куполом с окнами, окруженным высокими башенками и шпилями, расположенными по углам основания многоугольника. *Круазе* аналогична по структуре, но из-за большей высоты кажется еще болеестройной и воздушной. Башни с их *выступами* вместе с этими оригинальными восьмиугольными фонарями на вершинах придают неопишное изящество, элегантность и величественность тому, что в противном случае было бы довольно громоздким сооружением.

Часовня Кондестаблиа отделена от амбулатории (внутри храма) хорошей решеткой шестнадцатого века и дверью, украшенной богатой скульптурой. Окна над алтарем - единственные, в которых сохранились расписные стекла шестнадцатого века. Среди других экспонатов, хранящихся в этой часовне, которая действительно представляет собой ценительскую коллекцию предметов искусства пятнадцатого и шестнадцатого веков, можно упомянуть две великолепно вырезанные гробницы кондестаблиа и его жены.

The *Круазе*, с другой стороны, была названа "кафедральным собором". Глядя в небо из центра трансепта на высокий *чимборио*и восхищаясь гармонией его деталей, богатством декоративных элементов и не менее оригинальной структурой купола, свод которого образован огромной звездой, можно понять эпитет, применяемый к этому величественному произведению, чуду в своем роде.

Как ни странно, примитивный купол, венчавший *круазе*, рухнул в шестнадцатом веке, в то время, когда Бургос также утратил свое незначительное значение в политических вопросах. Следовательно, многие верили, что одна и та же судьба привела к обоим несчастным случаям и что падение одного неизбежно влечет за собой упадок другого.

В заключение: готический собор Бургоса, наряду с соборами Леона и, возможно, Севильи, в большей степени, чем любой другой собор на полуострове, отражает истинный идеал архитектуры возрождения. Менее воздушный, легкий и грациозный, чем у Леона, он, тем не менее, более испанский, или, другими словами, более величественный, более тяжелый и внушительный по размеру и весу. С точки зрения скульптуры — каменной скульптуры — это первый из всех испанских готических соборов, который входит в число самых сложных и совершенных в Европе.

VI

SANTANDER

THE Основание Сантандера приписывается римлянам, которые окрестили его Гаванью Победы. Его упадок после римского владычества, кажется, был полным, и его название не появляется в анналах испанской истории до 1187 года, когда Альфонсо, восьмой носитель этого имени и король Кастилии, вызвал повторное заселение опустевшей деревни, дав ей особое *fuero* или привилегию. В то время монастырь, окруженный несколькими жалкими хижинами, по-видимому, был всем, что осталось от римского морского порта; этот монастырь был посвящен святым мученикам Эметерио и Челедонио, поскольку считалось и до сих пор считается, что они погибли здесь, а не в Калахорре, как будет показано позже.

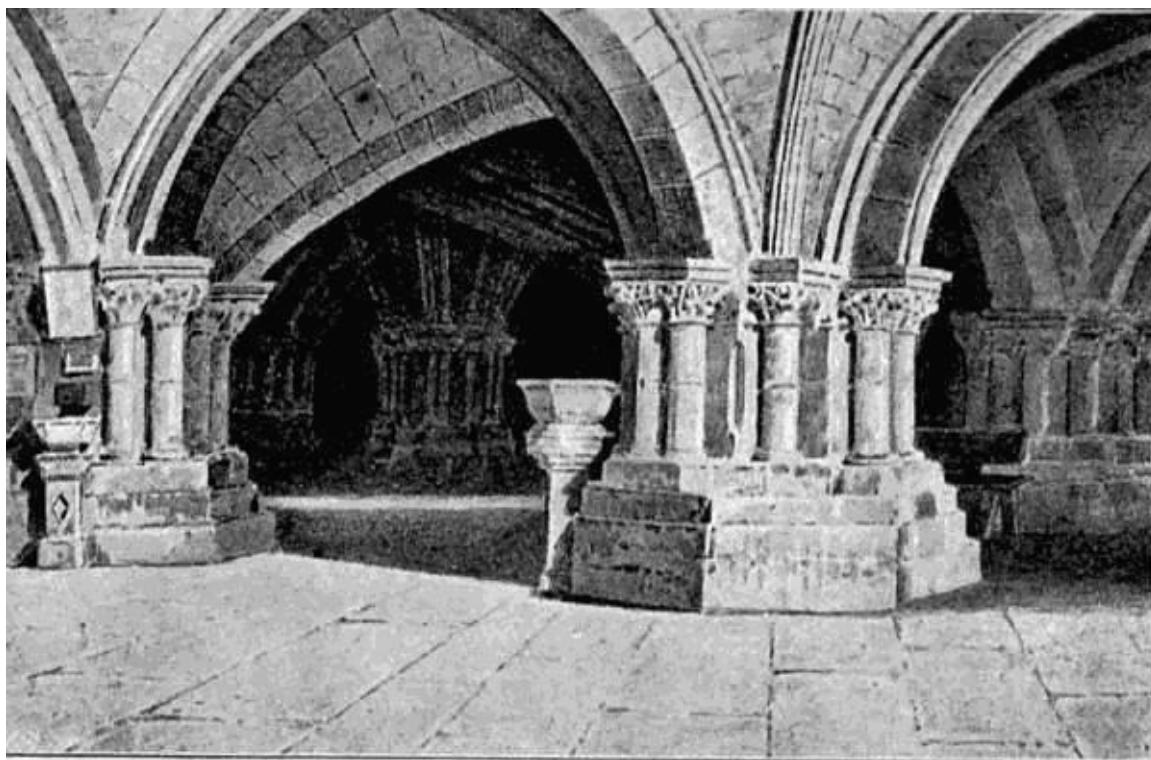
Название зарождавшегося города во времена Альфонсо VIII. был Sancti Emetrii, от монастыря или старого города, но через несколько лет новый город затмил по значимости прежний и, будучи посвящен святому Андрею, дал свое название нынешнему городу (Сан-т-Андрес, Сантандер).

Как морской город, Сантандер стал связан со всеми военно-морскими мероприятиями, предпринятыми молодой Кастилией, а позже Филиппом II против Англии. Короли, принцы, принцессы-консорты и послы из других стран прибывали морем в Сантандер, а оттуда отправлялись в Бургос и Вальядолид; из Сантандера и ближайших морских портов отплыл флот, который должен был подняться вверх по Гвадалквивиру и завоевать Севилью; в 1574 году Непобедимая армада покинула Бискайский залив, чтобы никогда не возвращаться, и с тех пор и по сей день Сантандер остается самым важным испанским морским портом на Кантабрийском море.

Его церковная история неинтересна - или, скорее, у города нет церковного прошлого; возможно, это одна из причин его сегодняшнего процветающего состояния. В XIII веке монашеская церковь Сан-Эметерио была преобразована в коллегиальную, а в 1775 году - в епископство.

Такая же незначительность, с художественной точки зрения, присуща соборному храму. Никто не посещает город ради тяжелого, неуклюжего и чрезвычайно неправильно построенного храма, который стоит на самой высокой части города. Напротив, главной достопримечательностью является прекрасный пляж Сардинеро, который находится к западу от промышленного города и летом превращается в Брайтон Испании. Береговая линия, глубоко изрезанная и поддержанная горами Кантабрик, гораздо более восхитительна и привлекательна, чем готический собор XIII века.

Следовательно, об этом мало что нужно говорить. В интерьере высота нефа и проходов, более выраженная заостренными оживальными арками, придает зданию несколько воздушный вид, которому противоречит вид снаружи.

СКРИПТА КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА САНТАНДЕРА

Квадратная башня на западном конце подрыта галереей или туннелем, через который проходит улица Калле-де-Пуэнте. Справа от него, к которому ведет лестница, находится вход в склеп, который сегодня используется как самая нездоровая приходская церковь. Этот склеп конца двенадцатого или начала тринадцатого века демонстрирует явную романскую тенденцию в своем общем облике: он низкий, массивный, прочный и увенчан полукруглым сводом, опирающимся на гигантские колонны, капители которых грубо изваяны. Окна, пропускающие скудный свет, являются оживляющими, что свидетельствует о переходном периоде, к которому относится склеп; первоначально он задумывался как пантеон для настоятелей монастыря. Но в отличие от галисийско-романского стиля, ему не хватает индивидуального *облика*; если он и напоминает что-либо, так это пантеон королей в Сан-Исидоро в Леоне, хотя с точки зрения красоты их нельзя сравнивать.

Форма склепа напоминает совершенную романскую базилику с нефом и двумя нефами, заканчивающимися трехлопастной апсидой.

Собственно говоря, в соборе есть мраморная купель для крещения с арабской надписью на верхнем фризе; она квадратная, мавританской работы и, несомненно, была привезена из Кордовы после отвоевания. Его первоначальное использование было практичным, поскольку в Андалусии он стоял у входа в какую-то мекку, и в его прозрачных водах ученики Магомета совершали свои гигиенические и религиозные омовения.

VII

ВИТОРИЯ

Яж иностранцу въехать в Испанию по Ирун, первый город на его пути на юг аэропорта Витория.

Газтейс, по-видимому, был его баскским названием до 1181 года, когда он был расширен доном Санчо Наваррским и получил *fuero* или привилегию вместе со своим новым названием, выбранным в ознаменование победы, одержанной королем над его соперником Альфонсо Кастильским.

Долгое время Фортуна не улыбалась дону Санчо, семнадцатью годами позже Альфонсо VIII. включил город в состав своего королевства Кастилия, и он был навсегда потерян для Наварры.

Что касается знаменитых *фуэрос*, дарованных последним названным монархом жителям города, то в городе был в моде любопытный обычай, пока несколько лет назад баскские провинции окончательно не утратили привилегии, за которые боролись веками.

Когда Альфонсо VIII предоставил эти привилегии, он сказал гражданам, что они должны сохранять их "до тех пор, пока воды Задоррии впадают в Эбро".

Задоррия - река, на берегу которой расположена Витория; примерно в двух милях вверх по реке находится историческая деревня Арриаго и не менее исторический мост. С тех пор сюда каждый год в День Святого Иоанна жители Витории приходили процессией, возглавляемой муниципальными властями, епископом и духовенством, клерком ратуши и шерифом. Последний на своем коне вошел вброд в воды Задоррии и бросил в ручей письмо; оно текло по течению к реке Эбро. Затем клерком был составлен акт, подписанный мэром и шерифом, свидетельствующий о том, что "воды Задоррии впадали в Эбро".

Сегодня воды Эбро все еще текут, но процессия не состоится, и в городе больше нет *фуэрос*.

Во времена правления Изабеллы Католички церковь Святой Марии была преобразована в коллегиальную, и лишь совсем недавно, согласно последнему договору между Испанией и Римом, в городе Витория была учреждена епископальная кафедра.

Обнаруженные документы гласят, что в 1281 году — через сто лет после того, как город был заново крещен — главный храм представлял собой церковь и замок вместе взятые; в четырнадцатом веке его полностью снесли, чтобы освободить место для нового здания, скромной оживальской церкви, не имеющей особых достоинств.

Башня построена позже, чем корпус собора, что легко увидеть по треугольным фронтонам, венчающим квадратные окна: она состоит из трех корпусов, как это обычно бывает в Испании, первый из которых квадратный в поперечном сечении, с четырьмя башенками, венчающими углы; второй корпус восьмиугольный, а третий выполнен в форме пирамиды, заканчивающейся шпилем.

Портал вырублен в основании башни. Это самый красивый фасад здания, хотя и в довольно обветшалом состоянии; скульптурные украшения трех арок, а также воздушные рельефы тимпана соответствуют периоду, в который они были задуманы.

В ризнице хранится примитивное деревянное изображение Богородицы; оно представляет скорее историческую, чем художественную ценность. Есть также знаменитая картина, приписываемая то Ван Дейку, то Мурильо; на ней изображены Христос в объятиях своей матери и Мария Магдалина, плачущая на коленях рядом с основной группой. Картина известна под названием "Пиети" или "Ла Пьедад".

Главный алтарь, вместо того чтобы располагаться к востоку от трансепта, как это обычно бывает, расположен под *набережной Круазе*, на круглой площадке, образованной пересечением нефа и трансепта. Таким образом, обзор интерьера полностью закрыт, независимо от того, где стоит зритель.

VIII

ВЕРХНЯЯ РИОХА

ТО юге Наварры и примерно в ста милях к западу от Бургоса река Эбро протекает по плодородной долине под названием Риоха, известной своим бордовым цветом. Он мало посещаем незнакомцами или туристами, и все же его стоит посетить. Поезд курсирует по долине Эбро от Миранды до Сарагосы. К северу и югу простирается холмистая местность, густо поросшая лесом и пологая, как Юра; ближе и по берегам ручья *уэрт*ы или фруктовые сады, огороды и виноградники создают приятный контраст с отдаленным пейзажем и производят благоприятное впечатление, особенно когда из листвы фруктовых деревьев и вязов выглядывает деревня или городок с квадратной массивной церковной башней.

Такова Верхняя Риоха — одно из красивейших мест Испании, Турень, можно сказать, Иберия, округлая область радиусом около двадцати пяти миль, включающая четыре города: Логроньо, Санто-Доминго-де-ла-Кальсада, Нахера и Калаорра.

Римская военная дорога из Таррагона в Асторгу проходила через Риоху, и Калахорра, кельтиберская крепость немного южнее, была завоевана захватчиками после такого же упорного сопротивления, как и сама Нумантия. Он не был полностью разрушен римлянами-завоевателями,

как это произошло в последнем названном городе; напротив, он превратился в самую важную крепость между Леоном и Сарагосом.

Когда на Западе зародилась христианская религия, два юноши, неразлучные братья и солдаты седьмого легиона, расквартированного в Леоне, приняли истинную религию и мигрировали в Калаорру. Они были обезглавлены после того, как подверглись ряду самых страшных пыток, и их туники, покинув тела, из которых ускользнула жизнь, взмыли в небо вместе со святыми душами, к великому изумлению римских зрителей. Именами этих двух святых-мучеников были Эметерио и Селедонио, которым, как мы видели, поклоняются в Сантандере; кроме того, они также являются святыми-покровителями Калаорры.

Первый епископ Калаорры вступил во владение своим престолом ближе к середине пятого века; его звали Сильвано. К несчастью, он был единственным, чье имя известно сегодня, и все же было доказано, что, когда мавры вторглись в страну двести или триста лет спустя, престол был перенесен в Овьедо, позже в Алаву (недалеко от Витории, где сегодня не видно остатков кафедрального собора), а в десятом веке в Нахеру. Сто лет спустя, когда король Наварры Дон Гарсия завоевал арабскую крепость Калаорра, блуждающий престол был еще раз прочно прикован к первоначальному месту своего создания (1030 год; первым епископом *современного искусства* был дон Санчо).

Неподалеку, в долине, ведущей к югу от Эбро, мавры построили крепость и называли ее Наджера. Завоеванный ранними королями Наварры, он был возведен в ранг одного из кафедральных городов страны; с 950 года (первый епископ Теодомео) по 1030 год здесь заседали десять епископов, то есть до тех пор, пока престол не был перенесен в Калаорру. С тех пор, и особенно после завоевания Риохи Альфонсо VI. в Кастилии значение города полностью угасло, и сегодня это всего лишь тень того, чем оно было раньше, или, что еще лучше, это забытая деревня среди руин.

Еще дальше на запад и также расположенный в долине к югу от Эбро, Санто-Доминго-де-ла-Кальсада считается третьим городом. Первоначально его приход был всего лишь суффрагистской церковью Калахорры, но в 1227 году он был возведен в ранг епископальной кафедры. Совсем недавно, в начале девятнадцатого века, когда церковные фонды уже не были такими, какими они были раньше, на обе епархии был назначен только один епископ с альтернативной резиденцией в любой из двух, то есть один прелат проживал в Калахорре, его преемник - в Санто-Доминго, и так далее, и тому подобное. Однако с 1850 года обе деревни — поскольку они являются городами только по названию — потеряли все права на епископа, поскольку кафедра была определенно перенесена в Логроньо, или она будет перенесена туда, как только нынешний епископ умрет. Но у нынешнего епископа долгая жизнь!

Происхождение Санто-Доминго сугубо религиозное. В одиннадцатом и двенадцатом веках по соседству жил благочестивый человек, делом жизни и честолюбием которого было помогать паломникам, путешествующим в Сантьяго в Галисии. Он служил проводником, зимой и летом держал дорогу открытой и даже построил мосты через ручьи, один из которых существует до сих пор и ведет в город, носящий его имя.

Он даже зашел так далеко, что основал нечто вроде гостиницы в деревенском стиле, где паломники могли переночевать и поесть (не платя?). Он также построил церковь рядом со своей гостиницей. После смерти он был причислен к лику святых Санто-Доминго-де-ла-Кальсада (его звали Доминго, а *кальсада* на староиспанском означает "большая дорога"). Альфонсо Кастильский был благодарен смиренному святому за то, что он избавил их от расходов и хлопот по уходу за дорогами, и распорядились возвести красивую церковь на том месте, где раньше стояли скромная

гостиница и часовня. Вокруг него быстро росли дома, и, как следствие, достоинство нового храма возросло.

Из четырех городов Верхней Риохи единственный, достойный названия города, - Логроньо с его историческим мостом через Эбро, мостом, который, согласно традиции, удерживали герой Руй Диас Гаона и трое доблестных товарищей против целой армии вторгшихся наваррцев.

Имя Лукронио или Логроньо впервые упоминается в документе середины XI века. Дата его основания абсолютно неизвестна, и все, что можно сказать, это то, что, как только он попал в руки монархов Кастилии (1076 г.), его значение быстро возросло, затмив три других города Риохи. Он расположен на южном берегу Эбро, в самой плодородной части всего региона, и отличается восхитительным климатом. С 1850 года он был возведен в достоинство епископальной кафедры.

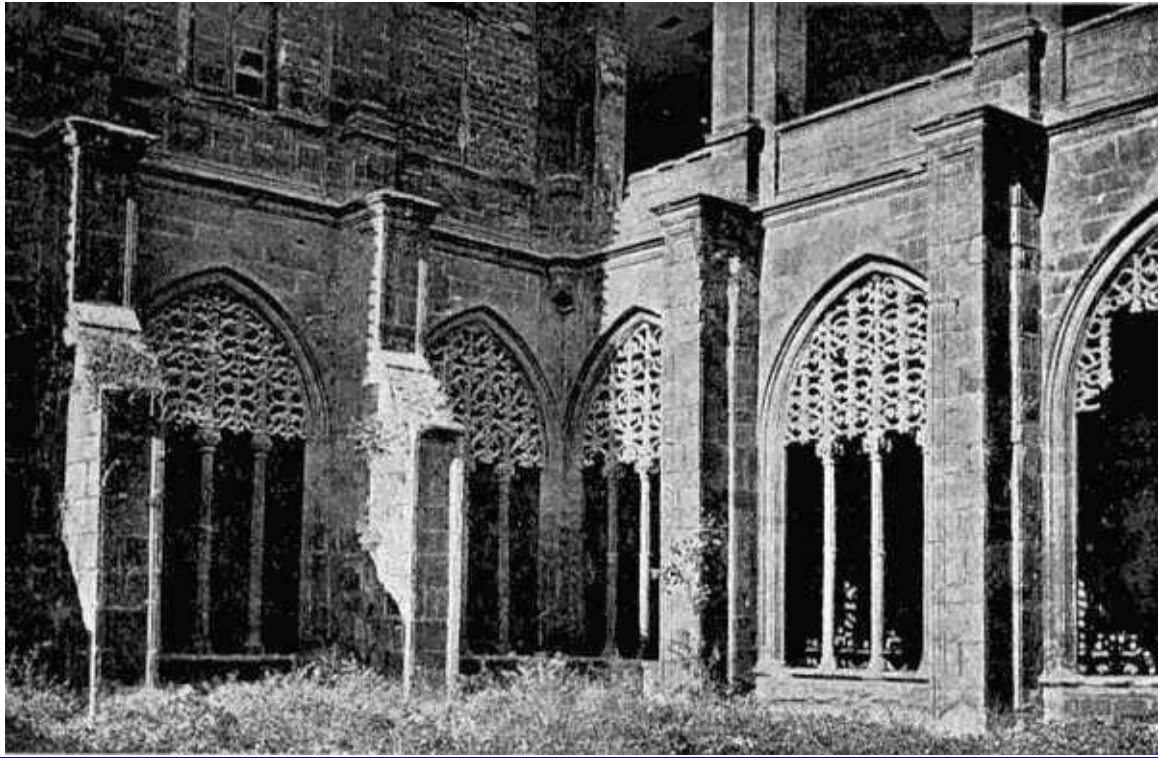
Что касается архитектурных остатков четырех городов в Верхней части долины Риоха, то они, собственно говоря, похожи на города Наварры, хотя и не столь чисты в своих общих чертах. Другими словами, они относятся к декадентскому периоду готического искусства. Более того, все они были испорчены оригинальным, хотя и ужасным сочетанием платересковых, ренессансных и гротескных декоративных деталей, и, следовательно, настоящие остатки старых готических и романских построек двенадцатого и тринадцатого веков трудно отследить.

Наджера.— Абсолютно ничего не осталось от старой романской церкви, построенной королем Доном Гарсией. Новое здание в стиле декадентской готики с примесью ренессансных деталей, построенное в пятнадцатом веке, сохранилось и по сей день; в нем находится великолепная серия хоровых партеров превосходной работы, похожих на те, что были в Бургосе. Монастырь, несмотря на геометрический узор оживальных арок в арабском стиле, одновременно легок и элегантен.

Одно время этот собор использовался как пантеон королей Наварры. У подножия здания до сих пор находится около десяти искусно выполненных мраморных гробниц.

Санто—Доминго-де-ла-Кальсада.— Сохранился примитивный план собора: неф и два нефа демонстрируют романскую мощь в нижнем и оживленную легкость в верхних ярусах. Но в остальном ничто не напоминает о церкви двенадцатого или тринадцатого века.

Монастырь шестнадцатого века представляет собой красивое здание в стиле платереск-ренессанс, довольно небольшое, суровое и холодное. Великая заслуга этой церкви заключается в надгробиях в различных часовнях, все из которых были выполнены ближе к концу пятнадцатого и в первые годы семнадцатого веков, и любой, кто хочет составить для себя представление об этой особой отрасли испанского монументального искусства, не должен упускать из виду такие надгробия, как Карранса, Фернандо Альфонсо и др.

СЛУАЗЕР КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА НАДЖЕРЫ

Изображение святого покровителя (Санто-Доминго) изготовлено из раскрашенного дерева и облачено в богатые серебряные одежды, которые составляют поразительную противоположность скромной жизни святого. Часовня, где покоится последний, закрыта позолоченной железной *реей* платересковой работы. Тело святого покоится в простой мраморной гробнице, которая, как говорят, была высечена самим Санто-Доминго, который был одновременно архитектором и скульптором. Истинность этой версии, однако, сомнительна.

О квадратной башне и главном входе нет необходимости делать какие-либо замечания, поскольку и то, и другое незначительно. *Ретабло* главного алтаря приписывается Фоменту, который построил алтари в Сарагосе и Уэске. Атрибуция, однако, весьма сомнительна, о чем свидетельствуют совершенно разные стили, использованные художниками каждого из них. Не то чтобы *ретабло* в церкви Санто—Доминго уступало шедеврам Фомена в Арагоне, но декоративные мотивы боковых колонн и барельефов свидетельствовали бы — в случае, если бы они были выполнены арагонским Фоментом - об отходе от классического стиля последнего.

В одной из ниш монастыря, в простой урне, покоится сердце дона Энрике, второго короля Кастилии с таким именем, сводного брата Петра Жестокého (одного из бастардов, упомянутых в предыдущей главе, от которого произошли все последующие испанские монархи). Последний был убит своим близким родственником, узурпировавшим трон.

Логроньо.—В 1435 году Санта-Мария-ла-Редонда была преобразована в суфражистскую церковь Санто-Доминго-де-ла-Кальсада; примерно к этой дате старое здание, должно быть, было почти полностью снесено, поскольку оживляющие арки нефа относятся к пятнадцатому веку; так же как и нижние окна, которые с запада примыкают к южной двери.

За исключением этих немногих остатков, ничто не может вызвать в памяти туриста впечатление здания пятнадцатого века, и ни один камень не может напомнить о церкви двенадцатого века. Остальные части здания относятся к шестнадцатому, семнадцатому и последующим векам, и сегодня интерьер расширяется, чтобы освободить место для престола, который будет перенесен сюда из Санто-Доминго и Калаорры.

SANTA MARIA LA REDONDA, LOGROÑO

Интерьер выполнен в римском крестообразном стиле с высоким и просторным центральным нефом, в котором находятся хоры, и с каждой стороны довольно темными проходами гораздо меньших размеров.

The *Траскор* - единственная особенность, которой обладает эта церковь. Он большой и круглый, закрыт огромным сводом, который превращает его в часовню, отделенную от остальной части церкви (сравните с церковью Сарагосского столпа).

В соответствии с гротескным стилем, к которому оно принадлежит, вся поверхность стен и свода покрыта картинами, первая, по-видимому, написана маслом, вторая - фресками. Виксе нарисовал их в театральном стиле восемнадцатого века.

Снаружи правильные черты церкви радуют глаз, несмотря на очевидные признаки художественного упадка. Две башни, высокие и стройные, являются одними из лучших, созданных в период упадка в Испании, который последовал за суровым стилем Эрреро, если бы только в самом верхнем корпусе не было круглой перемычки, которая делает шпиль тяжеловесным.

Между двумя башнями, которые при взгляде издалика приобретают красоту и придают городу благородный и живописный вид, фасад, собственно говоря, достигает их второго тела. Это углубление, увенчанное половиной купола в форме раковины, который, в свою очередь, увенчан пластинчатым карнизом в форме длинного и узкого свитка.

Лощина представляет собой своеобразную и смелую смесь архитектурной элегантности и скульптурной причудливости, и наоборот. У Мадразо это вызвало восклицание, что, поскольку он увидел это, он убедился, что не все памятники, принадлежащие к гротескному стилю, лишены красоты.

Дата возведения западного фронта, несомненно, совпадает с датой *траскоро*; автор склонен полагать, что оба они совпадают по времени с возведением Колонны в Сарагосе; по крайней мере, они похожи друг на друга в некоторых безошибочных деталях.

Calahorra.—Четвертая из кафедральных церквей Верхней Риохи - Калаорра. После повторного заселения города Альфонсо VI. в Кастилии в одиннадцатом веке тела двух святых-мучеников Эметерио и Селедонио были извлечены из колодца (который сегодня можно увидеть в монастыре), где они были спрятаны христианами, когда мавры захватили крепость, и рядом с тем же местом была построена церковь. От этой церкви одиннадцатого века сегодня ничего не осталось.

СЗАДНЕЙ СТОРОНЫ ПЕРЕД КАФЕДРАЛЬНЫМ СОБОРОМ КАЛАОРРЫ

В двенадцатом веке было начато строительство нового здания, но процесс строительства продолжался медленно, и только двести лет спустя апсида была окончательно достроена. Корпус церкви, от западного фасада (этот последний ужасно современный и неинтересный) до трансепта, представляет собой самую старую часть — простую готику тринадцатого века.

Все многочисленные часовни, образующие кольцо вокруг церкви, были оформлены в гротескном стиле восемнадцатого века, и благодаря своим ярким краскам, полихромным статуям и чрезмерному украшению они не представляют особого интереса для посетителя. *Ретабло* главного алтаря — одно из самых больших, которые можно где-либо увидеть; но ренессансная элегантность нижней части полностью заглушается гротескным декором верхней половины, который был построен позже.

Партеры для хоров — прекрасные образцы того стиля, в котором художник предпочитал замысловатую композицию простой красоте. Библейские сцены, окруженные и разделенные

аллегорическими персонажами и символическими линиями в большом изобилии, свидетельствуют скорее о таланте резчика, чем о его художественном гении.

IX

SORIA

Река *Дуэро*, покидая свой исток у подножия *Пико-де-Урбьон* (недалеко от *Винуэсы*), течет на восток около пятидесяти миль, затем еще пятьдесят миль на юг, после чего резко поворачивает на запад в своем долгом путешествии по *пиренейскому* полуострову.

Круглая область, ограниченная с трех сторон руслом реки, является исторической областью *Сория* — частью одноименной провинции *Нумантия*, злейшего врага *Рима* и едва не ставшей причиной его гибели, которая находилась где-то в этой части страны, хотя где именно, точно неизвестно, поскольку великий *Сципион* позаботился о том, чтобы разрушить ее настолько основательно, что сегодня не осталось даже камня на камне, указывающего, где стояла героическая крепость.

В наши дни на берегах *Дуэро* внутри этого круга расположены два города и два собора; один — *Сория*, другой — *Осма*. Последний был римским городом, ранней епископальной кафедрой, а позже арабской крепостью; первый был основан одним из *Альфонсо* в конце одиннадцатого века как пограничная крепость против *Арагона* на востоке, *мавров* на юге и *Наварры* на севере.

Город быстро рос благодаря замечательным *фуэросам*, предоставленным горожанам, которые жили как в республике, созданной ими самими, — почти уникальный случай самоуправления, зафиксированный в средние века.

Главная приходская церковь была передана *суфражистке Осмы* в двенадцатом веке. С тех пор между двумя городами существовал постоянный дух соперничества, поскольку первый, более важный как город и как столица провинции, не мог склонить голову перед церковной властью такой деревни, как *Осма*. На протяжении всего средневековья ревность между этими двумя служила пищей для непрекращающихся раздоров. Папа *Климент IV* по наущению *Альфонсо VIII* возвел коллегию в *Сории* в ранг епископальной кафедры, независимой от *Осмы*, но *твердолобый капитул* последнего названного города отказался признать приказ папы, и ни один епископ не был избран или назначен.

Эта ожесточенная ненависть между двумя соперниками послужила причиной многих забавных инцидентов. Однажды епископ *Осмы*, посетивший свою *суфражистскую церковь* в *Сории*, приказал поджечь дом, в котором он остановился на ночь, у себя на ушах. Он переехал в другой дом, и на вторую ночь этот дом также был таинственным образом подожжен. Его светлость не стал дожидаться третьей ночи, опасаясь того, что могло случиться, а поспешил обратно в свой епископский дворец в *Осме*.

В 1520 году *капитул коллегииума* в *Сории* направил петицию правителю страны с просьбой распорядиться о возведении новой церкви на месте старого здания двенадцатого века в другой части города. Однако просьба не была удовлетворена, так что же сделал коварный орден? Он заказал архитектору построить часовню в самом центре церкви, и когда она была завершена, восхищался работой с большим энтузиазмом, за исключением только колонны перед ней, которая загораживала непрерывный обзор. Эта колонна была настоящей опорой церкви, и хотя *капитулу* было сказано об этом (как будто он этого не знал!), архитектору было приказано снести ее. Поколебавшись, последний согласился: колонна была снесена, а вместе с ней рухнула и вся

церковь! Но игра ордена была раскрыта, и его обязали восстановить собор на том же месте и из тех же материалов.

Следовательно, церковь в Сории представляет собой здание шестнадцатого века, не имеющее особых достоинств, за исключением западного фасада, который является единственной частью старого здания, которая не обрушилась, и является прекрасным образцом кастильского романского стиля, а также монастыря, одного из самых красивых, к тому же являющегося одним из немногих монастырей двенадцатого века в Испании, с двойным рядом тонких колонн, поддерживающих закругленные арки. Эта модификация традиционного типа придает особую легкость тяжеловесному романскому стилю, в остальном.

Что касается урегулирования разногласий между Сорией и Осмой, то сегодня престол является двойным, как у Мадрида и Алькалы. Однако после смерти нынешнего епископа его определенно перевезут в Сорию, и, следовательно, жители последнего названного города наконец смогут возблагодарить Аллаха или Истинного Бога за великие милости, ниспосланные им.

СЛУАЗЕР КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА СОРИИ

Осма.— С исторической и архитектурной точки зрения Осма, город-соперник на реке Дуэро, гораздо важнее Сории.

Согласно традиции, святой Иаков проповедовал Святое Евангелие, а после него святой Петр (или святой Павел?), который оставил своего ученика Святого Асторджио епископом (91 год н.э.). Ему наследовали двадцать два епископа, двадцать третьим в списке был Иоанн I. На самом деле это первый, о существовании которого у нас есть какие-либо положительные доказательства, поскольку он подписал третий собор в Толедо в шестом веке. В восьмом веке сарадины прогнали пастыря христианского стада на север, в Астурию, и только в 1100 году архиепископ Толедский Бернардо назначил первого епископа *de modernis*. Выбор последнего пал на Петра,

добродетельного французского монаха, который был канонизирован папой римским после своей смерти и фигурирует в календаре как святой Петр Османский.

Когда первый епископ вступил во владение своей кафедрой, он начал строить свой собор. Однако вместо того, чтобы выбрать саму Осму в качестве резиденции, он выбрал место расположения женского монастыря на противоположном берегу Дуэро (к северу), где Пресвятая Дева явилась пастуху. Вскоре вокруг храма выросли жилые дома, и, чтобы отличить его от Осмы, новый город назвали Бурго-де-Осма, и это название он сохраняет до сих пор.

В 1232 году, менее чем через сто лет после возведения собора, он был полностью разрушен, за исключением одной или двух часовен, которые еще можно увидеть в монастыре, Хуаном Домингесом, который в то время был епископом и желал обладать кафедрой более важной по внешнему виду, чем та, что была оставлена ему его предшественником, святым Петром.

Здание в том виде, в каком оно стоит сегодня, небольшое, но в высшей степени интересное. Первоначальный план представлял собой базилику в романском стиле с трехлопастной апсидой, но в 1781 году переход за алтарем соединил два боковых нефа.

Двумя лучшими скульптурными произведениями собора являются *ретабло* главного алтаря и рельеф, врезанный в стену *траскоро*- оба они вырезаны из дерева Хуаном де Джуни, одним из лучших кастильских скульпторов шестнадцатого века. Пластическая красота фигур и их реалистичные позы хорошо гармонируют с простыми колоннами эпохи Возрождения, кое-где украшенными искусно выполненными цветами и гирляндами.

Часовня, где покоится тело святого Петра из Осмы, является скорее оригинальной, чем красивой пристройкой к церкви. Ибо, учитывая небольшие размеры собора, было трудно найти достаточно места для часовен, ризницы, вестибюля и т.д. Следовательно, в случае с вышеупомянутой часовней было необходимо построить ее над ризницей; к ней ведет лестничный пролет, под которым две трехлопастные арки ведут в мрачную комнату внизу. Результат в высшей степени оригинален.

Те же замечания относительно нехватки места можно сделать, говоря о главном входе. Ранее портал располагался на западном фасаде; возведение башни с одной стороны и часовни с другой сделало этот вход незначительным и наполовину заслонило его выступающей башней. Таким образом, пришлось возвести новый собор, который, по мнению многих искусствоведов, является прекрасным дополнением к собору в полном смысле этого слова, но который поражает автора чрезмерным уродством, особенно верхняя половина с балконом и полкой аркой над ним, в тени которой окно-роза теряет как свой художественный, так и полезный объект. Таким образом, будучи круглым, оно расположено внутри полукруглого типа *авангардного крыльца* или ниши, резкие *контуры* которой деформируют огромный круг окна.

В заключение: в соборе Осмы плохая архитектура слишком очевидна. Башня, пожалуй, самая элегантная часть, и все же второй корпус, который должен был придать ей изящество с постепенным наклоном, был опущен, а третий помещен непосредственно над первым. Это не улучшение.

Возможно, истинная причина этих архитектурных неудач кроется не столько в вине архитекторов и художников, сколько в вине капитула и паствы, которые не смогли должным образом помочь в возведении достойного собора. Однако, к счастью, в Испании есть и другие соборы, где, несмотря на нехватку средств, было возведено приличное и однородное здание.

Монастырь, оголенный с внутренней стороны, тем не менее представляет собой скромное готическое сооружение с приемлемыми дольчатыми окнами-оживальями.

ЧАСТЬ IV

Западная Кастилия

Я

ПАЛЕНСИЯ

Историю Паленсии можно разделить на две отдельные части, отделенные друг от друга промежутком примерно в пятьсот лет, в течение которых город был полностью стерт с карты Испании.

Первый период охватывает период до римского завоевания и до господства вестготов.

Первоначально населенный вакеосами, кельтиберским племенем, он был одной из последних крепостей, павших под римским оружием, присоединившись к Нуманции в ужасной войне, которую вели испанцы и которая стала легендарной и всеобщей.

Под властью Рима широкая полоса земель, столицей которой была Паленсия, военный городок на дороге из Асторги в Эстрагон, процветала так, как никогда раньше. Следовательно, вполне естественно, что одна из первых епархий была основана там, как только христианство вторглось на полуостров. Однако под рукой нет записей об именах первых епископов и святых-мучеников, которых здесь так же много, как и в других местах, и так же много в Испании, как и в самом Риме. Во всяком случае, современные документы упоминают епископа Торибио, не первого занявшего престол и не того самого прелата, который творил чудеса в Оренсе и Асторге. Паленсийский Торибио боролся также против присцилианской ереси и был одним из препятствий, остановивших ее распространение дальше на юг. Об этом человеке рассказывают, что, испытывая отвращение к ереси, широко распространенной в его Паллантии, он взобрался на холм и, простерев руки к небу, заставил воды реки выйти из своего русла и затопить город - самое эффективное средство для приведения заблудившихся овец в загон.

Нигде вестготы не нанесли большей мести иберам, препятствовавшим их проникновению на полуостров, чем в Паленсии, и не причинили им большего вреда. Он был полностью разрушен, не осталось ни единого камня, чтобы рассказать историю о том, каким был город. Постепенно он поднялся из руин, превратившись скорее в деревню, чем в город; время от времени упоминаются его епископы, живущие скорее в Толедо, чем в своей скромной епархии.

Арабское вторжение во второй раз опустошило растущий город; возможно, именно сам Альфонсо I. полностью разрушил его, поскольку мавританская граница проходила к северу от города, и тактикой монарха было сравнять с землей все города, которые он не мог удержать, когда совершал рискованное вторжение во враждебную страну.

Таким образом, Паленсия была забыта до XI века, когда Санчо эль Майор, король Наварры, завоевавший эту часть Кастилии, восстановил давно забытый престол. Он охотился среди сорняков, покрывавших руины того, что когда-то было римской крепостью, когда кабан выскочил из укрытия перед ним и убежал. Будучи легконогим, король последовал за животным, пока оно не скрылось в пещере, или в том, что казалось таковой, хотя на самом деле это была подземная

часовня, посвященная мученикам или святому покровителю старой Паллантии, а именно Сан-Антолину.

Загнанный зверь съезжился перед алтарем; царь поднял руку, чтобы пронзить его копьем, и вдруг - о чудо! - невидимая рука задержала его руку в воздухе! Монарх немедленно пал ниц перед чудесным изображением святого; он признал свой святотатственный грех и взмолился о прощении; кабан сбежал, рука монарха опустилась, и несколько дней спустя престол был восстановлен, над подземной часовней была возведена церковь, и Бернардо был назначен первым епископом (1035). После смерти Санчо его сын Фердинанд, которому, как мы видели, впервые удалось объединить всю Северную Испанию под своим скипетром, счел делом чести поддержать престол, воздвигнутый его отцом за несколько месяцев до его смерти, - примеру последовали все последующие монархи вплоть до времен Изабеллы Католички.

Вскоре вокруг собора было построено удивительное количество домов, и будущее города было самым многообещающим. Его епископы принадлежали к числу представителей благородной крови страны и пользовались такими исключительными привилегиями, которые давали им власть и богатство, равных которым не было в истории средневековья. Но с другой стороны, город был построен для церкви, а не церковь для города, и неудивительно, что прелаты носили титул "*hecho in rey y in papa*" - король и папа. Большая часть этих принцев, правда, жила при дворе, а не в своей епископальной епархии, что, возможно, является одной из причин, по которой Паленсии не удалось сравняться с Бургосом и Вальядолидом, хотя одно время это была резиденция некоторых королей Кастилии.

Более того, будучи лишь вторым по значимости после двух последних названных городов, Паленсия постоянно была резиденцией дворян-диссидентов и несостоявшихся наследников престола; потому что эти последние, будучи неспособными завоевать столицу, или Вальядолид, неизменно стремились утвердиться в Паленсии, иногда успешно, иногда будучи вынуждены отступить от городских стен. Следовательно, история города является одной из самых авантюрных и разнообразных, которые можно прочесть в истории Испании, и именно из-за того, что он принял сторону в восстании против Карла-Квинта во времена Коммунистов, в конце концов он был вынужден окончательно уступить свое место Вальядолиду и потерял свое значение как один из трех городов Кастилия-ла-Вьеха.

Остается упомянуть, что Паленсия была резиденцией первого испанского университета (христианского, а не мавританского), предшествовавшего университету Саламанки или Алькалы. В 1208 году это учебное заведение было основано Альфонсо VIII; профессора были приглашены из Италии и Франции, а рядом с собором и под его защитным крылом было возведено здание. Однако он не пережил смерти монарха, поскольку правление сына последнего оставило мало свободного времени для науки и литературы, и в 1248 году он был закрыт, хотя и двадцатью годами позже папой Урбано IV. тщетно пытался восстановить его. Согласно популярной традиции, своей окончательной гибелью он был обязан жителям города, которые, желая отомстить за оскорбление, совершенное одним из студентов по отношению к дочери города, однажды ночью по условному сигналу напали на них и перебили всех до последнего человека.

В четырнадцатом веке собор, сильно пострадавший от осад и от рук врагов, был полностью снесен и на том же месте построен новый (июнь 1321 года). Подземная часовня, ставшая причиной возрождения города, до сих пор остается центральной достопримечательностью и реликвией собора, и, согласно другой легенде, не менее чудесной, чем легенда о Торибио, ее подлинность была установлена определенно (?) без тени скептических сомнений. Оказывается, некто Педро, епископ Осмы (святой Петр Османский?), молился перед изображением Сан-Антолина, когда погас свет. Благочестивый, но сомневающийся прелат молился Богу, чтобы тот

дал ему доказательство подлинности реликвии, зажег свечи. К его удивлению (?) и ликованию, свечи зажглись сами собой!

Давайте подьдем к городу по железной дороге. Поезд отправляется от Вента-де-Баньос, узловой станции с деревней примерно в двух милях отсюда, где находится вестготская церковь седьмого века, отличающаяся необычной структурой в виде подковообразных арок, построенных еще до арабского вторжения.

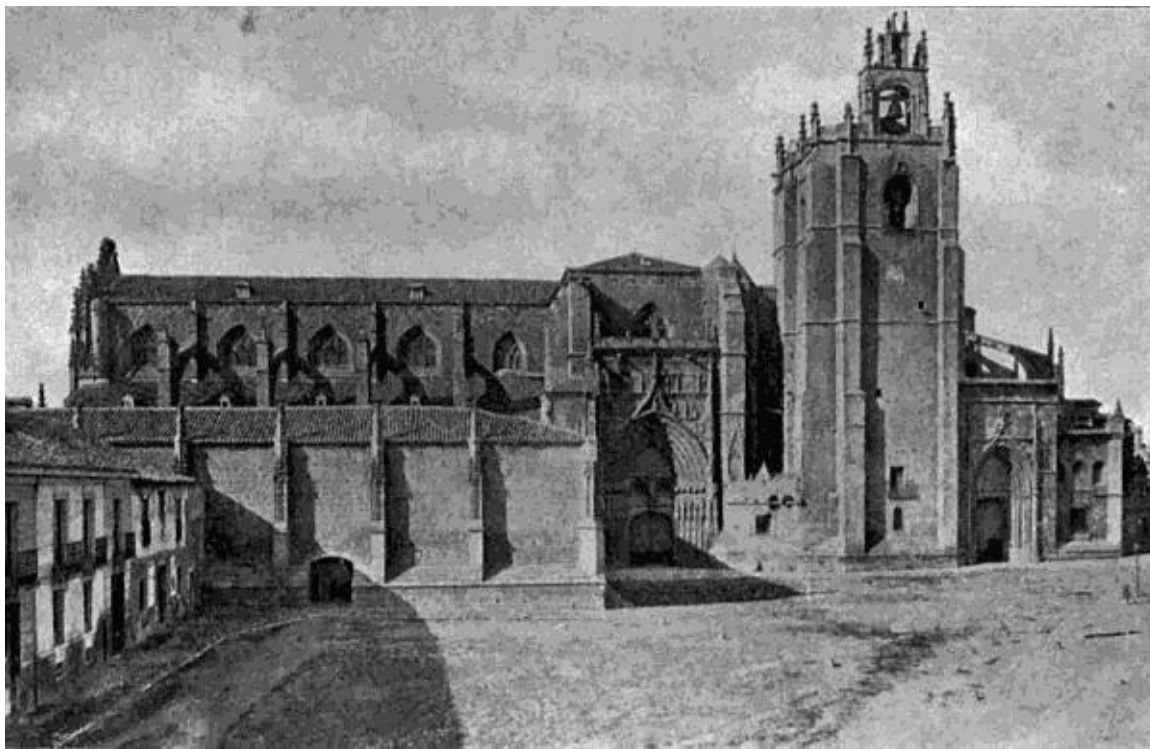
Сразу же после выхода со станции поезд въезжает на огромную холмистую равнину красноватого песчаного цвета, с отдельными песчаными холмами, увенчанными забытыми руинами средневекового замка.

Столица этого региона - Паленсия.

Возведение кафедрального собора города было начато в 1321 году; он был посвящен Матери и Младенцу и Сан-Антолину, часовню которого, лишенную всяких художественных достоинств, до сих пор можно увидеть под хорами.

Это сооружение было закончено к 1550 году. То же разделение, которое наблюдалось в истории города, может быть применено и к храму: сначала предполагалось построить скромную готическую церковь из красного песчаника; была возведена апсида с ее пятью часовнями и традиционным амбулаторием, а также трансепт и высокий алтарь, завершающий центральный неф. Затем, по прошествии примерно ста лет, первоначальный план был изменен путем удлинения корпуса здания. Следовательно, часовня главного алтаря оказалась слишком маленькой по сравнению с увеличенными пропорциями, и ее преобразовали в приходскую часовню. Напротив него, к западу от старого трансепта, в центральном нефе был сооружен еще один высокий алтарь, а второй трансепт отделял его от следующих за ним хоров.

Другими словами, если посмотреть на этот любопытный памятник в том виде, в каком он стоит сегодня, центральный неф увенчан оживающим сводом из серии из десяти сводов. Первый трансепт пересекает неф под шестым, а второй - под девятым сводом. (Свод № 1 находится в западном конце церкви.) Оба трансепта выступают буквально за пределы общей ширины здания. Хоры находятся под четвертым и пятым сводами, а главный алтарь - между двумя трансептами, занимая седьмое и восьмое пространство. Под десятым находится приходская часовня или бывший главный алтарь, за которым находится амбулатория, по бокам от которой расположены пять апсидальных часовен. Следовательно, второй трансепт отделяет старый главный алтарь от нового.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР АЛЕНСИИ

Несмотря на низкие проходы и неф, а также отсутствие скульптурных мотивов, столь ярко выраженных в Бургосе, двойной крест и необычная длина по сравнению с шириной производят приятное впечатление на зрителя. Очевидное отсутствие единства в готической структуре компенсируется оригинальным и приятным планом.

Окончательное суждение, которое можно вынести об этом кафедральном соборе, если посмотреть на него снаружи, заключается в том, что он демонстрирует типичную испано-готическую характеристику, а именно тяжеловесность в противовес чистой оживальной легкости. В декоративных деталях чувствуется бедность, а в интерьере - торжественность; снаружи он напоминает скорее крепость, чем храм, со слегка заостренными готическими окнами и тяжелым и основательным, а не элегантным и легким, общим сооружением. Только кафедральный собор Паленсии перерос первоначальную модель и принял ту странную и экзотическую форму, которую он имеет сегодня, не утратив своего вида крепости.

Хотя на самом деле здание построено из камня (см. Колонны и опоры в интерьере), во внешней отделке в основном использовался кирпич; отсюда также невозможность возведения чисто готического здания, и это замечание можно применить к большинству церквей в Испании. Контрфорсы тяжелые, квадратная башня (недостроенная) имеет форму романской или *мудехарской*, а не готической, хотя окна оживлены. Здесь нет западного фасада или портала; башня расположена на южной стороне между настоящими трансептами.

Из четырех дверных проемов, двух на севере и двух на юге, которые ведут к трансептам, самыми большими и богатыми скульптурным декором являются Епископские врата (южные). Обратите внимание на геометрические узоры на панелях оживленного и слегка заостренного дверного проема. Другой портал на юге намного проще, а арка, венчающая его, выполнена в более чистом

готическом стиле; в отличие от геометрически украшенных панелей и почти арабского фриза, который проходит над арками. Этот фриз выполнен в мавританском или мудархско-византийском стиле, и хотя на самом деле ему не место в ожившем здании, он странно гармонирует с ним.

Во внутреннем убранстве собора обнаженность колонн частично компенсируется богатством скульптурного оформления некоторых гробниц, а также несколькими решетками шестнадцатого века. Огромное *ретабло* главного алтаря демонстрирует готическую роскошь в своих деталях и в то же время (в капителях фланкирующих колонн) зарождающуюся строгость платереска.

Пожалуй, самым интересным уголком интерьера является *траскоро*, или внешняя сторона стены, которая замыкает хоры с западной стороны. Здесь проявил себя покровительственный гений епископа Фонсеки, отпрыска знаменитой кастильской семьи. Сама стена богато украшена скульптурой и двумя прекрасными боковыми рельефами. В центре - великолепное по цвету фламандское полотно шестнадцатого века и изящная резная кафедра.

В зале капитулов можно увидеть несколько хорошо сохранившихся фламандских гобеленов, а в апсидальной часовне находится один из мистических сюжетов Сурбарана: молящаяся монахиня. (Этот портрет, я полагаю, был продан или подарен капитулом, поскольку, если я не ошибаюсь, его сегодня можно увидеть в художественной коллекции испанской королевской семьи.)

II

ZAMORA

Каким бы ни было происхождение Саморы, ошибочно путаемой с Нумантией, только в девятом веке город, или пограничная крепость, появляется в истории как арабская цитадель, отнятая у мавров и заново укрепленная Альфонсо I или его сыном Фройлой, и обязательно потерянная и отвоеванная христианами и маврами сотни раз в таких ужасных битвах, как знаменитая и широко воспетая *диа де Самора* в 901 году. В 939 году орды неверных предприняли еще одну знаменитую осаду города, но крепость цитадели и многочисленные рвы, которых, по-видимому, было шесть, разделенные высокими стенами, окружавшими город, были непобедимы, и арабским воинам пришлось отступить. Тем не менее, между 900 и 980 годами крепость пять раз была потеряна христианами. Последним мавром, захватившим его, был Альманзор, который сравнял его с землей, а затем вновь заселил арабами из Андалусии.

Ранее, в 905 году, приходская церковь была возведена в ранг епископальной; первым ее занял некто Атилано, позже канонизированный папой Урбано II.

Через десять лет после того, как этот епископ вступил во владение своим духовным престолом, его беспокоили определенные религиозные угрызения совести, и, надев одеяние паломника, он распределил свои доходы среди приходской бедноты и покинул город. Переходя мост, который все еще стоит и по сей день и ведет из города в Португалию, он бросил в реку свое пастырское кольцо, поклявшись, что вновь займет утраченную епархию только тогда, когда кольцо будет возвращено ему в руки; если это произойдет, это докажет, что Всемогуший простил его грехи.

В течение двух лет он скитался по святыням и помогал бедным; наконец однажды ему приснилось, что его Учитель приказал ему немедленно отправиться в свою епархию, где в нем остро нуждались. Вернувшись в Самору, он провел ночь в соседнем скиту, и во время ужина — должно быть, это была пятница! — в брюхе рыбы, которую он ел, он обнаружил свое пасторское кольцо.

На следующий день невидимая рука зазвонила в церковные колокола, и паломник, вошедший в город, был провозглашен жителями святым; те же невидимые руки сняли с него одежду паломника и облачили его в богатые епископские одежды. Он вступил во владение своим престолом, умерев на седьмом году своего второго правления.

Альманзор эль Терриблво время последнего мощного набега мавров похоронил христианскую кафедру под руинами собора и воздвиг мекиту во славу Аллаха; пятнадцать лет спустя город снова перешел в руки христиан и больше не видел арабской армии под своими стенами.

Однако лишь 125 лет спустя разрушенная епископская кафедра была восстановлена *de modernis*, первым епископом был Бернардо (1124).

Но до указанной выше даты в Саморе и ее окрестностях произошло событие, которое принесло городу национальную известность и сделало его центром испанской илиады, едва ли менее поэтической или драматичной, чем гомеровская легенда, и поэтому достойной рассказа как, возможно, уникальная на полуострове, не говоря уже об истории средневековья.

Когда Фернандо I Кастильский умер в 1065 году, он оставил свои обширные территории своим пятерым детям, завещав Кастилию своему старшему сыну Санчо, Галисию Гарсии, Леон Альфонсо, Торо Эльвире и Замору Урраке, которая была старшей дочерью и, вместе с Санчо, самой храброй и бесстрашной из пятерых детей.

Согласно роману о Саморе, она, донья Уррака, переживала последние минуты своего отца, пытаясь вытянуть из него что-то большее, чем Самора; но король был непреклонен, добавив только следующее проклятие:

"	'Quien	os	la	tomara,	hija,
¡La	mi		maldición	le	caiga!'—
Todos		dicen		amén,	amén,
Sino	Don		Sancho	que	calla."

Что другими словами означает: "Пусть мое проклятие падет на того, кто попытается отобрать у тебя Замору.... Присутствовавшие согласились, сказав "аминь"; только старший сын, дон Санчо, хранил молчание".

Последний, будучи честолюбивым, сверг с престола своих братьев и отправил их в бегство через границу в Андалусию, тогда мавританскую территорию. Торо тоже подчинился ему, но не так, как Замора, удерживаемый бесстрашным Урракой и губернатором цитадели Ариасом Гонсало. Итак, он был осажден королевскими войсками и ему было предложено сдаться, а великий Сид передал послание от дон Санчо своей сестре. Она, конечно, отказалась сдавать город. Причина неизвестна, но факт таков, что Сид, самый способный воин во вражеской армии, после того, как доставил посольство к Инфанте, покинул армию короля; во многих романах, повествующих об этой осаде, его обвиняют в том, что он влюбился в прекрасные глаза доньи Уррака — любовь, которая, возможно, была взаимной, — кто знает?

Короче говоря, город находился в осаде в течение девяти месяцев. Голод, моровая язва и болезни свирепствовали на осажденных. Инфанта умоляла их сдаться еще на девять дней; тем временем некто Веллидо Дольфо, прославленный в песнях, вышел из задних ворот города и направился в лагерь короля Санчо, сказав, что ему надоело служить донье Урраке, с которой у него был спор, и что он покажет королю, как проникнуть в город тайным путем.

Согласно романам, похоже, что сами жители предупредили короля о предательских намерениях Веллидо. "Берегись, король Санчо, - кричали они со стен, - и помни, что мы предупреждаем тебя:

из городских ворот вышел предатель, который уже совершил измену четыре раза и собирается совершить пятый".

Король, как это обычно бывает, не послушался и отправился гулять с рыцарем, который должен был показать ему потайные ворота; он так и не вернулся, будучи убит ударом копья почти при тех же обстоятельствах, что и Зигфрид.

Таким образом, отцовское проклятие исполнилось.

Предатель вернулся в город и, как ни странно, не был наказан или наказан недостаточно; следовательно, сегодня считается, что к преступлению приложила руку сестра убитого монарха. По возвращении Веллидо в осажденный город губернатор хотел заключить его в тюрьму, что в те дни означало нечто большее, чем просто заключение, но Инфанта воспротивилась; утверждается даже, что предатель поговорил со своей бессердечной любовницей, сказав: "Пришло время выполнить обещание".

Тем временем из осаждающей армии к городским стенам подъехал одинокий рыцарь Диего Ордоньес и, обвинив жителей в уголовном преступлении и государственной измене, как мужчин, так и женщин, молодых и старых, живых и мертвых, рожденных и тех, кому предстоит родиться, вызвал их на дуэль. Это пришлось принять, и, согласно законам рыцарства, претендент должен был встретиться в единоборстве с пятью чемпионами, одним за другим, ибо он оскорбил не отдельного человека, а целое сообщество.

Седовласый комендант крепости возложил на себя и своих четырех сыновей обязанность принять вызов; инфанта тщетно умоляла его отказаться от своего предприятия, но он был тверд: на карту была поставлена честь его госпожи. Наконец, согласно романсу, убежденный королевскими слезами, он согласился пропустить своих сыновей вперед и только в случае необходимости сделал бы последний поворот.

Старший сын вышел из городских ворот, благословленный плачущим отцом; его шлем и голова были разрублены надвое страшным мечом Диего Ордоньеса, и послышался ироничный крик последнего, обращенный к губернатору:

- Дон Ариас, пришлите мне сюда еще одного из ваших очаровательных сыновей, потому что этот не сможет передать вам послание.

Второй и третий сыновья вышли вперед, их постигла та же участь: но раненая лошадь последнего, сбросив своего всадника, вслепую налетела на Ордоньеса и выбила его с ринга; поэтому поединок был признан ничейным.

Несколько дней спустя Альфонсо, младший брат покойного короля, поспешил из Толедо и, поклявшись в Бургосе, что не имеет никакого отношения к преступному убийству, был помазан королем Кастилии, Леона и Галисии. Его храбрая сестра Уррака жила с ним при дворе, давая ему полезные советы, пока не удалилась в монастырь, а после смерти завещала свой дворец и свое состояние коллегиальной церкви в Леоне.

Оставшаяся история Саморы - это один бесконечный список восстаний, осад, массовых убийств и дуэлей. Как пограничная крепость против Португалии на западе, его значение как последнего гарнизонного города на Дуэро было исключительным, и, следовательно, хотя он так и не стал важным как мегаполис, как опорный пункт он был одним из самых стратегических пунктов Кастилии.

Лучший вид на город открывается с южного берега Дуэро; на невысоком холме напротив зрителя тянутся с востока на запад городские стены; за ними, слева, возвышаются башни замка,

квадратные и византийского вида; сразу справа неф собора образует горизонтальную линию до того места, где *чимборио* практически заканчивает церковь. Таким образом, издалека кажется, что башня замка была частью религиозного сооружения, и общий вид всего города, окруженного массивными стенами, не может быть более воинственным. Красноватый цвет песчаника и кирпича, сверкающий под ярко-голубым небом, характерен для этой части Кастилии и, безусловно, составляет одно из ее очарования. Более того, восточный облик всего города, его замка и собора делает пейзаж более экзотическим или африканским.

Последнее было начато и закончено в двенадцатом веке; первый камень был заложен в 1151 году, а своды были закрыты двадцать три года спустя, в 1174 году; следовательно, это одна из уникальных церквей двенадцатого века в Испании, построенная до 1200 года. Это правда, что первоначальное здание было деформировано последующими пристройками и изменениями, относящимися к пятнадцатому и шестнадцатому векам.

За исключением этих отвратительных пристроек, примитивное здание выполнено в романском стиле; не в романском стиле, как соборы, которые мы видели в Галисии, а в византийском, или военно-романском, с явным восточным влиянием. О, если бы собор Саморы сегодня был таким, каким он был в двенадцатом веке!

3 КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР АМОРЫ

По форме церковь напоминает базилику. Как и у собора Паленсии, у него отсутствует западный фасад; апсида полукруглая, укрепленная тяжелыми наклонными контрфорсами; верхний, лишенный башен край этого же корпуса украшен оживляющей гирляндой, выделяющейся с помощью примитивных остроконечных элементов на вершине контрфорсов. Северный фасад (ренессансный или платересковский), хотя и красив и суров сам по себе, представляет собой бедствие по сравнению с романским зданием, как и новая и ужасная башня с часами.

Вид на южный конец трансепта, если смотреть слева, является наиболее впечатляющим из всех, которые можно увидеть в здании. Два лестничных пролета ведут к романскому portalу, обрамленному по бокам тремя простыми колоннами, которые поддерживают три округлые арки с глубокими зубцами (!). Глухие окна, похожие по структуре на портал, занимают вторую часть фасада и, в свою очередь, увенчаны простым рядом перевернутых зубчатых элементов, демонстрирующих в своих закругленных краях робкое использование подковообразной дуги. Верхнее тело образовано двумя концентрическими и слегка оживляющими арками, встроенными в стену.

Самой большой достопримечательностью и тем, что прежде всего придает всему зданию воинственный вид, является *чимборио*, или фонарь на *набережной круазе*. Главный купол, окруженный четырьмя круглыми башенками, пронизанными окнами с круглыми верхушками и увенчанный восточными куполами, которые придают всему зданию приземистый, солидный вид, возвышается на ту же высоту, что и ранее упомянутые башенки. В целом это чудо простого архитектурного решения в узких рамках округло-арочного стиля. Более того, хотя этот купол и купол Сантьяго относятся к одному и тому же периоду, какая огромная разница между ними! Как указано выше, *фактура* всего здания носит ярко выраженный восточный характер (за исключением добавления треугольных карнизов, выступающих из-под купола) и, можно сказать в скобках, исключительно изящна. Кроме того, высокие стены нефов по сравнению с низкорослым *чимборио* компактной и слегка угловатой формой всего здания придают соборной церкви двенадцатого века непревзойденную солидность, прочность и сопротивляемость, столь существенно отличающуюся от церкви Сантьяго.

Интерьер не менее своеобразен, особенно под фонарем на *набережной Круазе*. Последний состоит из более чем дюжины окон, слегка оживленных по форме, хотя снаружи колонны боковых башенок поддерживают закругленные арки; эти окна отделены друг от друга простыми колоннами или шахтами. И снова, какая разница между этим солидным и простым *чимборио* и чудесным фонарем кафедрального собора в Бургосе! В обоих представлены две эпохи, два поколения, даже два идеала: более ранний, более сильный - в Саморе; более поздний, более воздушный и продуманный - в Бургосе.

Еще одной особенностью романского стиля является приблизительная высота нефа и проходов. Это обстоятельство, рассматриваемое изнутри или снаружи, является одной из причин солидного внешнего вида церкви; окна нефов — неважные, правда, с художественной точки зрения — слегка оживлены; окна нефа гораздо более примитивны и округлы.

Трансепт, первоначально имевший ту же длину, что и ширина церкви, был расширен в пятнадцатом веке. (Также с южной стороны?... Это крайне сомнительно, поскольку ранее описанный южный фасад вряд ли относится к сооружению пятнадцатого века; с другой стороны, фасад с северной стороны легко классифицировать как следующий за общей конструкцией здания.)

Далее, западный конец, лишенный фасада, заканчивается апсидой, то есть каждый проход и центральный неф переходят в часовню. Эффект этой *двойной апсиды* весьма своеобразен, особенно если смотреть изнутри, с приделами на востоке и часовнями на западе.

The *Ретабло* не отличается высоким качеством исполнения; с другой стороны, партеры для хоров — одни из самых изысканных — простых, сдержанных и естественных — которые можно увидеть в Испании, особенно в нижнем ряду.

Часовни, как обычно в испанских соборах, отличаются как по стилю, так и по размеру; ни одна из них в Саморе не может считаться художественным украшением. Лучшим, несомненно, является тот, который завершает южные нефы в западной части церкви, где должен был располагаться

главный фасад. Он готический, с богатым убранством, но кое-где в нем чувствуется упадок северного стиля.

Монастырь — ну, в любом другом месте его можно было бы похвалить за простоту и строгость, но здесь!— это устарело как по времени, так и по месту.

В заключение, общие характеристики кафедрального собора Саморы таковы, что подтверждают мнение о том, что здание, особенно в том, что касается его византийско-восточной и суровой примитивной структуры, является одной из величайших церквей, которыми все еще можно восхищаться в Испании, несмотря на уменьшенные размеры и внесенные пристройки.

ПРИМЕЧАНИЕ.—Путешественникам, интересующимся церковной архитектурой, автор хочет обратить внимание на приходскую церковь Ла Магдалина в Саморе. Северный портал того же здания является одним из самых совершенных — если не самым совершенным — образцом византийско-романского декора, который можно встретить в Испании. Возможно, он уникален в мире. В то же время суровый восточный облик церкви, как снаружи, так и изнутри, не может не привлечь внимания самого стороннего наблюдателя.

III

ТОРО

Ко к западу от Вальядолида, на реке Дуэро, Торо, второй из двух великих городов-крепостей, возносит свой Алькасар к голубому небу; как и Самора, он прославился своим стратегическим положением: во-первых, как один из христианских форпостов к северу от Дуэро против арабских владений на юге, и, во-вторых, как связующее звено между Вальядолидом и Саморой, последняя является оплотом христианского сопротивления постоянно вторгающимся португальцам.

Города-близнецы назывались крепостями, и нет лучшего выражения, чтобы сразу обозначить сходство их истории, их неизбежное происхождение и их неизбежный упадок.

Тем не менее, Торо появляется в истории несколько позже Заморы, будучи возведенным либо на девственной земле, либо на руинах разрушенной арабской крепости еще в десятом веке Гарсией, сыном Альфонсо III. Во всяком случае, только столетие спустя, в 1065 году, город приобрел какое-либо значение, когда Фернандо I. завещал его своей дочери Эльвире, которая, видя безудержные амбиции своего старшего брата, передала ему город и цитадель.

На протяжении средневековья название Торо занимало первое место среди важных крепостей Кастилии, и за его стенами происходило множество событий — в основном трагических и кровавых. Вот Альфонсо XI. хладнокровно убил своего дядю, а дон Педро эль Крул, после осады города и цитадели, которую противостояла ему его мать, позволил ей беспрепятственно уйти с джентльменами-защитниками этого места, но нарушил свое слово, когда они были на мосту, и убил всех, кроме своей овдовевшей матери!

Во времена Изабеллы Католички Торо был захвачен королями Португалии, которые поддерживали требования незаконнорожденной дочери Энрике IV, Хуаны ла Бельтранаха. В окрестностях города произошла великая битва при Пелеа Гонсало, в результате которой западная часть Кастилии перешла к законным правителям. Эта битва знаменита многими прелатами и викариями, которые, вооруженные — и одетые в брюки, а не в сюртуки! — сражались как христиане (!) в строю.

В Торо Кортес был собран в 1505 году, чтобы огласить завещание королевы Изабеллы и обнародовать те законы, которые вошли в историю Испании как законы Лейеса де Торо; это была

последняя искра славы Торо, поскольку с тех пор его судьба совпала с судьбой Саморы, расположенной в сорока милях отсюда.

Строго говоря, сомнительно, чтобы Торо когда-либо был городом; когда-то у него, по-видимому, был эфемерный епископ, — по крайней мере, таково распространенное мнение, — который, должно быть, правил на своей кафедре недолго, поскольку в самом начале город был подчинен церковной юрисдикции Асторги. Позже, когда кафедра была восстановлена в Саморе, сестра-близнец последнего, Торо, была определенно включена в состав новой епископальной епархии.

Как бы то ни было, католические короли превратили церковь в Торо в коллегиальную в шестнадцатом веке (1500?) потому что они стремились заручиться благосклонностью жителей после португальского вторжения.

Построенный либо в конце двенадцатого, либо в начале тринадцатого века, Санта-Мария-ла-Майор, в народе называемый *ла-катедраль*, очень похож на кафедральный собор в Саморе. Стиль тот же (византийско-романский), и впечатление силы и солидности, производимое воинственным видом здания, даже более выражено, чем в случае с сестринской церковью.

Общий план представляет собой базилику прямоугольной формы с трехлопастной апсидой, центральная часть которой, безусловно, самая большая по размеру, и трансептом, который немного выступает за пределы ширины церкви. Этот трансепт расположен непосредственно перед апсидой; *круазе* венчает красивый *чимборио*, больше, чем в Саморе, пронизанный вдвое большим количеством окон с круглыми верхушками, но без купола, как и прилежащие башни с плоскими верхушками. Над этими последними и между ними конусообразная крыша *чимборио*, собственно говоря, наклонная и треугольная в поперечном сечении.

Это тело, менее восточное по внешнему виду, чем то, что находится в Саморе, вызывает чувство большего благоговения благодаря большому диаметру по сравнению с уменьшенной высотой. Венчающий апсиду (из-за близости трансепта к главе церкви), *круазе* и два крыла трансепта, рассматриваемый купол производит странное и непостижимое впечатление на зрителя, рассматривающего его с юго-востока. Более современная башня, которая поддерживает *чимборио*, придает, это правда, определенную элегантность зданию, которую первые строители не хотели придавать. Ансамбль, тем не менее, исключительно византийский, и вместе с материнской церковью в Саморе, которую он напоминает, не копируя, он является почти уникальным в истории искусства.

Боковые двери, расположенные не в трансепте, расположены у подножия церкви. Южный портал больше, но самый простой; арка, венчающая его, демонстрирует явную тенденцию к оживлению, обстоятельство, которое не обязательно следует приписывать готическому влиянию, поскольку во многих церквях до введения оживальной арки был известен заостренный верх, и в отдельных случаях он использовался, хотя и чисто случайно, а не как конструктивный элемент.

Северная дверь меньше, но в сто раз богаче скульптурным оформлением. В его оформлении прослеживается византийское влияние, и портал в византийско-романском стиле может считаться одним из лучших в Испании.

Собор_{ОРО}

Предполагалось, что на западном фасаде здания когда-то был притвор, как, например, в кафедральном соборе Туй. Однако от него ничего не осталось, поскольку портал, который раньше был здесь, был снесен, и на его месте была освящена современная часовня с прекрасным готическим *ретабло*.

При взгляде изнутри почти такая же высота нефа и проходов производит, как и в Заморе, несколько суровое и гнетущее впечатление на посетителя; проникающий свет также слабый, за исключением того, что находится под *линтерной*, где "трудность размещения круглого тела на квадрате без помощи опор (*печин*) была преодолена настолько естественно и совершенно, что мы вынуждены усомниться в ее существовании".

Элементы готики в большей степени, чем в Заморе, сочетаются с романскими традициями в оформлении нефа и проходов; тем не менее, элементы конструкции выполнены в чисто романском стиле, за исключением центральной апсидальной часовни, в которой находится главный алтарь. Отреставрированный семьей Фонсека в шестнадцатом веке, он оживлен по замыслу и исполнению и содержит несколько прекрасных гробниц вышеупомянутой аристократической семьи. Но часовня остается незамеченной в этом необычном здании, где целью были искомая и полученная прочность, а не изящество.

IV

САЛАМАНКА

Само положение Саламанки, непосредственно к северу от горной цепи, которая на протяжении многих столетий служила неприступной пограничной стеной между христианами и маврами, не должно было обеспечить городу важность и славу. Следовательно, его история уникальна, величественнее и увлекательнее, чем у любого другого города; универсальное название, которое он приобрел в четырнадцатом веке благодаря своему университету, можно сравнить только с историей Болоньи, Парижа и Оксфорда.

Следовательно, ее падение с прошлой славы до нынешнего ничтожества было огромным, и сегодня Саламанка, превратившись в груды руин, может похвастаться такими традициями, как Толедо и Бургос, двумя соборами и двадцатью четырьмя приходскими церквями, вдвое большим количеством монастырей и дворцов, некогда славным университетом и полусотней колледжей, влачит бесполезное существование, от которого никогда не проснется.

Его историю еще предстоит написать. Каким захватывающим и волнующим был бы рассказ о жизни среднего возраста в Испании!

Римляне знали Саламанку, и первое дошедшее до нас сообщение об этом городе звучит как сказка, словно предсказывающая будущие события.

Согласно Плутарху, город был осажден Ганнибалом и вынужден был сдаться. Жителям разрешили уйти без оружия, забрав с собой только свою одежду; мужчин обыскивали, когда они теряли сознание, но не женщин.

Мужчины и женщины вместе покинули город. Пройдя мило, они остановились, и женщины вытащили из-под своих одежд спрятанное оружие. Вместе мужчины и женщины вернулись в свой город и незаметно напали на своих врагов, вырезав их в значительном количестве. Ганнибал был настолько "очарован" (!) храбростью, проявленной женщинами, что отвел свою армию от города, предоставив патриотически настроенным жителям снова заселять их любимую Саламанку.

Западные готы, прибыв в Испанию, обнаружили Саламанку в процветающем состоянии и уважали ее епископальный престол, происхождение которого игнорируется. Первым епископом, о котором у нас есть какие-либо сведения, является Элеутерио, подписавший третий Толедский собор в 589 году.

Арабы обошлись с городом более сурово; он, в свою очередь, был взят и разрушен неверными и христианами; первые разграбляли пограничные города, вторые разрушали все крепости, которые они не могли удержать.

В восьмом веке в Саламанке, по-видимому, не существовало ни одного епископа; в десятом веке, при частичном восстановлении престола, упоминаются семь прелатов; однако они не рисковали своей шкурой, вступая во владение своей кафедрой, а спокойно жили на севере, либо в Сантьяго — дальше на север они не могли пойти! — либо в Леоне и Бургосе. Одиннадцатый век снова лишен каких-либо церковных известий, связанных с Саламанкским престолом; более того, само название города забыто до тех пор, пока Альфонсо VI не пересек Гвадерраму и не поселил свой двор в Толедо. Этот смелый шаг, предпринятый во враждебной стране вдали от центра королевства и от своей базы операций, вынудил монарха как можно скорее возвести ряд крепостей на севере; в результате Саламанка, Сеговия и Авила, расположенные за горами Гвадеррама, и Мадрид на юге, были быстро заселены христианами.

Это произошло в 1102 году; первым епископом *de modernis* был Джеронимо, французский монах-воин, который сопровождал своего закадычного друга эль Сиды в Валенсию, сражался бок о бок с ним и был назначен епископом завоеванного престола. Однако ненадолго, потому что как только эль Сид умер, мавры изгнали христиан из нового королевства, и епископ прибыл в Леон с

крестом Христа де лас Батальяс — чудотворным крестом старинной византийской работы, который, как предполагалось, помогал Сиду во многих битвах, — как единственный *сувенир* о его пребывании в валенсийском престоле.

Следующие четыре или пять епископов подрались между собой. Когда-то в городе было не менее двух человек, узурпатор и другой, который был ненамного лучше; папа лишил одного сана, король — другого, влиятельный архиепископ Сантьяго выбрал третьего, который тоже был низложен — старые добрые времена! — пока, наконец, не был назначен некий Беренгарио, и позорный конфликт был мирно улажен.

Жители города вначале представляли собой сильную воинственную смесь евреев (они, несомненно, были наименее воинственными!), арабов, арагонцев, кастильцев, французов и леонцев. Банды этих людей без командира вторглись на территорию Мавров, грабя все, что могли. Однажды их преследовала арабская армия, чей генерал попросил разрешения поговорить с капитаном "Саламантино". Ответом было: "Каждый из нас сам себе капитан!" — слова, которые можно считать типичными для анархии, царившей в Испании до прихода к власти Изабеллы и Фердинанда в пятнадцатом веке.

Если епископы воевали между собой, а низшие классы жили в состоянии полной анархии, тот же дух распространялся на дворянство — или исходил от него, — которых в Саламанке было больше, чем положено, особенно после основания университета. Летописи ни одного другого города так не изобилуют семейными традициями и междоусобицами, которые касались не только первоначальных участников спора, их семей и знакомых, но и получили распространение среди самих жителей, принимавших участие в междоусобице. Таким образом, часто случалось, что город был разделен на два лагеря, разделенных воображаемой линией, и горе тому смелому или неосторожному человеку, который ее пересекал!

Одна из самых драматичных из этих распрей — дикая разновидность вендетты — заключалась в следующем:

Донья Мария Перес, пласенсийская дама благородного происхождения, вышла замуж за одного из самых влиятельных дворян Саламанки по имени Монрой, и после смерти последнего осталась овдовевшей матерью двоих сыновей. Один из них попросил и получил в жены руку знатной дамы, которая отказалась от аналогичного предложения некоего Энрикеса, сына севильского аристократа. Поэтому ревность и гнев юноши были сильно возбуждены, и они с братом ждали подходящего случая, чтобы отомстить за себя. Вскоре это произошло: однажды они играли в испанский мяч, *пелоту*, с принятым поклонником, когда возник спор о том, кто лучший игрок; два брата набросились на свою жертву и подло убили ее. Но, боясь, как бы его брат не отомстил за смерть последнего, они подстерегли его за углом улицы и, когда он появился, быстро убили его, как убили его брата. Затем они бежали через границу в Португалию.

Тем временем толпа вынесла два трупа на носилках и положила перед домом доньи Марии; последняя вышла на балкон с растрепанными волосами; сердитый ропот пронесся от одного конца толпы до другого, и поднялся всеобщий шум: жажда мести была у каждого на устах. Но донья Мария приказала замолчать.

- Успокойтесь, - сказала она, - и отнесите эти тела в собор. Месть? Не бойся, я отомщу за себя.

Час спустя она покинула город в сопровождении эскорта, очевидно, намереваясь удалиться в свои поместья близ Пласенсии. Оказавшись достаточно далеко от города, она поделилась своим планом с сопровождающими и спросила, готовы ли они последовать за ней. Получив утвердительный ответ, она сорвала с себя женскую одежду и предстала в полном вооружении;

водрузив на голову шлем, она снова возглавила свои войска и направилась к португальской границе.

Странная компания прибыла на третий день в португальский пограничный город, где им сказали, что накануне вечером прибыли двое иностранцев. По описанию двух испанцев донья Мария была уверена, что это убийцы ее сыновей, и поэтому она и ее сопровождающие приблизились к дому, где беглецы провели ночь. Поставив охрану под окном, она украдкой вошла в дом и прокралась в комнату братьев; затем она убила их, пока они спали, и, бросившись к окну, распахнула его и, насадив головы своих врагов на свое копье, показала их своей свите со словами:

- Я отомщен! Возвращаюсь в Саламанку.

Молча, во главе своего войска, неся две головы на копье, донья Мария вернулась в Саламанку. Войдя в собор, она бросила их на недавно поднятые плиты, которые прикрывали останки ее сыновей.

С тех пор она была известна как донья Мария *ла брера*, и сегодня она так же знаменита, как и в пятнадцатом веке, во времена отвратительного правления Генриха IV. И столь велика была вражда, разделившая город на два лагеря, что она длилась много лет, и многие стали жертвами гигантской вендетты.

Наибольшую известность городу принес его университет, основанный в 1215 году Альфонсо IX Леонским, который ревновал его к своему двоюродному брату Альфонсо VIII из Кастилии, основатель незадачливого университета Паленсии.

Судьба последнего названного университета должным образом упоминалась в другом месте; судьба Саламанки была совершенно иной. В 1255 году папа назвал его одним из четырех светильников мира; незнакомцы — студенты со всех уголков Европы - стекались в город учиться. Возможно, его величайшей заслугой было изучение арабского языка и арабских букв, и было сказано, что изучение Востока проникло в Европу только через Саламанку.

Какой славной, должно быть, была жизнь университетского города в период апогея ее славы! Студенты со всех европейских стран, одетые в живописные костюмы, которые носят те, кто посещает университет, прогуливались по улицам, распевая и играя на гитаре или мандолине; они смешивались со смуглыми дворянами, богато одетыми в атлас и шелка, с рапирами, висящими у них на поясе; они флиртовали с прекрасными дочерьми Испании и торжественно приветствовали епископа, когда его везли в кресле или ехали верхом на смирной лошади. Одно время двор располагался в университетском городе, придавая еще больший блеск повседневной жизни жителей и мрачным улицам, вдоль которых выстроились дворцы, церкви, колледжи, женские монастыри.

Исчез! Сегодня город лежит под огромным грузом всевозможных руин, которые приковывают ее к прошлому, которое было ее славой, и мешают ей смотреть вперед, в свое будущее, с амбициями и надеждами.

Сегодня Саламанка может похвастаться двумя соборами: старым и сравнительно новым; последний был построен рядом с первым, что является похвальным и исключительным событием, поскольку вместо того, чтобы снести старое, чтобы освободить место для нового, как это происходит во всем мире, кафедральный капитул созвал ассамблею архитекторов и оказался достаточно умен — еще одно чудо! — чтобы принять вердикт о том, что старое здание, романско-византийское сооружение исключительной ценности, не должно быть снесено. Таким образом, новый храм был возведен рядом с предыдущим и, повинаясь художественным импульсам веков, которые были свидетелями его строительства, представляет собой ожившую церковь,

испорченную — или улучшенную — декоративными элементами эпохи Возрождения, платересками и гротеском.

Старый собор.—Точная дата возведения старого престола неизвестна; к 1152 году он уже находился в стадии строительства, а 150 лет спустя, в 1299 году, так и не был завершен. Следовательно, в большей степени, чем в случае с Саморой и Торо, верхняя часть здания демонстрирует явные тенденции возрождения; однако, несмотря на эти очевидные признаки перехода, ансамбль, дух здания, вне всякого сомнения, романско-византийский, а не готический.

ОСОБОРЕ Л. Д. САЛАМАНКИ

План церкви такой же, как у Заморы, Торо и Кории: неф и два придела, обрывающиеся у трансепта, который немного выходит за пределы ширины корпуса церкви; передвижного прохода нет, но к востоку от трансепта находятся три часовни в трехлопастной апсиде, центральный придел больше остальных и содержит главный алтарь; хор был размещен (первоначально) в центре нефа, а *чимборио* венчает *круазе*, это последнее является особенностью трех кафедральных церквей Саморы, Торо и Саламанки.

К несчастью, возведение нового здания в качестве пристройки к старому потребовало (как и в Пласенсии, хотя и по другим причинам) сноса определенных частей последней; как, например, двух башен западного фасада, северного портала, а также северной половины апсиды и соответствующей части трансепта. Некоторые из них либо были окружены, либо заменены новым зданием.

Притвор и западный конец сохранились до сих пор. Они имеют ту же ширину, что и неф, потому что под башнями, из которых одна, кажется, была намного выше другой, каждый из нефов заканчивается часовней. Две западные двери, имеющие византийский вид, тем не менее, увенчаны оживальной аркой, а по бокам от них - статуэтки того же стиля. Отремонтированный и испорченный фасад выдержан в строгости эпохи Возрождения.

Интерьер здания более впечатляющий, чем в Заморе или Торо; это связано с отсутствием хора, перенесенного в новый собор, который обеспечивает непрерывный обзор всей церкви, чего нет ни в одном другом храме по всей Испании. Отчетливо различима романская сила и мрачность, в то время как высота центрального нефа (шестьдесят футов) выглядит приземистой из-за почти одинаковой высоты проходов. Сила и солидность колонн, поддерживающих капители и фризы в своеобразном и решительном византийском стиле (животные, драконы и т.д.), Более ярко, чем в Галисии, демонстрируют восточное влияние, которое так основательно помогло сформировать центральноиспанский романский стиль.

Из часовен, но одна заслуживает особого упоминания, как при взгляде снаружи, так и изнутри, а именно, главный алтарь, или центральная апсидальная часовня. Если смотреть снаружи, здание построено в совершенном романском стиле, за исключением верхнего ряда окон-роз, оживленных своим орнаментом; внутри оно содержит настенную роспись чрезвычайно примитивного дизайна и *ретабло* с барельефами, обрамленными оживальными арками; оно итальянского изготовления.

Из оставшихся часовен в Сан—Бартоломе находится алебастровая гробница епископа Диего де Анайя - одного из многих прелатов тех времен, у которого были незаконнорожденные сыновья; тела большинства последних покоятся в этой часовне, которую можно рассматривать не только как семейный пантеон, но и как символ церковного величия и человеческой слабости.

Окна, освещающие неф, имеют круглую форму, и все же они изящно украшены, что редко можно увидеть в романском стиле. Проходы, напротив, не освещены никакими окнами.

Как и церкви Саморы и Торо, весь собор напоминает крепость, а не место поклонения. Простота общей конструкции, закругленные башенки, утопленные в стены, служащие наклонными контрфорсами, узкие щели в стенах вместо окон придают неоспоримую прочность. Красивый, по-настоящему красивый фонарь, расположенный над *набережной круаде*, с его башенками, нишами, тридцатью с лишним окнами и элегантным куполом, представляет собой архитектурный объект, который вызывает восхищение у всех, кто его видит, как изнутри церкви, так и снаружи, и который, будучи строго византийским по замыслу (хотя и приобретает особый испанский оттенок благодаря добавлению определенных элементов, относящихся скорее к готическому военному искусству, чем к церковной архитектуре), уникален — насколько известно автору — во всей Европе. Менее чистый по стилю и менее восточный по внешнему виду, чем у Заморы, он, тем не менее, был создан более совершенным по художественной концепции архитектора и, следовательно, более законченным или развитым, чем у Торо и Заморы. Без колебаний он может претендовать на звание одной из главных достопримечательностей Саламанки.

Толщина стен (десять футов!), восхитительная простота сводов и общий внешний вид принесли церкви название *фортис Саламантини*.

Новый собор. Строительство было начато в 1513 году, когда старый храм был признан слишком маленьким и, прежде всего, слишком узким для такого важного города, как Саламанка.

Строительство нынешнего здания длилось более двухсот лет; временами все работы останавливались на годы, не было средств, чтобы заплатить ни художникам, ни каменщикам.

Первоначальный план церкви, предложенный конгрессом архитекторов, был готическим второго периода с восьмиугольной апсидой; нижняя часть церкви, от подножия до трансепта, была построена первой.

Верхняя часть апсиды была начата только в 1588 году, и художник, проникнутый красотой Эскориала Эрреро, придал апсиде квадратную форму с очевидным намерением соорудить башенки по внешним углам, что сделало бы здание симметричным: две башни на западном фасаде, купол на *набережной Круазей* две башенки поменьше на восточном конце.

Здание в том виде, в каком оно стоит сегодня, представляет собой идеальный прямоугольник, разрезанный по длине нефом (с хорами и главным алтарем) и двумя проходами, расположенными ниже нефа и продолжающимися переходом за главным алтарем.

Та же симметрия видна и в боковых приделах: восемь квадратных *хуэко* на внешних стенах нефов, пять к западу и три к востоку от трансепта, а также три на крайней восточной стене апсиды.

Характерной чертой нового собора является скорее великолепие, чем красота. Примитивная часть — чистый оживаль с небольшим количеством примесей — контрастирует с восточной частью, которая покрыта самым вопиющим гротескным декором; большинство часовен испорчены таким же шокирующим изобилием сверхукрашений; величественный в остальном купол, главный алтарь и хоры — все страдают одним и тем же недостатком.

Двойные трифории — один выше другого — в верхнем этаже производят самое благоприятное впечатление; оно усиливается обилием света, который, проникающий через два ряда окон и через *кимборио*, падает на богатое убранство фриз и капителей. Общий вид всего здания также более свободный, чем в большинстве испанских соборов, и эта гармония, существующая в пропорциях различных частей, поражает посетителя, возможно, более благоприятно, чем в более строгом соборе в Бургосе.

NEW КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР САЛАМАНКИ

Внешний вид здания более правдиво, чем интерьер, отражает различные художественные волны, которые распространились по Испании на протяжении веков возведения храма. На западном фасаде богатый готический портал третьего периода, возможно, самый богатый скульптурным разнообразием на полуострове, контрастирует с высокой башней монгрел, истинным примером композитных башен, столь часто встречающихся в некоторых регионах Испании. Вторая часть того же фасада (западная) очень интересна не из-за своего простого орнамента, а из-за прочной, откровенной структуры и любопытных крепостных башенок, встроенных в углы.

Боковая сторона здания, если смотреть с севера, поскольку на южной стороне находятся руины старого собора, не слишком однородна благодаря различным стилям, в которых были построены три пролета окон — часовни, нефов и верхнего этажа. Тем не менее ансамбль живописен: три ряда окон, увенчанных огромным куполом и наполовину затерянных среди контрфорсов, безусловно, вносят свой вклад в общую элегантность гранитного сооружения.

V

CIUDAD RODRIGO

Ибо времена римлян местность к западу от Саламанки, по-видимому, была густо заселена. Калабрия, расположенная между реками Агуэда и Коа, была епископальной кафедрой; в ее окрестностях были два других важных города - Аугустабрига и Миробрига.

От этих трех римских крепостей и, возможно, местных городов до вторжения не осталось ни камня, ни легенды, рассказывающей об их существовании и гибели.

Ближе к 1150 году, Фернандо II. из Кастилии, повинувшись военным требованиям Реконкисты и в то же время желая воздвигнуть город-крепость, который вместе с Саморой на севере, Саламанкой на западе и Корией на юге мог бы противостоять вторжению в Испанию португальских армий, основал Сьюдад-Родриго, а двадцать лет спустя возвел церковь в ранг епископальной, что стало практическим средством привлечения богобоязненных поселенцев. Следовательно, город двенадцатого века, унаследовавший церковное достоинство Калабрии, если последняя когда-либо им обладала, помимо того, что он расположен в том же регионе, что и три римских города, упомянутые ранее, может претендовать на то, что родился городом.

Одним из первых епископов (первым был некий Доминго) был знаменитый Педро Диас, о котором до нас дошла легенда. Эта легенда также была графически проиллюстрирована художником шестнадцатого века; его картину можно увидеть справа от двери северного транспта в соборе.

Педро Диас, по-видимому, был мирским священником, "любившим плотские грехи и вкусную пищу", который заболел на третий год своего правления. Его секретарю, благочестивому слуге Господа, приснилось, что он увидел душу своего господина, пожираемую демонами, и убедил его признаться в своих грехах. Было слишком поздно, потому что через несколько дней он умер; однако его смерть была сохранена в секрете его слугами, которые хотели иметь достаточно времени, чтобы щедро разделить его состояние. Когда все было устроено по своему вкусу, похоронная процессия двинулась по улицам города, и, ко всеобщему удивлению, мертвый епископ, воскрешенный святым Франциском Ассизским в то время в Сьюдад-Родриго, открыл гроб и встал на катафалк. Он обвинил своих слуг в их жадности и в то же время сделал определенные откровения относительно загробной жизни. Судя по более поздним деяниям епископа, его переживания, должно быть, были довольно пессимистичными, поскольку, получив двадцатидневную отсрочку на этой земле, он "постился и каялся", несомненно, стремясь во второй раз избежать мук потустороннего мира.

Других традиций, касающихся жизни и деяний дворян, оспаривавших феодальные права или *сеньорию* над городом, так же много, как и в Пласенсии, с которой город Сьюдад-Родриго имеет определенное историческое сходство. История девы Коронады, которая, хотя и была бедна, без колебаний убила могущественного и богатого дворянина-распутника, которому она служила; не менее волнующий рассказ о клятве доньи Марии Адан отдать руку своей прекрасной дочери тому, кто отомстит за ее обиды пятерым сыновьям убийцы ее мужа, являются одними из самых трагичных и волнующих. Кроме того, есть много других традиций, которые являются наследием прошлого для уединенного города недалеко от португальской границы.

Именно в девятнадцатом веке Сьюдад-Родриго снискал славу отважного города. Началась война Испании за независимость против французов, которые захватили страну и прошли путь от Байонны в Гаскони до Лиссабона в Португалии. Сьюдад-Родриго лежал на кратчайшем пути для французской армии, и ему пришлось выдержать две осады, одну в 1810 году и вторую в 1812 году. В последнем Веллингтон был командующим английскими войсками, пришедшими помочь испанцам изгнать французов с полуострова; осада города и последовавшая за ней битва были долгими и ужасными, но в конце концов союзные англичане и испанцы победили, потеряв двух английских генералов. Железный герцог был награжден испанскими кортесами титулом герцога Сьюдад-Родриго вместе с почестями гранда Испании, которые до сих пор сохраняют потомки Веллингтона.

С КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР УИДАД РОДРИГО

Кафедральный собор Сьюдад-Родриго - это здание двенадцатого века, в котором романский стиль, подобный стилю Заморы и Торо, сочетается с зарождающимся стилем оживаль. Однако, несмотря на эти замечания, здание относится не к переходному периоду, а скорее ко второму или последнему периоду испанского романского стиля. Это легко увидеть по базиликальной форме церкви, трехлопастной апсиде, отсутствию прогулочного прохода и, по-видимому, одинаковой высоте нефов и проходов.

Квадратная башня, увенчанная куполом, у подножия церкви, как и весь западный фасад, датируется восемнадцатым веком; она холодна, антихудожественна и совершенно неспособна удовлетворить поэтические инстинкты зрителя.

За западным фасадом, ведущим прямо вглубь церкви, находится восхитительный притвор в романском стиле, который, несомненно, служил западным фасадом до пристроек восемнадцатого века. Он отделен от главного нефа дверью, разделенной надвое сплошным фронтоном, на котором инкрустирована статуя Богородицы с Младенцем на руках. Полукруглые арки, венчающие дверь, прекрасно выполнены, а поддерживающие их колонны украшены красивыми статуэтками двенадцатого века. Между этим порталом и главным порталом (дель Обиспо) в Торо есть большое сходство: кажется, что одна и та же рука высекла оба или, по крайней мере, прорисовала план их оформления.

Из двух дверей, ведущих в трансепт, одна с южной стороны, а другая с северной, первая, пожалуй, является более совершенным образцом первобытного стиля. Оба богато украшены; к несчастью, в более поздние времена округлые арки обоих порталов были увенчаны оживальной аркой, которая, безусловно, подчеркивает чистоту стиля, но не гармонию ансамбля.

Слева от этих дверей в стене была вырезана ниша, в которой установлена статуя Богородицы в полный рост; это необычное расположение в испанских церквях.

Внешний вид апсиды сохраняет свой первобытный *облик*; центральная часовня, где находится главный алтарь, была, однако, перестроена в шестнадцатом веке Таверой, кардиналом-архиепископом Толедо, который одно время занимал престол Сьюдад-Родриго. Это своеобразная смесь готики и романского стиля, со стрельчатыми окнами и тяжелыми контрфорсами; плоская крыша украшена низкими каменными перилами или балюстрадой, состоящей из изящно вырезанных остроконечных элементов.

В заключение: за исключением западного фасада и центрального выступа апсиды, башни и оживальной арки, венчающей северный и южный порталы, собор Сьюдад-Родриго является одним из наиболее прекрасно сохранившихся романских зданий к югу от Саморы и Торо. Оно менее мрачное и воинственное, чем два последних названных здания, и все же оно также является ярким примером суровости и мрачности (хотя и не менее артистичного!) Кастильско-романского стиля. Его *круазе* не увенчан тяжелым куполом, как в Саламанке и других местах, и, возможно, именно это подавление или упущение придает всему зданию гораздо менее восточный вид, чем другие, упомянутые ранее.

Внутри хор занимает свое обычное место. Считается, что его партер был вырезан Алеманом, тем же, кто, вероятно, изготовил эти великолепные сиденья в Пласенсии. Сомнительно, однако, что и то, и другое вырезал один и тот же мастер, но если бы это было так, киоски в Сьюдад-Родриго следовало бы классифицировать как более старые, выполненные раньше тех, которые мы рассмотрим в следующей главе.

Неф и два нефа, пронизанные оживальными окнами в верхнем этаже и круглыми окнами в проходах, составляют церковь; *круазе* перекрыта простым оживальным сводом; арки, отделяющие неф от проходов, выполнены в романском стиле, как и своды первого. Первоначально капитул намеревался украсить торжественный вид интерьера с помощью трифория или бегущей галереи. К несчастью, возможно, из-за нехватки средств, строительство трифория так и не было начато, за исключением того, что кое-где видны остатки примитивного начертания.

С часовней Богоматери, богато украшенной и совершенно неуместной в этом торжественном здании, есть пять часовен, по одной у подножия каждого придела и по две в апсиде, справа и слева от часовни Богоматери. Однако все они не представляют художественного интереса, как и само *ретабло*, которое заменяет разрушенное французами; остатки последнего можно увидеть залатанными на стенах монастыря.

Этот монастырь к северу от церкви является историческим памятником, поскольку каждая из четырех сторон квадратного здания представляет собой архитектурную страницу, отличающуюся от своих собратьев. Изучая сначала западную, затем южную и, наконец, две оставшиеся стороны, студент может получить представление о том, как романские принципы боролись с готикой, прежде чем полностью вымереть, и как последняя, достигнув своего апогея, деградировала до самого прискорбного сверхукрашения, прежде чем исчезнуть в обнаженных, прямолинейных чертах ренессанса, столь мало совместимых с христианскими идеалами.

VI

CORIA

К западу от Толедо и к югу от Сьерра-де-Гата, которая вместе с горами Гредо и Гвадеррама образовывала в средние века естественную границу между христианами и маврами, в живописной

и плодородной долине, примерно в двадцати милях от ближайшей железнодорожной станции, находится малоизвестный кафедральный городок Кория. Он расположен на северных берегах Алагона, реки, впадающей примерно в десяти милях дальше на запад в Таго, недалеко от того места, где последний покидает территорию Испании и впадает в территорию Португалии.

Кауриум, или Курия Ветона, назывался так, когда римляне захватили Эстремадуру, и именно в этом городе или в его окрестностях испанский герой Вириато уничтожил четыре римские армии, посланные покорить его дикие орды. Он не проиграл ни одного сражения или стычки и, возможно, нанес бы смертельный удар римским планам господства на полуострове, если бы нож предателя не положил конец его благородной карьере.

Убив своего врага, римляне вошли в город Кория, который они немедленно окружили круглой стеной длиной в полмили и толщиной в двадцать шесть футов (!). Эта римская стена, которую многие считают наиболее прекрасно сохранившейся в Европе, чрезвычайно проста по конструкции и окружена квадратными башнями; она представляет собой единственную достопримечательность города.

Епископальный престол был возведен в 338 году. Имена первых епископов давно забыты, первым упоминается некто Лаквинто, подписавший третий Толедский собор в 589 году.

Два столетия спустя мавры превратили Аль-Карику в одну из своих столиц; в 854 году Зет, амбициозный сарацинский воин, освободил ее от ига Кордовы и правил в городе как независимый правитель.

Подобно Заморе и Торо, Кория постоянно терялась и завоевывалась христианами и маврами, с той разницей, что в то время как первые два можно рассматривать как последние христианские форпосты к северу от Дуэро, Кория была последним арабским оплотом к северу от Таго.

К началу XIII века мощная крепость на реке Алагон была окончательно вырвана из рук ее независимого правителя Альфонсо VIII после битвы при Лас-Навас-де-Толоса. Епископ был немедленно восстановлен на престоле, и после пяти столетий мусульманского господства Кория увидел знамя Кастилии, развевающееся на его цитадели.

Как и во многих других провинциальных городах Испании, централизация власти к северу от Толедо отодвинула Корию на задний план; сегодня это кафедральный поселок, забытый или полностью игнорируемый остальной Испанией. Действительно, возможно, для арабов было бы лучше сохранить его, потому что под их властью он процветал.

Она живописна, эта деревня на берегу Алагона: груда красных кирпичей, окруженная мрачными каменными стенами, увенчанная башней собора и цитаделью, - вся картина возникает в прерии и отбрасывается на фон, образованный горами на севере и ярко—голубым небом вдалеке.

Арабское влияние слишком очевидно в зданиях и хижинах Алькасара и на улицах; к несчастью, эти воспоминания о счастливом прошлом угнетают мечтательного посетителя, вынужденного признать бесконечную печаль, которая сопровождала изгнание мавров нетерпимыми тиранами с земли, которую они населяли, формировали и обустроили по своему вкусу. Нигде это не проявляется так явно, как в Кории, забытом уголке средневековых вересковых пустошей. Восклицание поэта полно горечи и смирения, когда он восклицает:

"Возможно ли, чтобы эта груда развалин была в другие времена великолепным двором Зета и Мондира?"

Как архитектурное сооружение, кафедральный собор Кории является приходской церковью, которая, перенесенная в любой другой город, была бы лишена всякой красоты. Другими словами,

впечатления, которые он производит, полностью зависят от его местного окружения; устраните их, и храм ничего не будет стоять с художественной или поэтической точки зрения.

Строительство было начато в 1120 году, скорее всего, арабскими рабочими; закончено к началу шестнадцатого века. Честно говоря, остается загадкой, что делали ремесленники все эти долгие годы; несомненно, они спали за своей работой, или же прошли десятилетия без выполнения какой-либо работы, или, опять же, возможно, одновременно был нанят только один каменщик.

Интерьер представляет собой простую готическую церковь с одним проходом, 150 футов в длину, пятьдесят два в ширину и восемьдесят четыре в высоту; главный алтарь расположен в округлой апсиде; в центре церкви хоры пятнадцатого века закрывают вид на стены, украшенные только пилястрами, которые делают вид, что поддерживают готический свод.

Справа, в алтарной часовне, находится прекрасная мраморная гробница шестнадцатого века, на которой изображена риза коленопреклоненного епископа - одно из лучших произведений имитационной скульптуры, которые можно увидеть в Испании.

Справа от главного алтаря, скрытая в стене собора, дверь ведет на *пасео*— прогулку вдоль широких городских стен, откуда открывается восхитительный вид на юг, за реку, и прерии вдалеке. Где можно найти более красивый и естественный монастырь?

Западный фасад никогда не используется и окружен старым кладбищем — довольно необычное место для кладбища при кафедральном соборе; северный фасад антихудожественен, но башня справа обладает одним большим достоинством - сравнительной высотой. Хотя, очевидно, предполагалось, что он будет готическим, арабский вкус, столь ярко выраженный в этом регионе, взял верх над архитектором, и он возвел квадратный шпиль, увенчанный куполом.

Тем не менее, несмотря на критику, которая вряд ли может найти элемент, достойный похвалы, во всем здании собора, туристу не следует колебаться при посещении города. Кроме того, исторически наиболее интересен весь регион Северная Эстремадура, в котором расположены Кория и Пласенсия: недалеко находится Юсте, где Карл-Квинт провел последние годы своей жизни; также как и монастырь Гваделупе, известный своими картинами великого Сурбарана.

Что касается самой Кории, то это забытый уголок Вересковых пустошей.

VII

PLASENCIA

ТНЕ Основание пласенсии королем альфонсо VIII в 1178 году и возведение новой епископальной кафедры двенадцать лет спустя можно рассматривать как *государственный переворот*, приданный важности Кории, сестры-близнеца, расположенной в сорока милях отсюда. Тем не менее, Королевский город, как называлась Пласенсия, который в конце концов похоронил своего старшего соперника в самом шокирующем забвении, не смог приобрести имени в истории. Основанный королем и переданный епископу и любимым придворным, которые управляли им безразлично хорошо, чтобы не сказать плохо, он вырос в аристократический город без *буржуазии*. Следовательно, его история в средние века - это одна длинная череда семейных распрей, дуэлей и трагедий, летопись кровавых событий и актов героической жестокости и отваги.

В 1233 году мавританская армия завоевала его, вскоре после того, как битва при Аларкос была проиграна Альфонсо VIII, в то время слепо влюбленному в свою прекрасную еврейскую любовницу, Рахиль Толедскую. Но неверные недолго оставались хозяевами положения, а тем

более города, поскольку в течение следующего года или около того он снова перешел в руки своего основателя, который укрепил стены, сохранившиеся и по сей день, и достроил цитадель.

Население города, как и Толедо, было смешанным. Христиане, евреи и мавры жили вместе, каждый в своем квартале, и вместе они использовали плодородный *вегас*, который окружает город. В пятнадцатом веке евреев и мавров насчитывалось около десяти тысяч; в 1492 году первые были изгнаны католическими королями, а в 1609 году Филипп III. подписал указ об изгнании мавров. С тех пор Пласенсия утратила свое муниципальное богатство и значение, и епархия, из одной из богатейших в Испании, быстро пришла в упадок, пока по сей день не влечит утомительную жизнь, обедневшая и неважная.

Еврейское кладбище все еще можно увидеть на окраине города; повсюду присутствуют арабские руины, как архитектурные, так и ирригационные, а квартал, населенный ими, самый живописный в Пласенсии, представляет собой мавританскую деревню.

Сам город, возвышающийся на холме рядом с бурлящей Иерте, представляет собой маленький Толедо; его улочки узкие и извилистые, церковных башен множество, а дома из красного кирпича тепло отражают великолепие южной атмосферы. Однако та же смерть, та же бездеятельность и отсутствие движения, которые характеризуют Толедо и другие города, витают в переулках и на площадях, в плодородном *вегасе* и тихих *дворицах* Пласенсии.

История распрей между великими кастильскими семьями, жившими здесь, трагически интересна: Эрнан Перес убит Диего Альваресом, сыном одной из жертв первого; семья Монройе выступила против Суньигас и других дворян, — эти и многие другие предания относятся к числу самых волнующих событий, произошедших в Испании в средние века.

Даже епископы, призванные занять престол, по-видимому, были рабами воинственного духа, который витал, так сказать, в самой атмосфере города. Первый прелат, дон Доминго, выиграл битву при Навас-де-Толоса для своего покровителя Альфонсо VIII. Когда христианская армия дрогнула, он бросился вперед (с обнаженным мечом, крест остался дома) во главе своих солдат и гнал уже торжествующих мавров назад, пока они не сломали свои ряды и не обратились в бегство. Тот же епископ пронес христианский меч в самое сердце мавританских владений, в Гранаду, и завоевал соседнюю Лоху. Следующий прелат, дон Адан, был одним из предводителей армии, завоевавшей Кордову в 1236 году, и, войдя в знаменитую *мескиту*, освятил ее использование в качестве христианской церкви.

История кафедрального собора не менее интересна. Первобытный престол был временно размещен в церкви на холме недалеко от крепости; это здание было снесено в пятнадцатом веке и заменено иезуитским колледжем.

Ближе к началу четырнадцатого века была торжественно открыта кафедральная церковь. Однако его жизнь была короткой, поскольку в 1498 году его частично снесли, чтобы освободить место для более нового и крупного сооружения, которое сегодня является недостроенным собором эпохи Возрождения, который посещают туристы.

Однако части старого собора сохранились до сих пор. Между башней нового храма и епископским дворцом, но, к несчастью, перегруженный современными надстройками, сохранился почти нетронутый старый фасад. Грубость конструкции, робкое использование оживальной арки, примитивное окно-роза и общая тяжеловесность конструкции указывают на принадлежность к декадентскому периоду романского стиля, когда художники пробовали что-то новое и забывали уроки прошлого.

Новый собор представляет собой сложное здание в стиле готического ренессанса, состоящее из нефа и двух нефов, с амбулаторией за главным алтарем. Ни квадратного дюйма, а то, что было выдолблено в нишу или покрыто скульптурными рисунками; готический план - это что угодно, только не чистая готика, а стиль Ренессанса был настолько искажен, что это что угодно, только не итальянский Ренессанс.

Фасад здания внушителен, если не сказать художественен; он состоит из четырех корпусов, каждый из которых с боков поддерживается колоннами разной формы и порядка и имеет *уэко* или углубление в центре, самое низкое из которых - дверь, самое высокое - витраж, а два центральных - глухие окна, которые портят целое. Цветочный и византийский (арабский?) декор колонн и фризів отличается большим богатством разнообразных узоров; в нишах отсутствуют статуэтки, что свидетельствует о незавершенном состоянии церкви.

ЕАКАДА КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА ПЛАСЕНЦИИ

Три арки и четыре колонны, роскошно украшенные, поддерживают каждую из ярусных стен, которые сверху пронизаны красивым трифорием, полностью опоясывающим церковь. *Ретабло* главного алтаря богато украшено, возможно, даже слишком богато; *рея*, замыкающая священную зону, выполнена в семнадцатом веке.

Партеры для хоров удивительно богаты, спинки и сиденья украшены резными сценами. Они известны по всей стране, и гений, прежде всего воображение, художника, который их выполнил (к несчастью, его имя неизвестно, хотя считается, что это Алеман), должно быть, был выдающимся. Благочестивый при вырезании верхних и видимых сидений, он, кажется, был чрезвычайно ироничным и нечестивым, когда лепил их внутреннюю часть, где искусно было нарисовано обратное или едкое замечание, возникшее в уме резчика, хотя иногда с недостойным оттенком непристойности, не совсем гармонирующим с нашим пуританским духом современности.

ЧАСТЬ V

Восточная Кастилия

Я

ВАЛЬЯДОЛИД

ТНЕ Происхождение Вальядолида теряется в тенях далекого прошлого. Поскольку это была столица обширного королевства, считалось необходимым, как и в случае с Мадридом, заложить его до римского вторжения; однако попытка провалилась, и хотя поблизости были обнаружены римские руины, ничего достоверно не известно об истории города до одиннадцатого века.

Когда Санчо II. сражался против своей сестры, запертой в Заморе, он предложил ей Вализолетум в обмен на мощную крепость, которую она унаследовала от своего отца. Тщетно, и город, расположенный на реке Писуэрга, больше не упоминается в исторических документах до 1074 года, при Альфонсо VI. передал его вместе с несколькими другими деревнями Педро Ансуресу, который сделал его своей столицей, передал церковь (Санта-Мария-ла-Майор) суффрагистке Паленсии и заложил первые основы ее будущего величия. В 1208 году семья Ансурез вымерла, и *вилла* вернулась к короне; с тех пор и до правления Филиппа IV. Вальядолид, несомненно, был одним из важнейших городов Кастилии и столицей всей Испании, начиная с правления Фердинанда и Изабеллы и заканчивая правлением Филиппа III.

Следовательно, история Вальядолида с тринадцатого по шестнадцатый век - это история Испании.

В Вальядолиде Петр Жестокий после трехдневной женитьбы оставил свою невесту, донью Бланку де Бурбон, и вернулся в объятия своей любовницы Марии; несколько лет спустя он совершил большинство своих ужасных преступлений в пределах города. Здесь Мария де Молина отстояла право своего сына на трон во время его совершеннолетия, а в Вальядолиде после смерти сына та же вдова боролась за своего внука против интриг дядей и двоюродных братьев.

Изабель и Альфонсо сражались в Вальядолиде против провозглашения их племянницы Хуаны, незаконнорожденной дочери Генриха IV, наследницей престола; граждане поддерживали притязания принцессы—католички, и неудивительно, что, когда принцесса стала королевой — величайшей из

когда-либо существовавших в Испании - она сделала Вальядолид своей столицей в благодарность за лояльность его жителей.

В Вальядолиде Колумб получил королевское разрешение отплыть на запад в 1492 году, а после своего последнего возвращения из Америки он умер в том же городе в 1506 году; здесь же скульптор Берругете создал многие из своих *шедевров*, а бессмертный Сервантес предстал перед судом и написал вторую часть своего "Дон Кихота".

Невезучая Хуана ла Лока (Джейн Безумная) и ее муж Фелипе эль Эрмосо (Филипп Красивый) правили здесь после смерти католички Изабеллы, а пятьдесят лет спустя, когда Филипп II вернулся из Англии, чтобы взойти на испанский престол, он поселился в Вальядолиде, пока его религиозный фанатизм или мания не вынудили его переехать в город поближе к Эскориалу. Затем он остановил свой выбор на Мадриде как на своем дворе. Тем не менее, будучи религиозным человеком и сознавая определенную любовь к Вальядолиду, своему родному городу, он приказал превратить суффрагистскую церковь в кафедральный собор в 1595 году, назначив дона Бартоломе де ла Пласа ее первым епископом. В то же время он приказал Хуану де Эрреро, суровому архитектору Эскориала, нарисовать планы и начать строительство нового здания.

Растущее значение Мадрида и окончательное присвоение последнему названному городу всех почестей, которые принадлежали Вальядолиду, отбросили город, расположенный на Писуэрге, в тень, и звезда его удачи медленно угасла. Но не до такой степени, как Саламанка или Бургос, ибо сегодня из всех старых городов Кастилии единственным, у которого есть своя собственная жизнь и который является торгово-промышленным центром, является Вальядолид, бывшая столица всей Испании, а ныне резиденция архиепископства. Он начал с узурпации достоинства Бургоса; затем он поднялся до больших высот славы, чем его соперник, благодаря открытию Америки, и, наконец, он потерял свой *престиж*, когда Мадрид был коронован *виллой уника*.

Общий облик города типично испанский, особенно в том, что касается широкого использования кирпича при строительстве церквей и зданий в целом. Предполагается, что арабы владели городом до христианского завоевания, хотя никаких документальных доказательств под рукой нет. Этимология названия города, Медина-эль-Валид, чисто арабская, поскольку Валид - это имя мавританского генерала.

Если кафедральный собор был возведен еще в шестнадцатом веке, то не следует предполагать, что в городе не хватало приходских церквей. Напротив, в Испании едва ли найдется город с большим количеством всевозможных религиозных сооружений, и большая их часть имеет гораздо больше архитектурных достоинств, чем сам собор. Примечательно поразительное количество монастырей; многие из них датируются двенадцатым и тринадцатым веками и, следовательно, выполнены в романском стиле с большой долей византийского вкуса, либо же относятся к переходному периоду. В целом, это действительно единственные архитектурные достопримечательности, которые сегодня можно открыть в городе. Традиции, которые объясняют основание некоторых из них, являются одними из наиболее характерных в Вальядолиде, и нить восточной романтики здесь преобладает больше, чем где-либо еще. Хорошим примером одного из них является основание большого монастыря Мерседес.

Донья Леонор была женой некоего Акуньи, бесстрашного (?) рыцаря. Король Португалии, к несчастью, влюбился в донью Леонор и, желая жениться на ней, аннулировал ее предыдущий брак и посадил ее на свой трон. Акунья бежал из Португалии и приехал в Вальядолид, где с непревзойденным сарказмом надел на шляпу значок, возвещающий о его бесчестии.

И Акунья, и король Португалии умерли, и донья Леонор, чьи нравы были не слишком поучительны, влюбилась в некоего Зуньигеса; дочь этих двоих была передана на попечение рыцаря по имени Фернан, и донья Леонор приказала ему после ее смерти основать монастырь и

запереть ее дочь в его стенах; мать, несомненно, только хотела, чтобы ее дочь избежала невзгод этой жизни. К несчастью, она не принимала в расчет человека, которого это касалось в первую очередь, а именно дочь, поскольку последняя тайно влюбилась в племянника своего зрителя. Однако она думала, что он ее двоюродный брат, поскольку, похоже, ее выдали за дочь Фернана. После смерти матери она узнала о своем настоящем происхождении и вышла замуж за своего возлюбленного. В благодарность за то, что у нее не было отношений с мужем, она основала монастырь по приказу своей матери, но сама осталась без его стен!

Чем меньше можно сказать о соборе Вальядолида, тем лучше. Несомненно, есть много людей, которые считают это здание чудом красоты. Как образец сурового и величественного стиля Хуана де Эрреро, он не уступает ни одному другому зданию, за исключением разве что Эскориала и, возможно, частей Колонны в Сарагосе. Но как памятник искусства, где стремятся к красоте, а не к греко-римским эффектам, это провал.

Первоначальный план здания представлял собой прямоугольник длиной 411 футов и шириной 204, разделенный по длине нефом и двумя нефами, а по ширине широким трансептом, расположенным ровно на полпути между апсидой и подножием церкви. Таким образом, форма здания напоминала греческий крест; каждый угол здания должен был быть увенчан башней, а *круазе* - огромным куполом. (Сравните с новым собором в Саламанке.) Боковые стены нефов должны были содержать симметричные часовни, как и апсида.

Из вышесказанного видно, что симметрия и греко-римская прямая горизонтальная линия должны были заменить оживальную арку и в целом вертикальный, парящий эффект готических зданий.

Архитектор умер до того, как его памятник был завершен, и Чурригера, самый антихудожественный художник, когда-либо живший, — по личному мнению автора, — был призван достроить здание: его торговая марка покрывает почти весь западный фасад, где второй корпус демонстрирует дефекты, в которые выродился суровый стиль Эрреро вскоре после его смерти.

Из четырех башен и купола, которые должны были сделать капители Вальядолида "вторым по величии после собора Святого Петра в Риме", была возведена только одна башня: она рухнула в 1841 году и в настоящее время восстанавливается.

Во внутреннем убранстве повсюду видно такое же несоответствие, как и в незавершенном состоянии храма. Преобладают греческие колонны, и, контрастируя с их простотой, главный алтарь, самое гротескное сооружение, какое когда-либо размещалось в святом соборе, привлекает взор вульгаристов чем-то вроде мелодрамы с кровью и громом. Излишне говорить, что ценитель искусства бежит оттуда.

СЗАДНЕЙ СТОРОНЫ ПЕРЕД КАФЕДРАЛЬНЫМ СОБОРОМ ВАЛЬЯДОЛИДА

В задней части здания все еще видны остатки романской церкви Санта-Мария-ла-Майор; какая разница между жесткой, антихудожественной концепцией Эрреро, высмеиваемой Чурригерой и оставленной лишь наполовину достроенной последующими поколениями безденежных верующих, и простыми, но элегантными чертами старой коллегиальной церкви с сохранившейся башней, византийского *рекуэрдо* XIII века.

II

АВИЛА

ТО к западу от Мадрида, в самом сердце Сьерра-де-Гредос, находится Авила, еще один интересный город Кастилии, чьи старинные особняки и дворцы, построенные из серого гранита, придают городу торжественный и почти отталкивающе меланхоличный вид.

Возможно, больше, чем любой другой город, Авила характерна для средневековья, для постоянной борьбы между знатью, церковью и простыми людьми. Дома аристократов - это скорее замки, чем дворцы, без художественных украшений, скрывающих их неприкрытую наготу; собор на самом деле является крепостью, и не только внешне, как в Саламанке и Торо, поскольку сама его апсида встроена в городские стены, частью которых он является, - зубчатый, башенный и воинственный выступ, способный принять на себя основную тяжесть атаки в случае осады.

Подобно общему облику города, это также характер его обитателя, и будет лишь преувеличением утверждать, что сыновья Авилы всегда были первыми в битвах и раздорах. Королей в их меньшинстве привозили сюда благоразумные матери, которые больше полагались на городские стены, чем на обещания знати Вальядолида и Бургоса; это доверие никогда не было обмануто. В завоевании Эстремадуры и Андалусии также авильские войска, возглавляемые отважными воинами-прелатами, сыграли важнейшую роль, и, будучи пограничной крепостью вместе с Сеговией против Арагона на востоке, ей удалось удержать вдали от кастильской территории амбиции монархов королевства-соперника.

Римская Авела была гарнизонным городом, стены которого были частично разрушены западными готами после их прибытия на полуостров. Ранее Сан-Сегундо, один из учеников апостолов, посетивших Бетику (Андалусия), проповедовал Истинное Слово в Авиле и был назначен ее первым епископом — в первом веке. Во время ужасных гонений на христиан при правлении Траяна некто Сан-Висенте и две его сестры, Сабина и Кристета, бежали из Португалии и прибыли в Авилу, надеясь быть гостеприимно принятыми. Все напрасно; их головы были разбиты камнями, а тела оставлены гнить на улицах. Огромный змей вышел из-за городских стен и охранял три святых тела. Первым подошел еврей, привлеченный сюда любопытством; тело рептилии немедленно окутало его. Находясь на грани удушения, он произнес слово "Иисус" — и змей отпустил его. Еврей был так благодарен за избавление от смерти, что обратился в христианство и воздвиг церковь в честь Сан-Висенте, Сабина и Кристеты и похоронил их в ее стенах.

Эта церковь просуществовала на протяжении всех мрачных веков мавританского нашествия, пока, наконец, Фернандо I. не перевез останки святого в Леон в одиннадцатом веке. Затем церковь была разрушена, и, как полагают, нынешний собор был построен на том же месте.

Мавры, называвшие город Абила, использовали его как одну из крепостей, защищавших Толедо на севере от постоянных набегов христиан; с переменным успехом они удерживали его до конца XI века, когда он, наконец, попал в руки христиан и был вновь заселен незадолго до Саламанки, ближе к концу того же столетия.

За столетия мавританского владычества престол пришел в полнейшее забвение, ни о каких епископах Авилы не упоминалось; церковное достоинство было восстановлено сразу после окончательного завоевания региона к северу от Сьерра-де-Гуадеррама, и хотя отсутствуют документы о том, кто был первым прелатом *de modernis*, обычно считается, что это был некто Джеронимо ближе к концу одиннадцатого века.

Город быстро набирал силу; поселенцы прибывали с севера — из Кастилии и Леона — и с востока, из Арагона; они добирались до своего нового дома в повозках, запряженных волами, с домашней мебелью, сельскохозяйственными и военными орудиями, женами и детьми.

В последующей истории Испании Авила сыграла важную роль, и в ее стенах произошло множество волнующих событий. Он был осажден арагонцем Альфонсо эль Батальядором, чья армия перешла в атаку вслед за своими пленниками, сыновьями Авилы. Таким образом, братья, отцы и родственники были вынуждены стрелять в своих сородичей, если хотели спасти свой город. Говорят, тот же самый король убил своих заложников, отрубив им головы и сварив их в

масле, как будто отрубленные головы были способны испытывать восхитительное ощущение кипящего масла!

Из всех традиций, столь же многочисленных здесь, как и везде, самой красивой и невероятной, несомненно, является легенда о Налвиллосе, типичном романтическом кавалере, который отчаянно влюбился в прекрасную мавританскую принцессу и женился на ней. Однако она тосковала по возлюбленному, за которого в юности обещала выйти замуж, и хотя ее муж возводил для нее дворцы и покупал рабов, она сбежала со своим возлюбленным. Налвиллос последовал за парой туда, где они уединялись в замке, и это было окружено им и его верными последователями. Сам герой, переодетый продавцом целебных трав, проник в квартиру, где его жена ждала возвращения своего любовника, и дал о себе знать. Возвращение первого, однако, прервало дело, и Налвиллосу пришлось скрыться. Мавританская девушка была верна своей любви и рассказала своему возлюбленному, где скрывается христианин; выведенный из своего убежища, он был при смерти, когда попросил разрешения протрубить в последний раз в свой горн — желание, которое великодушный влюбленный с готовностью выполнил. Результат? Принцесса и ее возлюбленный сгорели заживо в пламени, разожженном солдатами Налвиллоса. Христианскому воину, конечно, удалось спастись.

В 1455 году появилось изображение Генриха IV. был свергнут с престола в Авиле прелатами Толедо и других городов, а также собранием знати, которые чувствовали, что феодализм вымирает, и стремились нанести последний удар слабому королю, которого они считали своим врагом.

Изображение было водружено на трон; архиепископ Толедский обратился с речью к толпе, которая, молчаливая и хмурая, была удержана подальше от трона большим количеством послушных солдат-наемников. Затем прелат сорвал фальшивую корону, другой из заговорщиков - скипетр, третий - королевские одежды и так далее, каждый свой поступок сопровождая позорным проклятием. Наконец статую сорвали с трона и растоптали ногами солдат. Альфонсо, одиннадцатилетний мальчик, взошел на помост и был провозглашен королем. Его руку целовали смиренные (!) прелаты и дворяне, которые поклялись в верности - клятве, которую они не имели ни малейшего намерения соблюдать, да и не сдержали тоже.

Указ Филиппа III об изгнании мавров из Испании был, как и в случае с Пласенсией, *переворотом*, нанесенным важности города; половина населения была вынуждена уехать, и Авила так и не восстановила свое утраченное значение и влияние. Сегодня, когда в нем проживает всего около десяти тысяч человек, отброшенных Мадридом на задний план, ему удастся выжить, и не более того.

Дата, когда было начато возведение кафедрального собора Авилы, совершенно неизвестна. Согласно благочестивой легенде, он был основан третьим епископом, доном Педро, который, стремясь воздвигнуть храм, достойный его сана, совершил долгое паломничество по чужим странам в поисках оружия и вернулся на свою кафедру в 1091 году. Шестнадцать лет спустя, согласно той же традиции, нынешний собор был по существу завершен - смелое заявление, с которым нельзя согласиться, поскольку оно явно противоречит конструкции церкви.

По словам сеньора Квадрадо, самая старая часть здания, апсида, вероятно, была возведена ближе к концу двенадцатого века. Это массивное, почти без окон, полукруглое здание, его голые стены не поддерживаются контрфорсами, и каждый дюйм его похож на угловую башню крепостной стены, зубчатую и с плоской вершиной.

Тот же автор полагает, что трансепт, красивый, широкий и воздушный оживальный неф, датируется четырнадцатым веком, тогда как западный фасад церкви датируется гораздо более поздним временем.

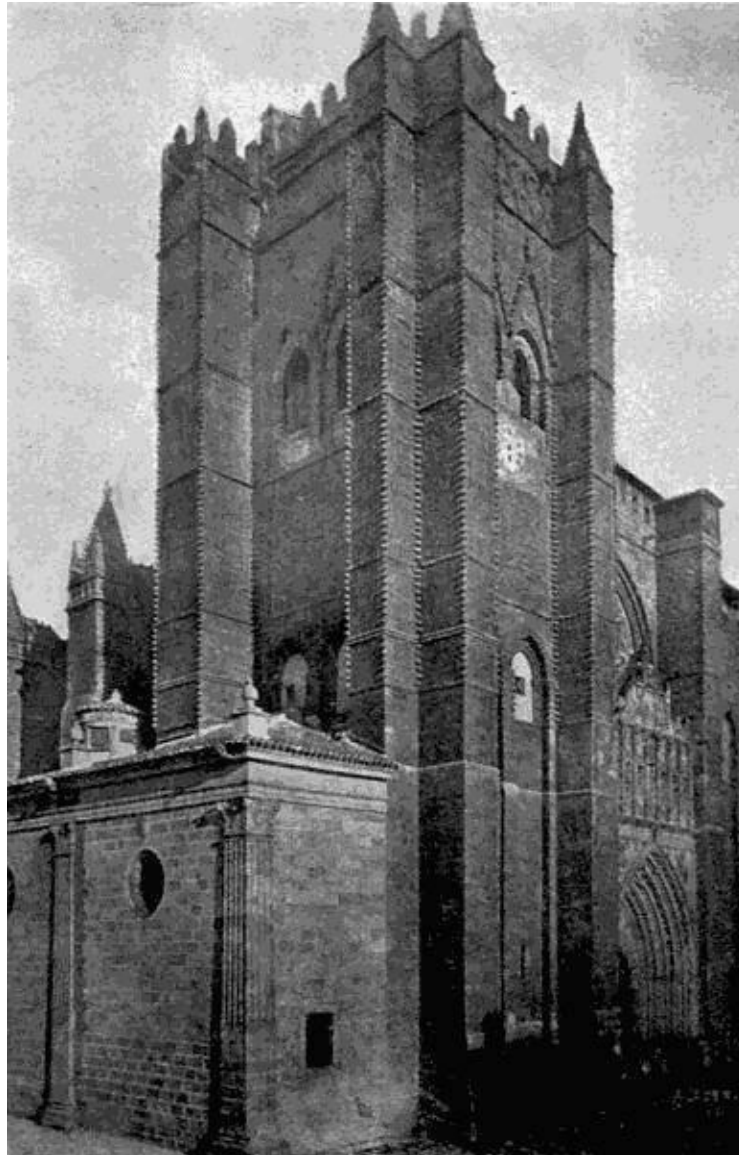
Как бы то ни было, факт остается фактом: кафедральный собор Авилы, если смотреть с востока, запада или севера, представляет собой сооружение-крепость, огромную, громоздкую и антихудожественную композицию из романских, готических и других элементов. Западный фасад с его тяжелой башней на севере и отсутствием таковой на юге кажется более мрачным, чем когда-либо, из-за темного цвета камня; фасад над порталом выполнен в одной из самых необычных художественных концепций, которые когда-либо можно было вообразить; над первым корпусом или стрельчатой аркой, венчающей портал, возвышается второй корпус, отделенный от первого прямой линией, которая поддерживает восемь колонн, обрамляющих семь ниш; в верхней части этой неудачной части находится оживальное окно. Весь фасад узкий — одна дверь — и высокий. Эффект катастрофический: ненужное искажение или неправильное расположение вертикальных, горизонтальных, косых и круговых линий.

Башня окружена по углам двумя каменными бортиками, края которых вырезаны в виде *болас* (шаров). Если это демонстрирует определенный *мудехарский* вкус, то же самое можно сказать и о геометрических узорах, вырезанных рельефно на заднем плане, как видно на арабесках над верхними окнами.

Северный портал, за исключением верхней арки, которая лишь слегка изогнута и почти горизонтальна и давит на оживальные арки, намного лучше с точки зрения представления художника о красоте; резьба по камню также более высокого класса.

Возвращаясь внутрь здания, предпочтительно через трансепт, самую красивую часть церкви, зритель видит двойной переход за главным алтарем; последний, как и хоры, низкие, и открывается прекрасный вид на ансамбль. Центральный неф, почти вдвое выше и немного шире проходов, увенчан двойным трифорием готической элегантности.

При взгляде с трансепта может показаться, что на западной стороне было четыре нефа вместо двух, что является своеобразным обманом, вызванным боковым отверстием последних часовен, точно таким же по конструкции, как арка, венчающая пересечение нефов и трансепта.

Т ЦВЕТOK КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА АВИЛЫ

На северной и южной оконечностях трансепта две красивые розетки над рядом стрельчатых окон пропускают наружный свет через витражные стекла.

Впечатление, производимое внутренним убранством собора, значительно превосходит то, которое создается снаружи. В последнем случае любопытство - это единственное чувство, которое испытывает зритель, тогда как внутри храма нет недостатка в простой красоте и таинственности.

Что касается скульптурных деталей, то лучшими, несомненно, являются барельефы, которые можно увидеть позади хоров, а также несколько надгробий, из которых лучшим — и одним из лучших в своем роде памятников эпохи Возрождения в Испании — является надгробие епископа Альфонсо Тостадо в амбулатории. *Ретабло* главного алтаря также является великолепным произведением второй половины пятнадцатого - начала шестнадцатого века.

III

СЕГОВИЯ

Сестра-близнец VILA'Свилы, Сеговия, сохраняет свое старое кельтиберское название; она также сохраняет неоспоримые доказательства римского господства в виде своего знаменитого акведука и амфитеатра.

Согласно популярной традиции, Сан-Иератео, ученик святого Павла, был первым епископом в первом веке, но, вероятно, престол был возведен примерно в 527 году, когда он впервые упоминается в толийском документе; имя первого епископа (исторического) - Петр, который присутствовал на третьем соборе в Толедо (589).

Местным святым является некто Сан-Фруто, который при приближении сарацинского воинства собрал горстку беглецов и удалился в горы; его брат Валентин и сестра Энграсия (известные в Арагоне?) приняли мученическую смерть за свою веру. Сан-Фруто, с другой стороны, жил жизнью отшельника в горах и сотворил много чудес, таких как раскалывание камня своим складным ножом и т.д. Самым чудесным из его деяний было то, что он доказал маврам подлинность католической религии: на поднос с овсянкой он положил хлебную кашу и предложил ее мулу, который, вместо того чтобы жевать овес и хлебную кашу, упал на колени и, возможно, даже перекрестился!

Оспариваемая арабами и христианами, Сеговия, как и все кастильские города, тянула время, пока окончательно не перешла в руки последних. Тем не менее, похоже, что во времена арабского владычества в городе существовала христианская колония, поскольку документы того времени говорят о епископе Ильдередо в 940 году.

Точный год повторного заселения Сеговии неизвестен, но, несомненно, это было примерно за десять лет до заселения Саламанки или Авилы.

Воинственный дух жителей также не уступал воинственному духу их собратьев в последних названных городах. Именно благодаря их храбрости Мадрид попал в руки христиан ближе к 1110 году, ибо, поздно прибыв в лагерь осаждающих, присутствовавший при этом король сказал им, что, если они хотят провести ночь с комфортом, есть только одно место, а именно сам город. Ни минуты не колеблясь, отважные воины бросились к стенам Мадрида и, взобравшись на них, захватили башню, где, к великому изумлению своего монарха, непринужденно провели ночь.

В 1115 году был освящен первый епископ *de modernis* Дон Педро, и примерно в то же время было начато строительство собора. Несколько сменявших друг друга прелатов были скорее воинами, чем духовными пастырями, и энергично и успешно сражались против неверных в Андалусии. Один из них, дон Гутьерре Хирон, даже нашел свою смерть во время ужасного поражения христианского оружия при Аларконе.

Событием, принесшим наибольшую известность Сеговии, стало возведение ее знаменитого Алькасара, или замка, лучшего образца военной архитектуры в Испании. Правда, у каждого города была своя цитадель, но ни один из них не был таким сильным и неуязвимым, как Сеговия, и в бурные дни кастильской истории монархи находили за ее стенами безопасное убежище от нападений беспринципных дворян.

До 1530 года старый собор стоял в задней части Алькасара, но во время восстания коммунистов против Карла-Квинта разъяренная толпа, стремившаяся захватить замок, снесла храм и использовала его камни, балки, прилавки и перила как средство для того, чтобы взобраться на высокие стены крепости. Их усилия были напрасны, так как на помощь замку пришла армия из Вальядолида; тем не менее, монарх даровал населению всеобщее помилование, которое было

слишком далеко, чтобы сильно заботиться о том, что делают его испанские подданные. После того как буря утихла, вспыльчивые горожане оказались с епископом и капитулом, но без церкви и средств, с помощью которых можно было бы воздвигнуть новую.

Борьба между городом и крепостью была многочисленной и в значительной степени стала причиной упадка города. Однажды католичка Изабелла нарушила права граждан, подарив несколько феодальных деревень фавориту двора. На следующий день после того, как весть об этом нарушении достигла города, по общему согласию горожане "одевались в черное, не развлекались и не надевали чистое белье; они не подметали крыльца домов и не зажигали лампы по ночам; они не покупали и не продавали, и более того, они надавали пощечин своим детям, чтобы они навсегда запомнили этот день". Публичные проявления скорби были настолько велики, что было сказано, что "никогда республика не носила более глубокого траура по утраченным свободам".

В конце концов, королева в своем знаменитом завещании отменила свой дар и вернула деревни городу.

Старый собор был снесен в ноябре 1520 года, и только в июне 1525 года епископ, обратившийся с патриотическим призывом ко всем испанцам от имени церковных фондов, заложил первый камень нового здания. Тридцать лет спустя здание было освящено.

Нигде больше нельзя найти церковь, которая была бы более полным выражением пыла и энтузиазма города. Казалось, что кощунственный поступок разъяренной толпы подействовал на кающиеся умы успокоенных горожан, поскольку как богатые, так и бедные подавали свою милостыню соборному капитулу. Продавались драгоценности, поступали пожертвования из-за границы, феодалы отдавали церкви целые деревни, а бедняки, рабочие и крестьяне отдавали свои гроши. Ежедневные процессии прибывали в Санта-Клару, которая тогда использовалась как кафедральный собор, со всех концов епархии. Сегодня они состояли из торговцев из *Цюн-фте*, которые делали свои пожертвования в размере нескольких фунтов; завтра из деревни привезут телегу камней, строительного раствора, дерева и т. Д. По праздникам и воскресеньям кающиеся горожане, вместо того чтобы развлекаться танцами или боем быков, возили материалы для возведения своего нового собора, и все это они делали по собственной воле.

СОБОР ЭГОВИИ

Акт освящения готового здания представлял собой грандиозный праздник. Длинный акведук был освещен сверху донизу, как и башня собора, и каждый дом в городе. В течение недели продолжался праздник с развлечениями под открытым небом для бедных и банкетами для богатых.

Дата строительства нового здания совпадала с датой постройки Саламанки, и архитектор был, в определенной степени, тем же самым. Поэтому нет ничего странного в том, что оба они должны походить друг на друга по своему общему расположению. Более того, строительство в обеих церквях было начато у подножия (на западе), а не на востоке, как это обычно бывает. Следовательно, самой старой частью здания является западный фасад, классический по своим очертаниям, но демонстрирующий среди своих оживающих деталей как симметрию, так и треугольный фронтон эпохи Возрождения. Башня, более высокая, чем севильская, и более широкая, чем толедская, проста по своей конструкции; она византийская и не лишена определенной *изюминки* элегантности; первый корпус увенчан куполом, на котором возвышается второй, меньшего размера, также увенчанный куполом. Башня дважды подвергалась ударам молнии и частично разрушалась в 1620 году; она была восстановлена в 1825 году, а крестовину шпиля заменил громоотвод.

Хотя новый храм был освящен, как уже было сказано, в 1558 году, он ни в коем случае не был закончен: трансепт и восточная оконечность еще не были построены. Последнее было закончено до 1580 года, а в 1615 году художник-архитектор возвел ренессансный купол, венчающий *круазе*, который, очевидно, был неспособен придать ему истинно готический вид.

Апсида с тремя гармонирующими *этажами*, соответствующими часовням, нефам и нефам, и обрамленная по бокам наклонными контрфорсами, украшенными изящными остроконечиями, в

деталей готична; тем не менее, ансамбль является ренессансным благодаря совершенной симметрии, болезненно подчеркиваемой обнаженными горизонтальными линиями, столь противоречащими духу истинного оживала. Меньшая регулярность и большее изобилие контрфорсов, и прежде всего летающих контрфорсов, были бы более приятными, но времена изменились, и в страну пришли новые вкусы.

Широкий трансепт, его фасад — южный или северный — и купол также не соединяют, так сказать, восточную и западную половины здания; напротив, они отчетливо разделяют их, что не идет на пользу зданию.

Интерьер скорее веселый, чем торжественный: общее расположение частей такое же, как обычно в готической церкви переходного периода (Ренессанс). Неф и трансепт одинаковой ширины; боковые приделы, идущие вдоль внешних стен нефов, симметричны, как в Саламанке; амбулатория отделяет главный алтарь от апсиды и ее семи приделов.

Тротуар церкви выложен черно-белыми мраморными плитами, как, например, в Толедо; что касается витражей, то их множество, а те, что в старой части здания хорошего (фламандского?) высокое качество изготовления и насыщенный цвет, который усиливает радостное выражение всего здания.

Монастырь - самая старая часть здания, относящаяся к предыдущему собору. После разрушения последнего и успешного возведения нового храма монастырь был перенесен камень за камнем со своего старого места туда, где он стоит сейчас. Это красивое и богато украшенное готическое здание, в котором находится множество гробниц, в том числе архитекторов собора и Марии дель Сальто. Эта Мария была некой еврейкой, которая, приговоренная к смерти и брошенная в Пенья-Грахера, призвала на помощь Пресвятую Деву и была спасена.

Еще одна могила - принца Дона Педро, сына Энрике II, который выпал из окна Алькасара. Его няня, согласно традиции, выбросилась из окна вслед за своим подопечным, и их вместе подобрали, держа одного в объятиях другого.

IV

MADRID-ALCALÁ

THOUGH.

Это назначение вызвало бурю неодобрения в соседнем городе Алькала-де-Энарес, граждане которого требовали возведения церковного престола в их собственном колледже, а не в Мадриде. Их причины были чисто историческими, как будет видно позже, в то время как столице не хватало ни истории, ни церковного значения.

Чтобы успокоить жителей Алькалы и в то же время возвести Мадрид в ранг города, было заключено следующее соглашение: вновь созданная кафедра должна была называться Мадрид-Алькала; епископ должен был владеть двумя кафедральными церквями, и оба города должны были стать городами.

Таково положение дел в настоящее время. Недавнее закрытие правительством старого собора в Алкале лишило сторонников двойного престола одного из их главных аргументов, а именно обладания достойным храмом, уникальным в мире по своей организации. Следовательно, обычно утверждается, что титул Мадрид-Алькала исчезнет вместе с нынешним епископом, и что следующий будет просто епископом Мадрида.

Мадрид

Город Мадрид новый и неинтересный; это заросшая деревня, в которой нет зданий, достойных столицы королевства. С архитектурной точки зрения королевский дворец, величественный и внушительный, хотя и явно бедный по стилю, является едва ли не единственным сооружением, которым можно восхищаться.

В истории Мадрид играл самую незначительную роль до времен Филиппа II, чернобрового монарха, который, намереваясь воздвигнуть свой мавзолей в Эскориале, провозгласил Мадрид единственной столицей. Это было в 1560 году; ранее Магерит был арабской крепостью к северу от Толедо и первой в регионе, который сейчас называется Кастилия-ла-Нуэва (Новая Кастилия), чтобы отличать его от Старой Кастилии, лежащей к северу от горной цепи.

Скорее всего, Магерит был основан маврами, хотя, как только он стал столицей Испании, его жители, которым не терпелось рассказать своему городу историю, которой у него не было, придумали ряд традиций и преданий, скорее нелепых, чем правдивых.

На склонах последнего холма, спускающегося к Мансанаресу, рядом с нынешним королевским дворцом христианские завоеватели арабской крепости в двенадцатом веке обнаружили изображение Богородицы в *альмудене*, или хранилище. Это стало отправной точкой для преданий монахов двенадцатого века, которые обнаружили (?), что это изображение было помещено туда, где его нашел святой Иаков, по словам одних, и сама Пресвятая Дева, по словам других; более того, они даже учредили ряд епископов в Магерите до арабского вторжения.

Разумеется, нет никаких оснований для таких невероятных выдумок, и если изображение действительно было найдено в *альмудене*, оно должно было быть помещено туда самими маврами, которые, скорее всего, забрали его в качестве добычи при разграблении церкви или монастыря на севере.

Святым покровителем Мадрида является некто Исидро, которого не следует путать с Сан-Исидоро Леонским. Первый был фермером или чернорабочим, который вместе со своей женой жил тихой и непритязательной жизнью в окрестностях Мадрида, на противоположном берегу Мансанареса, где где-то в семнадцатом веке в его память была возведена часовня. Из многих чудес, которые, как предполагается, совершил этот святой, ни одно не отличается от обычных деяний, приписываемых святым людям. Будучи фермером, он призывал голосом воду из иссушенной земли, и ангелы помогали его волам вспахивать поля.

За исключением изображения Девы де ла Альмудена и жизни Сан-Исидро, Мадрид не имеет церковной истории — Дева де ла Аточа была забыта, но она всего лишь копия своей сестры девы. Монастыри, конечно, столь же многочисленны, как и везде в Испании; кирпичные приходские церкви с ярко выраженным испано-восточным обликом вздымают свои купола ввысь почти на каждой улице, самой большой из них является Сан-Франциско-эль-Гранде, который, наряду с Сан-Антонио-де-ла-Флорида (с несколькими прекрасными картинами Гойи), является единственным храмом, который стоит посетить.

Что касается здания собора, то в нижней части города находится большая каменная церковь, посвященная Сан-Исидро; она служит вместо кафедрального собора до тех пор, пока не будет завершено новое здание, начатое около 1885 года.

Это новое здание, собственно говоря, кафедральный собор, должно стать десятым чудом; оно будет построено из гранита, а его фундамент будет возвышаться рядом с королевским дворцом на том самом месте, где была найдена Дева Мария де ла Альмудена и где до 1869 года церковь хранила священное изображение; новое здание будет посвящено тому же божеству.

К несчастью, возведение нового собора продвигается медленно; пока что заложены только камни фундамента и закончен склеп. Средства на его возведение полностью зависят от милостыни, но, поскольку религиозный пыл, который подстрекал жителей Сеговии в шестнадцатом веке, сегодня почти угас, вопрос о том, будет ли Мадридский собор когда-нибудь достроен, остается открытым.

Временный собор Сан-Исидро был возведен в семнадцатом веке; две его неуклюжие башни незакончены, западный фасад, расположенный между башнями, суров; четыре колонны поддерживают балкон, за которым выглядывает купол, венчающий *Круазе*.

Внутри нет ничего интересного, на что можно было бы полюбоваться, за исключением нескольких картин, одна из которых написана Дивино Моралесом. Неф светлый, но часовни настолько темные, что внутри почти ничего не видно.

Эта церковь до изгнания иезуитов была храмом их ордена, посвященным святым Петру и святому Павлу; рядом с ней была возведена иезуитская школа, которая была включена в состав государственных колледжей.

Alcalá de Henares

Примерно в двадцати милях к востоку от Мадрида находится некогда славный университетский город Алькала, известный прежде всего тем, что был колыбелью Сервантеса и очагом, если не домом, кардинала Сиснероса.

Ее история и упадок - одни из самых печальных; последнее во многих отношениях служит адекватным символом чудовищного падения самой Испании.

САН ИСИДРО, МАДРИД

Римляне основали Алкалу; это был их Комплутум, немногочисленные остатки которого были обнаружены в окрестностях современного города. Тем не менее, несмотря на отсутствие существенных доказательств, жители региона по-прежнему с гордостью называют себя комплутенцами.

Когда западные готы были правителями полуострова, римские памятники, должно быть, были полностью разрушены, поскольку все следы стратегического оплота были стерты с карты Испании. Вторгшиеся арабы, обладавшие в определенной степени римским военным чутьем и дальновидностью, построили крепость на том месте, где сегодня стоит здание Государственного архива. Этот замок использовался ими как одно из укреплений Толедо на севере от воинственных христианских королей.

В двенадцатом веке крепость перешла в руки христиан; в последующие столетия она была сильно перестроена кардиналами-архиепископами Толедо, которые использовали ее и как свой дворец, и как свою крепость.

За стенами замка с бастиянами и башнями под его покровительственной тенью вырос новорожденный город. Известная по арабскому названию своей крепости (Аль-Кала), она последовательно получала крещение Алькала-де-Сан-Хусто, Алькала-де-Фенарес, а с шестнадцатого века - Алькала-де-Энарес (*эно*, староиспанское *feno*, что означает сено). Защищенный таким могущественным оружием, как оружие князей Церкви, он превратился во второй Толедо, город церковных шпилей и монастырских стен, но сегодня от них сохранилось лишь небольшое количество, свидетельствующее о религиозном рвении средневековья.

Всемирную известность Алькала приобрел в пятнадцатом веке благодаря покровительству кардинала Сиснероса, который построил университет, в свое время один из самых знаменитых в Европе, а сегодня представляющий собой лишь остов архитектурной красоты.

Тот же прелат возвел Сан-Хусто в ранг суффрагистской церкви; ее капитул состоял только из ученых профессоров университета, как и ее каноники; Леон X. присвоил ей завидный титул *La Magistral*, "Ученый", что указывает на ее уникальность в христианском мире. Многоязычная Библия, опубликованная в шестнадцатом веке и известная во всей Европе, была составлена этими учеными под руководством Сиснероса, и любимый город затмил недавно построенный Мадрид, расположенный в двадцати милях от него, и соперничал с Саламанкой в учености, а с Толедо - в мирском и религиозном великолепии.

С годами Мадрид становился все больше и больше, и, следовательно, Алькала-де-Энарес отошла в тень имени. Университет, по праву гордость Комплутензе, был перенесен в столицу; собор из-за отсутствия надлежащего ухода пришел в безвременное упадок; епископский дворец был конфискован государством, которое, помимо ремонта, заполнило его семьдесят с лишним залов рядами пыльных документов и правительственных бумаг.

Сегодня город влачит утомительное, бездеятельное существование: солдаты из казарм и священники в длинных рясах из церкви заполняют улицы, и их так же много, как гражданских жителей, если не больше; монастыри монахинь, представляющие собой либо поросшие травой руины, либо мрачные здания с решетками, встречаются на каждом шагу.

Незнакомцы спешно посещают это место утром и возвращаются в Мадрид днем; они покупают жестяную коробку сахарного миндаля (фирменное блюдо города), небрежно осматривают университет и архиепископский дворец, равнодушно смотрят на некоторые реликвии Сервантеса и фасад собора. Кроме того, им говорят, что в таком-то доме родился бессмертный автор "Дон Кихота", что является низкопробной, хотя и понятной выдумкой, потому что такого дома сегодня не существует.

Вот и все; возможно, пересекая единственную площадь города, путешественник заметит, что она может похвастаться не менее чем тремя названиями, несомненно, с целью скрыть свою вопиющую наготу. Эти три названия - Пласа де Сервантес, Пласа Майор и Пласа Конституции, последнее из которых смело раскинулось напротив ратуши и, кажется, напоминает о эфемерных усилиях республики в 1869 году.

В третьем веке от рождества Христова двое младенцев, Хусто и Пастор, проповедовали Слово Истины неверующим римским правителям Комплутума. Результат не был ни в малейшей степени удивительным: двое младенцев лишились своих детских головок из-за того, что потрудились побеспокоить воинов.

Но Ватикан вспомнил о них и канонизировал Пастора и Хусто. Сотни церквей, залитых кровью мучеников, выросли во всех уголках полуострова, чтобы увековечить языческую жестокость и побудить всех людей следовать примеру двух младенцев.

Однако никто не знал, где покоятся бранные останки Хусто и Пастора. В четвертом веке место их упокоения было чудесным образом открыто некоему Австурио, архиепископу Толедскому, который приказал перенести их в свой собор. Они недолго оставались в городе первосвященников, поскольку нашествие мавров вынудило всех истинно верующих спрятать церковные реликвии. Таким образом, Хусто и Пастор снова скитались из деревни в деревню, убегая от неверных, пока временно не упокоились в соборе Уэски на севере Арагона.

В Алкале их память была жива в посвященной им приходской церкви. Но по мере роста города было сочтено предпочтительным построить солидный храм, достойный святой пары, и Карильо, архиепископ Толедский, приказал снести старую церковь и начал возведение более крупного здания. Это произошло в середине пятнадцатого века, когда Хименес де Сиснерос, решавший судьбу Испании и ее церкви, дал ей упомянутую ранее церковную конституцию.

Пятьдесят лет спустя изможденные тела двух младенцев были с триумфом доставлены в их родной город под ликование и восхищение народа и помещены в кафедральный собор Сан-Хусто, который в то время был коллегиальной церковью Толедо.

Несколько лет назад кафедральный собор Сан-Хусто был осужден государственным архитектором и закрыт. Сегодня это унылые руины, среди зубчатых стен растут пучки травы. Капитул, лишив древнее здание главного алтаря, драгоценных реликвий и картин, киосков и других принадлежностей, поместил собор в иезуитском храме, незначительном здании на другой окраине города. Недавно заброшенные руины были объявлены национальным памятником, а это означает, что государство обязано взяться за их реставрацию.

La Magistral - кирпичное здание, поражающее простотой и строгостью общих очертаний. Его декоративные элементы оживлены, но отличаются истинно испанской обнаженностью и отсутствием элегантности. Хотя принципы Ренессанса не вошли в композицию, как можно было бы предположить, учитывая дату возведения, тем не менее, отсутствие выступающих контрфорсов, скудость окон, незакрашенные углы западного фасада, голые стены и плоские, хотя и слегка покатые крыши доказывают, что "простой и строгий стиль" скрыт в сознании художников.

АКАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР ЛА-КАЛА-ДЕ - ЭНАРЕС

Апсида хорошо развита, а *круазе* увенчана куполом; башня, обрамляющая западный фасад, массивная; она украшена глухими арками и оживляющими арабесками.

План здания имеет латинскую крестообразную форму; проходы расположены лишь немного ниже нефа и переходят в апсиду за главным алтарем в виде подвижного перехода. Склеп, куда ведут две двери эпохи Возрождения в *трасалтаре*, просторный, в нем покоятся тела Сан-Хусто и Сан-Пастора.

Общее впечатление, производимое на душу туриста, - это грусть. Строгость конструкции усиливается отсутствием каких-либо отвлекающих декоративных элементов, за исключением изящного *потолка в стиле мудехар* слева при входе.

В царящей тени этого заброшенного храма в одиночестве и тишине возвышаются две великолепные гробницы. Это имена Карильо и кардинала Сиснероса, последнего, одного из величайших сынов Испании и одного из ее самых противоречивых гениев. Его гробница представляет собой великолепный мраморный памятник в стиле Ренессанса, окруженный массивной бронзовой решеткой превосходной работы, чудом испанского искусства обработки металла шестнадцатого века. Другая гробница отличается простым оживительным декором, а распростертое изображение Карильо - одно из лучших в Иберии, которым может полюбоваться турист.

Жизнь Карильо была жизнью беспокойного, амбициозного и искушенного в жизни человека. Когда он умер, его похоронили в монастыре Сан-Хуан-де-Диос, где до него был похоронен его незаконнорожденный сын, "ибо, - сказал архиепископ-отец, - если при жизни мои одежды разделяли меня и моего сына, то после смерти мы будем едины".

Но он не принимал во внимание своего хозяина, или, скорее, его преемника, человека, чьи останки теперь покоятся рядом с его собственными в тени великих руин. "Ибо, - сказал Сиснерос, - Церковь должна отделить человека от его греха даже после смерти". Поэтому он приказал оставить сына в монастыре, а отца привести в храм, который он начал возводить.

V

SIGÜENZA

ТНЕПроисхождение крепости, превосходно расположенной к северу от гвадалахары, несомненно, мавританское, хотя поблизости находится Вильявьега, где римляне основали город на поперечной дороге из Кадиса в Эстрагон, названный ими Сегунсия, или Сегонция.

Когда христианская религия впервые появилась в Испании, считается, что Сигуэнса, или Сегонсия, обладала епископской кафедрой; однако о первых епископах ничего достоверно не известно, пока Протоген не подписал третий Толедский собор в 589 году.

Считается, что в правление Альфонсо VI, который завоевал Толедо и регион к югу от Вальядолида и далее на восток до Арагона, Сигуэнса была вновь заселена, хотя в более ранних хрониках того времени об этом месте ничего не упоминается. Все, что известно, это то, что Альфонсо VII немедленно назначил епископа. на вакансию, которая длилась более двухсот лет, в течение которых Сигуэнса была одной из провинциальных столиц Королевства Толедо. Первым известным епископом был дон Бернардо.

История города никогда не была самой блестящей. Во времена Альфонсо VII. при его непосредственных преемниках он приобрел определенное значение как пограничный оплот, сдерживающий растущие амбиции королевского дома Арагона. Но после объединения Кастилии и Арагона его значение постепенно уменьшилось; сегодня, если бы не епископство, на карте Испании стало бы на одну историческую деревню больше.

Во времена правления Петра Жестокоего его замок, считавшийся, наряду с замком Сеговии, самым сильным в Кастилии, некоторое время использовался как тюремный дворец для самой несчастной принцессы, Доньи Бланки, которая, будучи замужем за его католическим величеством, была свергнута на третий день свадьбы бессердечным и страстным любовником Падильи. Сначала ее заперли в Толедо, но король счел Алькасар недостаточно сильным. Поэтому ее отправили в Сигуэнсу, где в народе считается, хотя документы это опровергают, что она умерла или была предана смерти.

Город принадлежал епископу; это была его феодальная собственность, и он перешел к его преемникам в престоле. Из деяний этих воинов-прелатов первый, дон Бернардо, был, несомненно, самой яркой личностью, повелителем тысячи вооруженных вассалов и трехсот всадников, которые сражались вместе с императором почти во всех великих битвах в Андалусии. Считается даже, что он умер с обнаженным мечом в руке и что его останки были возвращены в город, первым и бесспорным лордом которого он был.

В мощном замке, венчающем город, не было, как это обычно бывало, *алькальда*, или губернатора; это был епископский дворец, или резиденция, обстоятельство, которое, вне всякого сомнения, доказывает двойное значение епископа: духовного лидера и военного деятеля, более влиятельного и богатого, чем любой прелат в Испании, за исключением архиепископов Толедо и Сантьяго.

Во время французского вторжения в начале девятнадцатого века Сигуэнса уже утратила свое политическое значение. Захватчики заняли замок и, по своему обыкновению, бросили документы и архивы в огонь, чтобы освободить место для себя и с комфортом провести зиму.

Следовательно, имеющиеся у нас сведения о кафедральном соборе весьма скудны. Четвертым епископом был Джослин, англичанин, приехавший сюда с Элеонорой, дочерью Генриха II, вышедшей замуж за короля Кастилии. Он (епископ) был ни на йоту не менее воинственным, чем его предшественники; он помог королю завоевать город Куэнка, и когда он погиб на поле битвы, только его правую руку отнесли обратно к престолу, в часовню святого Фомы Кентерберийского, которую покойный прелат основал в новом соборе, и она была похоронена под камнем, на котором высечена следующая надпись:

"Hic est inclusa Jocelini præsulis ulna."

Из вышесказанного мы можем заключить, что строительство собора, должно быть, было начато до приезда англичанина в Испанию, то есть в начале двенадцатого века. Несомненно, сводчатую башню закрыли по крайней мере сто лет спустя; тем не менее, это один из уникальных и в то же время самых красивых испанских памятников переходного периода.

Город Сигуэнса, расположенный на склонах холма, увенчанного замком, скорее деревня, чем город; однако в Испании меньше мест, более живописных в преклонном возрасте, и в архитектуре есть определенное единообразие, напоминающее немецкие города; это совсем не характерно для Испании, где так много стилей смешиваются, что их с трудом можно отличить друг от друга.

Переходный стиль — между сильным романским стилем и воздушным оживалем — является *визитной карточкой города*, с особой тщательностью нанесенной на красивый собор, который стоит на склоне холма к северу от замка.

Две массивные квадратные башни с зубчатыми навершиями и несколькими круглыми окнами обрамляют западный фронт. Три портала выполнены в массивном романском стиле без каких-либо цветочных или скульптурных украшений; центральная дверь больше и увенчана большой, хотя и примитивной розеткой. Высота проходов и нефа обозначена тремя оживальными арками, рельефно вырезанными на фасаде; уже здесь отчетливо видна смесь обоих стилей, романского с круглыми арками и остроконечной готики, — как и в окнах нефов, которые выполнены в романском стиле, и нефа, которые являются оживальными, — в контрфорсах, которые опираются на нижнюю часть корпуса и развешаются на верхнем этаже, объединяя внешний вид верхнего этажа с фасадом нефов. (Сравните с апсидой собора в Луго.)

Портал южного рукава трансепта - уродливое дополнение, более современное и совершенно не гармонирующее с остальным. Роза над дверью - одна из самых красивых в Испании переходного периода, а витражное стекло одновременно богатое и сочное.

Интерьер демонстрирует такое же гармоничное сочетание более сильного и торжественного старого стиля и изящной легкости нового. Но нерешительность архитектора также очевидна, особенно в робко изогнутом своде.

Первоначальный план церкви, несомненно, был чисто романским: римская крестообразная форма с трехлопастной апсидой, центральная намного длиннее, чтобы вместить главный алтарь.

Однако в шестнадцатом веке за главным алтарем была построена амбулатория, соединяющая два нефа, а главный алтарь перенесли к востоку от трансепта.

Как жаль, что огромный хор, расположенный в центре церкви, полностью загораживает вид на ансамбль нефа и нефелинов, разделенных массивными византийскими арками между прочными колоннами, которые, в свою очередь, поддерживают зарождающийся оживальный свод высокого нефа! Будь это, а также гротескный *траскоро*— образец самого неудачного художественного вкуса — где угодно, кроме центра церкви, какой великолепный вид открывался бы на длинные, узкие и высокие нефы, в которых старое и новое сочетались в совершенной гармонии, вместо того чтобы бороться друг с другом и сталкиваться, как это происходило во многих испанских кафедральных церквях!

Одной из самых богато украшенных частей церкви является ризница, небольшое помещение, сплошь увешанное медальонами и скульптурными рисунками самой разнообразной тематики. Несмотря на арабский вкус (*мудехар*), в композицию не вошли мавританские элементы, и, следовательно, это один из самых изысканных, если не самый лучший образец христианского арабского убранства.

VI

CUENCA

ТО К востоку от Толедо и к северу от равнин Ламанчи, Куэнка расположена на крутом холме, окруженном горами; высокий каменный мост, перекинутый через зеленую долину и стремительную реку, соединил город с горным плато; сегодня средневековый мост был заменен железным, который резко контрастирует с сонным видом пейзажа.

Никогда еще город не был основан в более живописном месте. Это почти похоже на Гешенен в Швейцарии, с той разницей, что в то время как в последней названной деревне белоснежная церковь вздымает свой шпиль ввысь, в Куэнке самое видное место в городе занимает большой собор, богатый декоративными аксессуарами, но в то же время мрачный и суровый в своем богатстве.

О происхождении города ничего не известно. В десятом и одиннадцатом веках Конка была неприступной арабской крепостью. В 1176 году объединенные армии Кастилии и Арагона под командованием двух государей, Альфонсо VIII. Кастильского и Альфонсо II. король Арагона осадил крепость, и после девятимесячного терпения Алькасар сдался. Согласно народному преданию, она была выиграна предательством: некий Мартин Альхакса, пленник и пастух по профессии, ввел христиан, переодетых в овечьи шкуры, в город через задние ворота.

Поскольку завоевание Куэнки стоило королю Кастилии таких хлопот (его партнер-арагонец не стал дожидаться окончания осады), и поскольку он полностью осознавал его важность как стратегического форпоста против Арагона на севере и против мавров на юге и востоке, он придавал особое значение тому, чтобы город был сильно укреплен; он также предоставил особые привилегии тем христианам, которые вновь заселят или, скорее, заселят зарождающийся город. Несколько лет спустя Понсе Лусио III. возвел церковь в ранг епископальной кафедры, назначив Хуана Яньеса, толезанца Музараба, ее первым епископом (1183).

В отличие от Сигуэнсы, феодального владения епископа, Куэнка принадлежала исключительно монарху Кастилии; следовательно, замком от имени суверена владел губернатор, — одно время им управляли даже четверо одновременно. Между этими губернаторами и жителями города было много стычек, особенно в первой половине пятнадцатого века, самого мрачного и позорного периода кастильской истории.

Эта история рассказывается о некоей донье Инес де Баррьентос, внучке епископа по материнской линии и губернатора по отцовской. Похоже, что ее муж был убит кем-то из самых богатых граждан города. Изображая радость по поводу смерти своего супруга, вдова пригласила убийц к себе домой на банкет, когда "*después de opípara cena* (после превосходного обеда) они перешли от летаргии опьянения к вечному сну, убитые скрытыми слугами". На следующее утро их тела свисали из окон дворца и вызывали не гнев, а безмолвный ужас и дрожь у охваченных ужасом жителей.

С инквизицией, осадой англичанами в 1706 году, вторжением французов в 1808 году Куэнка быстро утратила всякое значение и даже политическую значимость. Сегодня это одна из многих живописных руин, которые представляют мало интереса для ценителей искусства, поскольку даже их старость пришла в упадок, а памятники тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого веков все до единого были испорчены рукой времени и менее цепкой рукой *рестораторов*- или архитекторов—ремонтников.

Византийский характер, арабский вкус первобытных жителей также были утрачены. Кто бы мог подумать, осмотрев собор, что когда-то он служил главной арабской мечетью? Полностью перестроенный, как и большинство примитивных арабских домов, он утратил все следы первых основателей, в большей степени, чем в других городах, где арабы оставались всего несколько лет.

Святым покровителем Куэнки является Сан-Хулиан, один из первых епископов собора, который вел праведную жизнь, отдавая все, что имел, и не беря ничего чужого, и который ушел со своего престола, чтобы вести скромную жизнь плетущего корзины, сидя с ветками ивы под арками высокого моста и проповедуя святые слова погонщикам погонщиков мулов, когда они приближались к городу, до своей смерти в 1207 году.

В том же столетии арабская мечеть была снесена и началось строительство нового собора. Это примитивный оживальный (испанский) храм тринадцатого века с небольшими элементами романско-византийского стиля. В отличие от собора Сигуэнсы, он не является ни элегантным, ни гармоничным, ни представляющим большой архитектурной ценности; его богатство заключается главным образом в часовнях, в дверях, ведущих в монастырь, в ризнице и в элегантном главном алтаре.

Монастырская дверь, пожалуй, является одной из прекраснейших деталей кафедрального собора: оформленная в стиле платереск, распространенном в Испании в шестнадцатом веке, она представляет собой один из лучших образцов указанного стиля, который можно найти где бы то ни было, и хотя орнамент совершенно отличается от ризницы Сигуэнсы, она, тем не менее, напоминает ее по общей композиции.

Чрезвычайно высокий неф украшен глухим трифорием оживальных арок; проходы мрачные и ниже нефа. С другой стороны, трансепт, широкий и простой, похож на неф и такой же длины, как ширина церкви, включая боковые приделы. *Круазе* венчает *чимборио*, незначительный по сравнению с таковыми в Саламанке, Саморе и Торо.

Северная и южная оконечности трансепта отличаются друг от друга по стилю. Южный имеет оживленный портал, увенчанный розой; северный, выполненный в виде платерески, представляет собой изящно украшенную округлую арку, опирающуюся на коринфские колонны.

Восточная часть церкви была сильно изменена — о чем ясно свидетельствует смешение стилей пятнадцатого века, причем не в пользу ансамбля. Византийские колонны и даже подковообразные арки сочетаются с элементами готики.

Из всех часовен большая часть богато украшена не только гробницами и надгробными произведениями, но и картинами, некоторые из них работы известных мастеров.

В целом, кафедральный собор Куэнки не вызывает никаких чувств, свойственных религиозным храмам. Ни в коем случае не самый худший собор в Испании, ни с точки зрения размеров, ни величественности, тем не менее ему не хватает убедительности, как будто художник, нарисовавший примитивный план, просчитался с его окончательным видом. Добавления, вызванные необходимостью или аварийным состоянием некоторых частей, оказались неудачными, как это обычно бывает со всеми последующими работами.

Декоративное богатство часовен, которое действительно поражает воображение в таком маленьком городке, роскошная демонстрация гротескных элементов, наличие довольно хорошей *прозрачности*, а также богатое оформление листьями византийских колонн и платересковых арок придают этой церкви особую *изюминку*, которой нет больше нигде.

То же самое можно сказать и о городе, и о жителе. По словам авторитетного источника, "Куэнка - национальный, испанский город, это типичный сельский населенный пункт". Тем не менее, это настолько типично, что ни один другой город не похож на него.

VII

ТОЛЕДО

А ЛЕС *alminar*, вздымающихся с покрытого крышами холма и пронзающих далекое лазурное небо; разрушенное кладбище, окруженное с трех сторон стремительным течением Таго, прокладывающим пенящийся путь через предгорья, и уходящее с четвертой стороны к заснеженной Сьерра-де-Гредо Вдалеке, за плодородными прериями и равнинами Новой Кастилии.В

Таков Толедо, знаменитый, замечательный, овеванный легендами город-примат всей Испании, бывшая богатая столица Испанской империи!

Мадрид узурпировал все свои гражданские почести во время правления Филиппа II, того, кто проиграл Армаду и построил Эскориал. С тех пор Толедо, как и Алькала-де-Энарес, Сеговия и Бургос, влачит жалкое существование, замерзает зимой и выжигается летом, и в любое время года его посещают зеваки-туристы всех национальностей.

Даже подход к городу со станции, расположенной в миле отсюда, особенно характерен. Сидя в старом и шатком омнибусе, запряженном четырьмя измученными мулами, и сопровождаемый по пыльной дороге бегущими нищими, которые с удивительной живостью и меланхолической

улыбкой в больших черных глазах выкрикивают по-французски: "*Un p'tit sou, mouchieur*", посетитель резко огибает утес, когда внезапно появляется таинственный Толедо, венчающий противоположный холм.

Легким галопом мулы пересекают мост Алькантара и проезжают под одноименными воротами - массивным сооружением, все еще охраняющим изъеденный временем город, как и столетия назад, когда Толедо был готической столицей. Посетителя торопливо везут вверх по извилистой дороге, под торжественными, опустошенными пожаром стенами Алькасара; он скрывается от палящего солнечного света в мрачном лабиринте плохо вымощенных улиц, чтобы через несколько минут появиться на главной площади.

Толпа орущих, жестикулирующих переводчиков буквально хватается за туриста и за десять секунд исчерпывает свой словарный запас иностранных слов. Наконец один торжествующе уходит рядом с новоприбывшим, в то время как остальные, пренебрежительно пожимая плечами и гася свой вулканический выброс энергии, слоняются по площади, покурявая сигареты.

Посетителю не требуется много времени, чтобы заметить, что он находится в большом археологическом музее. Улицы кривые и узкие, настолько узкие, что крошечный клочок неба над головой кажется ярче, чем когда-либо, и дальше, в то время как по обе стороны стоят мрачные дома с небольшим количеством окон и чудовищными, утыканными гвоздями дверями. На каждом шагу церковь поднимает голову, и унылый дух дворца смотрит печально пустым взглядом из-за *риз* из кованого железа и сложного герба, вырезанного из камня. Дверь редко открывается; когда это происходит, прохожий мельком видит залитый солнцем внутренний двор, великолепно освещенный и украшенный множеством цветов. Эффект, произведенный внезапным контрастом между безрадостной улицей и солнечным садом, о существовании которого никто и не мечтал, восхитителен и никогда не забудется; у Теофиля Готье, побывавшего в Северной Африке, стране мусульманских гаремов, вырвалось пикантное восклицание: "Мавры были здесь!"

Каждая палка, камень, холмик, дом, фонарь и все, чего нет, имеет свою легенду. В этом скромном *посаде* Сервантес, чей родовой замок находится вон на том утесе, возвышающемся над Таго, написал своего "*Героя Фрегонь*". Семейная история вон того дворца-крепости вдохновила романтическое перо Зориллы, а тысяча и один другой предмет напоминают о прошлом — прошлом, которое является настоящим Толедо и, несомненно, должно стать ее будущим.

Прошли те времена, когда Толайтола была несравненной жемчужиной, за которую сражались мавры и христиане, пока, наконец, приверженцы Истинной Веры не прогнали арабов, бежавших на юг, откуда они пришли. Давно закрыты также знаменитые кузницы, где мечи — тогда их называли толезанскими клинками — ковались такими гибкими, что могли гнуться, как часовая пружина, такими прочными, что могли расколоть наковальню, и такими острыми, что могли разрезать подушку из гагачьего пуха надвое, не сдвинув ни перышка.

Более того, отдалены ночи *капа-и-эспада* и чудеса, творимые Пресвятой Девой; померкло до жалкой тени царственное великолепие первосвященников-прелатов всех Испаний, тех духовных князей, которые не спрашивали совета у папы и не получали приказаний от Святого Петра в Риме. Кроме того, из двухсот тысяч душ, которые гордились тем, что назывались сынами Толедо во времена Карла-Квинта, только семнадцать тысяч жителей остались сегодня охранять великий город-музей страны, еще не запятнанный прогрессом и современной цивилизацией, огромной рекламой и прочими удобствами повседневной жизни в других краях.

История города объясняет смешение архитектурных стилей и причудливые модификации, внесенные в готические, византийские или арабские сооружения.

Легенды обвиняют Толедо в том, что он был таинственным образом основан задолго до рождения Рима на семи холмах. Однако для нас он впервые появляется в истории как римская крепость, столица одной из провинций Испании.

Святой Иаков, как мы уже видели, путешествовал по этому полуострову; он прибыл в Толедо. Согласно преданию, он был так восхищен этим местом и людьми, что постановил, что в городе на реке Таго должна находиться главная церковь всей Испании.

Побежденные римляне отступили, оставив потомкам лишь жалкие руины к северу от города; западные готы построили грозные городские стены, которые стоят до сих пор, и, обратившись в христианство, их король Рекаредо был крещен в водах реки, и Толедо стал процветающей столицей королевства вестготов (512 г.н.э.).

Мавры в своем походе на север завоевали и Церковь, и государство. Легенды витают вокруг внезапного появления берберских орд в Андалусии и обвиняют Родриго, последнего короля готов, в том, что он оскорбил Флоринду, прекрасную девушку, которую он видел из окна своего дворца купающейся в мраморной ванне возле Таго, — ванну показывают и по сей день, - и в которую он влюбился. Отец, граф Джулиан, губернатор Сеуты, призвал мавров на помощь в его праведном деле мести, и, как часто бывает в подобных случаях, союзники, не теряя времени, стали хозяевами и завоевателями.

Почти четыреста лет арабы оставались в своей любимой Толайтоле; следы их пребывания видны повсюду: на улицах и во *внутренних двориках*, в причудливых арабесках и, прежде всего, в Санта-Мария-ла-Бланка.

Испанцы вернулись и принесли с собой христианство. Они возвели огромный собор и превратили мечети в часовни, не изменив восточной формы.

Евреи, арабы и христиане мирно жили вместе в течение четырех последующих столетий. Вместе они создали башню Сан-Томас в стиле *Мудехар* и Пуэрта-де-Соль. Чистая готика была преобразована, став еще более невещественной и легкой, благодаря восточным декоративным мотивам. В Сан-Хуан-де-лос-Рейес стиль *Мудехар* оставил уникальный образец того, во что он мог бы превратиться, если бы его не уничтожил Ренессанс, пришедший из Италии, где арагонские войска завоевали королевство Обеих Сицилий.

С появлением первого Philips — и даже раньше — иностранные рабочие целыми косяками приезжали в Толедо из Германии, Франции, Фландрии и Италии. Они также добились своего, большего, чем в любом другом испанском городе, и их вкусы помогли объединить ту несочетаемую массу архитектурных стилей, которая является единственным городом Толедо из всех. В Гранаде может быть своя Альгамбра, в Кордове - своя мечеть, в Леоне - свой кафедральный собор, а в Сеговии - свой Алькасар, но ни один из них не отличается такой роскошью, сложным величием и превосходной — и все же часто гротескной — путаницей всех тех художественных волн, которые захлестнули Испанию. В этом отношении Толедо уникален в Испании, уникален в мире. Можем ли мы удивляться, что его называют музеем?

Алькасар, откуда открывается вид на стремительный Таго, является символом прошлого Толедо. Он последовательно сжигался и отстраивался заново; его четыре фасада, здесь суровые и неприступные, там гротескные и никчемные, отличаются друг от друга так же сильно, как века, в которые они были построены. Восточный фасад датируется одиннадцатым, западный - пятнадцатым, а два других - шестнадцатым и семнадцатым веками.

Но в Толедо богато представлены и другие виды искусства, помимо чисто архитектурных. Столица Испании в дни, последовавшие за падением Гранады, была центром промышленного

искусства, где как иностранные, так и национальные рабочие, язычники, евреи и христиане, смешанные, создавали такие чудеса, которые попали в музеи по всему миру; кроме того, толезанские скульпторы являются одними из самых известных в Испании.

Что касается живописи, жизнь одного художника связана с жизнью чудесного города на реке Таго; многие из его шедевров можно увидеть в церквях Толедо и в провинциальном музее. Я имею в виду Доменико Теотокопули, того, кого считали сумасшедшим, потому что он был гением, и кого называли *эль Греко*, хотя на самом деле его следовало бы называть *эль Толедано*.

Если Толедо - национальный архитектурный музей, то городской собор, огромное внушительное готическое сооружение, без сомнения, является ни с чем не сравнимым художественным музеем. Столетия скульпторов резали мрамор и *беррокенью*; армии ремесленников создавали чудеса из тканей, металлов, драгоценных камней, стекла и дерева, а множество художников, как иностранных, так и национальных, от Гойи и Риберы до Греко и Рубенса, рисовали религиозные композиции для ризницы и часовен.

Следовательно, помимо архитектурной красоты первосвященнической церкви Испании, что интересует, возможно, больше, чем изучение остова собора, так это изучение ансамбля, того богатства декоративных узоров и бесценных предметов искусства, которыми прежде всего славится храм.

До прихода мавров в восьмом веке на том месте, где сейчас возвышается великолепная церковь, возвышалась трехсотфутовая башня. Он был построен в шестом веке и посвящен Пресвятой Деве, которая явилась на том же месте Сан-Ильдефонсо, когда последний, пылкий и неистовый, защищал ее Незапятнанную Честь перед группой скептиков.

Мавры снесли или переделали собор и воздвигли на его месте свою главную мечеть. Когда триста лет спустя они передали свою Толайтолу Альфонсо VI. (1085), они оговорили сохранение своей *мескиты*, пункт, который король, у которого было мало времени на ссоры, был только рад разрешить.

Однако на следующий год король Альфонсо отправился в поход, оставив свою жену Донью Констанцу и архиепископа Дона Бернардо присматривать за городом в его отсутствие. Не успел он отвернуться, как в одно прекрасное утро дон Бернардо появился перед мечетью в сопровождении пестрой толпы добропорядочных христиан. Он постучал в главную дверь и, войдя, выбросил на улицу священные предметы исламского культа. Затем христиане приступили к установке алтаря, распятия и образа Богородицы; архиепископ освятил свою работу и через час был улыбающимся обладателем своего престола. Как ни странно, дон Бернардо был не испанцем, а достойным французом.

Известие об этом оскорблении его чести заставило Альфонсо поспешить обратно в Толедо, поклявшись отомстить тем, кто, по-видимому, заставил его нарушить королевское слово; по дороге его встретил комитет арабских жителей, которые, достаточно умные, чтобы понять, что государь восстановит мечеть, но с тех пор будут смотреть на них как на причину своего разрыва с женой и другом прелатом, попросили короля простить злодеев, заявив, что они добровольно отказались от своей мечети, зная, что другие условия сдачи будут свято соблюдены. соблюдается его Величеством.

Благодаря такому благородному (хитрому) отношению со стороны разъяренных мавров последние смогли жить в мире в стенах Толедо вплоть до семнадцатого века.

В начале XIII века Фернандо эль Санто был королем Кастилии, и его столицей был город на реке Таго. Растущая нация была сильна и полна амбиций, в то время как приход клунийских монахов,

фламандских и немецких ремесленников перенес Северную готику через границы. Так государю и его народу пришло в голову воздвигнуть главный собор христианской Испании, достойный своего названия. В 1227 году благочестивый король-воин заложил первый камень. Были прорисованы очертания собора: римское крестообразное готическое сооружение с пятью нефами и смелым трансептом; две фланговые башни, из которых была построена только северная, другую заменил купол в решительном византийском или восточном вкусе, — и благородный западный фасад с тремя огромными дверями, увенчанными круглой розеткой тридцати футов шириной.

Размер здания сам по себе был гарантией того, что оно станет одним из крупнейших в мире: четыреста футов в длину, двести в ширину и сто футов в высоту на пересечении трансепта и нефа.

Т КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР ОЛЕДО

На строительство собора ушло 250 лет, и даже тогда по-настоящему он был завершен только к середине восемнадцатого века. Тем временем нация достигла апогея могущества и богатства и осыпала свой великий собор драгоценностями. Колумб вернулся из Америки, и первое привезенное им золото было передано архиепископу; иностранные ремесленники — особенно фламандцы и немцы — прибывали сотнями, и Талавера, Сиснерос и Мендоса наняли их для украшения церкви. К несчастью, были внесены дополнения: стрельчатые арки фасада были увенчаны прямоугольным корпусом, который не имел ничего общего с принципом, установленным, когда собор должен был быть чисто оживленным.

Внутреннее убранство церкви также было увеличено, особенно главный алтарь, основание которого было увеличено вдвое. *Ретабло* из крашеного дерева было возведено ближе к концу пятнадцатого века, как и многие часовни, встроенные в стены здания, и они так же отличаются по стилю, как и святые, которым они посвящены.

Время шло, а богатые продолжали присылать в собор свои драгоценности и реликвии, и Сокровищница с ее картинами Рубенса, Дюрера, Тициана и т.д., а также с ее *саграрио*— резным изображением Богоматери, венчающим великолепно выточенный конус из серебра и драгоценных камней и покрытым богатыми тканями, сотканными из золота, серебра, шелка и драгоценных камней, — постепенно наполнялась накопленными сокровищами. Даже сегодня, когда Испания, по-видимому, достигла очень низкого уровня своей славы, Толедский собор остается почти нетронутым как единственный живой представитель величия Церкви и искусства, которое она взрастила в шестнадцатом веке.

Почти до начала девятнадцатого века здание постоянно расширялось, модифицировалось и ремонтировалось. Шестьсот лет прошло с тех пор, как был заложен первый камень! Каких только превратностей не видела страна — и сколько художественных волн захлестнуло полуостров!

Готика прослеживается во всем здании: здесь она яркая, там районная. Здесь изысканно представлены золотые и красные *мудехарские* потолки, как в зале капитула; в *azulejos* (разноцветные глазурованные плитки) и в декоративных узорах прослеживается мавританское влияние, например, в подковообразных арках трифориума в часовне главного алтаря. Здесь нет недостатка ни в деталях эпохи Возрождения, ни в строгом платереском вкусе (в решетках хоров и главного алтаря), и гротескный стиль также не обошел стороной великий собор Испании, поскольку за главным алтарем находится двойная амбулатория, то есть *transparente*, круглая часовня с самым великолепным ультра-декором, который можно найти где-либо в Испании.

К несчастью, сегодня в соборе можно наблюдать признаки упадка. Больше не уделяется такого внимания ремонту упавших кусков резного камня; светильники-голубятни, в которых горит мало масла, заменяют огромные бронзовые светильники прошлых дней, и никаких новых дополнений не вносится. Апогей собора достигнут; отныне он либо останется нетронутым на века, либо будет постепенно разрушаться.

Если смотреть снаружи, собор не производит такого впечатления, как мог бы. Вокруг него застроены жилые дома, а небольшие площади на юге и западе слишком незначительны, чтобы обеспечить хороший обзор ансамбля.

Тем не менее, зритель, стоящий возле западного фасада, либо вытягивающий шею к небу, либо рассматривающий семьдесят с лишним статуй, составляющих огромный портал главного входа, испытывает благоговейный трепет перед необъятностью здания перед ним, а также поражается количеству работ, необходимых для украшения портала.

Пуэрта-де-лос-Леонес, или южный вход, ведущий в трансепт, возможно, отличается более тщательной обработкой скульптурного убранства. Сама дверь, утыканная снаружи гвоздями и покрытая сверху листом бронзы с рельефом самой изысканной работы, является *шедевром* чеканки по металлу шестнадцатого века, в то время как резьба по дереву внутри является одной из лучших в соборе.

Эффект, производимый на зрителя внутри здания, совершенно иной. Высота и длина нефов, погруженных в тень, — поскольку проникающий свет освещает скорее часовни, встроенные в стены между выступающими контрфорсами, — поражают; *фактура* строгая и прекрасная в своей величественной простоте.

Не так обстоит дело с часовнями, которые украшены во всевозможных стилях и разукрашены со всей степенью роскоши. Самой большой является часовня Музараб под куполом, которая заменяет отсутствующую башню; кроме купола, эта часовня, где каждый день в году исполняется старый

готический обряд (в отличие от григорианского), построена в чистом готическом стиле; в ней есть прекрасная итальянская мозаика с изображением Богородицы, а также фрески, иллюстрирующие африканские войны кардинала Сиснероса, когда сражающийся прелат считал своим долгом перенести распятие и права Испании в Марокко, как его королевские хозяева перенесли их в Гранаду.

Остальные часовни, некоторые из которых имеют впечатляющую, хотя в целом сложную структуру, здесь придется опустить. Так же как и ризница с ее замечательной картиной Греко, и зал капитула с портретами всех архиепископов, элегантной резной дверью и хорошо сохранившимся *потолком из мудехара* и т.д. И мы проходим к центральному нефу и останавливаемся под *набережной Круазе*. На востоке находится главный алтарь, на западе - хоры, которые привлекают к себе большую часть нашего внимания. Ибо именно здесь люди сосредоточили свои дары.

Предметы, используемые на алтарном столе, сделаны из золота, серебра, яшмы и агата; *чудовище* в центральной нише алтаря также из серебра, а одежды, которые носит изображение, сотканы из золота, шелка и драгоценных камней. Две огромные решетки, закрывающие главный алтарь и восточный конец хоров, сделаны из железа, олова и меди, позолочены и посеребрены, их покрыли черной краской в девятнадцатом веке, чтобы избежать жадных глаз — и рук! — о французской солдатчине. Работа этих двух *rejas* относится к самому сдержанному периоду испанской классики или платереска, и хотя черный цвет еще не снят, серебро и золото проглядывают то тут, то там и показывают, каким блеском, должно быть, излучали эти элегантно украшенные перекладыны в восемнадцатом веке.

Три яруса партера для хоров, вырезанные из орехового дерева, являются одними из лучших в Испании как по мастерству исполнения, так и по удивительному разнообразию композиции. Два органа, расположенные друг напротив друга и достигающие самой высоты нефа, являются лучшими на полуострове, в то время как узоры мраморного покрытия, красные и белые у главного алтаря и черно-белые на хорах, только усиливают роскошный эффект, производимый статуями, кафедрами и другими аксессуарами, либо ярко раскрашенными, либо выполненными из полированного металла или камня.

Сам алтарь, слегка вогнутый по форме, является самым большим, если не лучшим, в своем роде. Он состоит из пирамидально расположенных ниш, обрамленных позолоченными колоннами и занятых статуями из раскрашенного и позолоченного дерева. Эффект на расстоянии ослепительный — красные, синие и золотые тона смешиваются вместе и образуют разноцветную массу, достигающую высоты нефа; при ближайшем рассмотрении становится видно, что работа выполнена одновременно грубо и наивно, примитивно по сравнению с более законченными *ретабло* из Бургоса, Асторги и т.д.

В заключение: посетитель, который, стоя между хорами и главным алтарем собора, смотрит на оба, оказывается как бы перед лицом огромной загадки. Он не может классифицировать: нет чистоты одного стиля, но есть смесь сотен стилей, чистых самих по себе, это правда, но не в ансамбле. Кроме того, индивидуальность каждого из них была утрачена или заглушена либо ультраукрашиванием, либо сопоставлением. Таким образом, получается коллективная ценность, которую нельзя разделить на части, ибо тогда она утратила бы все свое значение как художественное единство — сложное художественное единство, в данном случае характерное для Испании.

От такого гигантского *попурри* из чудес искусства нельзя почерпнуть ни покоя, ни медитации, ни откровенного восхищения, скорее это чувство — насколько это касается нас, северян, —

изумления, оцепенения и полной невозможности понять такое роскошное проявление идолопоклонства, а не веры, сценического эффекта, а не сдержанной молитвы.

Но тогда, возможно, именно это идолопоклонство и любовь к сценическому эффекту порождают в испанцах то, что мы назвали *религиозным благоговением*. Мы чувствуем это в готическом храме с длинными нефами; испанец чувствует это, стоя под *круазе* своих кафедральных соборов.

Все дело в расе.

КОНЕЦ.

Приложения

Я

Архиепископства и епископства Северной Испании

II

Размеры и хронология

АСТОРГА

Смотрите, посвященный Спасителю и Сан-Торибио.

Легендарное (?) возведение зее, 1 век (старейшее на полуострове).

Первый исторический епископ Доминисиано, 347 год н. э.

Во время арабского нашествия Си постоянно разрушался и отстраивался заново.

В 1069 году был возведен первый кафедральный собор (зарегистрированный).

В 1120 году был возведен второй собор.

В XIII веке был возведен третий собор.

В 1471 году был начат четвертый (нынешний) собор; закончен в XVI веке.

Возрождение XV и XVII веков; подражание возрождению Леона.

Главные достопримечательности: Северный фасад, ретабло в виде тарелки.

АВИЛА

Посвящается Сан-Сальвадору.

Первый епископ (легендарный?) Сан-Сегундо в I веке н.э.

Смотрите, разрушен во время арабского вторжения.

Первый епископ после реконкисты, Джеронимо в XI веке.

Дата основания и возведения неизвестна.

Легендарное основание, 1091; закончено в 1105 году (?).

Испанская готическая крепостная церковь конца XIII века.

Апсида XIII века; трансепт XIV века.

Западный фасад XV века; башня конца XIV века.

Ширина трансепта и нефа - 30 футов.

Ширина проходов, 25 футов.

Главные достопримечательности: Внешний вид апсиды, нефа и трансепта с окнами-розетками, гробница епископа Тостады.

БУРГОС

Смотрите посвящается Святой Марии и Сыну.

Возведение епископства в 1075 году; архиепископство в 1085 году.

Первый епископ Дон Симон; первый архиепископ Гомес II.

Строительство нынешнего собора началось в 1221 году.

Первая святая месса, отслуженная в алтарной часовне, 1230 год.

Строительство было прекращено 300 лет спустя (1521).

Возрождение Испании в XIII-XIV веках.

Длина (без учета часовни Кондестабли), 273 фута.

Длина трансепта - 195 футов; ширина - 32 фута.

Высота фонаря, венчающего набережную Круазе, 162 фута.

Высота западного фасада - 47 футов.

Высота башен - 273 фута; ширина у основания - 19 футов.

Ширина нефа - 31 фут; проходов - 19 футов.

Основные достопримечательности: Ансамбль, внутреннее убранство, фонарь на набережной Круазе, часовня Кондестабли, хоры, главный алтарь и т.д. (Вместе с собором Толедо, самым богатым собором Испании.)

CALAHORRA

Смотрите, посвящается мученикам Сан-Эметерио и Сан-Селедонио.

Епископство возведено в V веке; первый епископ - Сильвано.

Дерзкое арабское вторжение перенесено в Овьедо (750).

В IX веке перенесен в Алаву; в X веке - в Наджеру.

В 1030 году снова переехал в Калаорру; первый епископ - дон Санчо.

С XIX века один епископ назначался на двойную кафедру Калаорры -Санто-Доминго-де-ла-Кальсада.

Это двойное изображение будет перенесено в Логроньо.

Строительство собора началось в XIII веке; завершено в XIV веке.

Готика XIII века (только основная часть церкви).

Западный фронт гораздо более поздней эпохи.

Главная достопримечательность: Хоры.

CIUDAD RODRIGO

Смотрите посвящается Богородице с Младенцем.

Происхождение епископства в Калабрии при римлянах (легендарное?).

Основание города в 1150 году; возведение зее в 1170 году.

Первый епископ Доминго, 1170 год.

См. номинально подавленный в 1870 году; в действительности подавления еще не произошло.

Строительство кафедрального собора началось в 1160 году.

Романско-готическое здание XIII века.

Башня и западный фасад датируются XVIII веком.

Часовня Богоматери XVI века.

Здание значительно пострадало от французов в 1808 году.

Главные достопримечательности: Притвор в романском стиле, галерея, хоры, романские двери, ведущие в трансепт.

CORIA

Смотрите посвящается Санта-Марии.

Дата возведения, 338.

Первый известный епископ, Лакинто, в 589 году.

Во время мавританского владычества епископство было полностью разрушено.

См. Восстановленный к началу XIII века.

Строительство кафедрального собора началось в 1120 году.

Окончен в XVI веке.

Это скорее неважная деревенская церковь, чем кафедральный собор.

Один проход длиной 150 футов, шириной 52 фута, высотой 84 фута.

Главные достопримечательности: Пасео, или монастырская прогулка; в часовне Пресвятой Богородицы, усыпальнице XVI века.

CUENCA

Смотрите посвящается Пресвятой Богородице.

Возведен в 1183 году.

Первый епископ Хуан Яньес.

Ожившая церковь XIII века сильно обветшала и находилась в разрушенном состоянии.

Башня, стоявшая на западной оконечности, недавно рухнула.

Длина здания - 312 футов; ширина - 140 футов.

Главные достопримечательности: Монастырские врата, часовни.

ЛЕОН

Смотрите, посвященный Сан-Фройлану и Санта-Мария-де-ла-Бланка.

Дата возведения неизвестна.

Первый известный епископ Василид, 252 год н. э.

Во время арабского вторжения юве существовал время от времени.

Первый камень нынешнего собора заложен в 1199 году.

Строительство началось только в 1250 году; завершено в конце XIV века.

Французская жизнь XIII века.

Своды над круазе обрушились в 1631 году.

Южный фронт восстановлен в 1694 году.

Весь собор частично разрушен в 1743 году.

Закрыт для публики правительством в 1850 году.

Вновь открыт в 1901 году.

Общая длина 300 футов; ширина 130 футов; высота нефа 100 футов.

Высота северной башни - 211 футов; южной - 221 фут.

Длина каждой стороны галереи - 97 футов.

Главные достопримечательности: Ансамбль, окна, хоры, монастырь.

LOGROÑO

Смотрите посвящается Пресвятой Богородице.

Сравните Калаорру.

Санта-Мария была преобразована в коллегиальную церковь в 1435 году.

Старое здание снесено в том же году, за исключением нескольких руин.

Строительство нынешней церкви началось в 1435 году; строительство еще не завершено.

Расширения вводятся в настоящее время.

Относится к испанскому готеску.

Главные достопримечательности: Западный фронт, траскоро, тауэрс.

LUGO

Смотрите посвящается Матери и Ребенку.

Епископство возведено в V веке; первый епископ, Агрестио, в 433 году.

Строительство собора началось в 1129 году; завершено в 1177 году.

Галицийский романский стиль XIII века испорчен задними пристройками.

Здание сильно реформировалось в XVI-XVIII веках.

Главные достопримечательности: Ансамбль (интерьер), западный портал, экстерьер апсиды.

MADRID-ALCALÁ

См. Возведен в 1850 году.

МАДРИД

Временный собор, посвященный Сан-Исидро.

Здание семнадцатого века, не имеющее художественных достоинств.

Новый собор, посвященный Деве Марии де ла Альмудена.

В процессе строительства; начато в 1885 году.

ALCALÁ

Посвящается Сантосу Хусто и пастору; называется la Magistral.

В разрушенном состоянии; закрыт и временно перенесен в иезуитский храм.

Построен в XV веке и возведен в ранг суфражисток в том же веке.

Суровая и обнаженная (мрачная) испано-готика.

Внутренние помещения здания посетить невозможно.

MONDOÑEDO

Смотрите посвящается Пресвятой Богородице.

Епископство перенесено сюда из Рибадео в конце XIII века.

Первый (или второй) епископ, Дон Мартин, около 1219 года.

Основание собора датируется, вероятно, XIII веком.

Галисийско-романское сооружение XIII века.

Сильно испорчен задними добавлениями.

Амбулаторный датируется XV или XVIII веком.

Прямоугольной формы; 120 футов в длину и 71 в ширину.

Высота нефа - 45 футов; проходов - 28 футов.

ОПЕНСЕ

Смотрите, посвящается святому Мартину Турскому и святой Матери Марии.

Епископство, возведенное ранее IV века (?).

Возведение нынешнего здания началось в конце XIII века.

Вероятно, окончен в конце XIII века.

XIII век, галисийско-романский стиль с ярко выраженной оживальской примесью.

Главные достопримечательности: Порттик дель Параисо, западный портал, оформление интерьера.

ОСМА

Смотрите посвящается Сан-Педро-де-Осма.

Легендарное (?) возведение юве в 91 году н.э.

Первый епископ Сан-Асторджио.

Первый исторический епископ Хуан I в 589 году.

Разрушение юве во время арабского вторжения.

См. восстановленный, 1100 г.; первый епископ Сан-Педро-де-Осма.

Собор XIII века разрушен в XIII веке, за исключением нескольких часовен.

Возведение нового собора началось в 1232 году; завершено в начале XIV века.

Романско-готический стиль XIII века (не чистый).

Амбулаторное лечение введено в XVII веке.

Главные достопримечательности: Ретабло, рельефы трасалтара.

OVIEDO

Смотрите посвящается Матери и Ребенку.

Возведение епископства в 812 году; первый епископ, совершеннолетний.

До XIII века собор был базиликой; разрушен.

Романское здание, возведенное в XIII веке; разрушено в 1380 году.

Строительство нынешнего здания начато в 1380 году; завершено в 1550 году.

Оживаль XV века (французский?).

Отделка интерьера завершилась в XVII веке.

Башня и шпиль, XVI век.

Камера Санта датируется XIII веком; это остатки раннего романского здания.

Общая длина 218 футов; ширина 72 фута.

Высота нефа 65 футов; проходов 33 фута.

Высота башни - 267 футов.

Главные достопримечательности: Декор интерьера, розетки в апсиде, готическое ретабло, монастырь, Камера Санта.

ПАЛЕНСИЯ

Смотрите, посвящается Матери и Младенцу и Сан-Антолину, мученику.

Дата возведения неизвестна; IID или IIII век.

Один из первых епископов Сан-Торибио.

Во время арабского нашествия город был полностью разрушен.

Первый епископ после Реконкисты, Бернардо, в 1035 году.

Витиеватое готическое здание XV века.

Возведение началось в 1321 году.

Восточная часть была закончена до 14.00.

Столетие спустя вестерн-энд начался в более крупных масштабах.

Строительство храма завершено в 1550 году.

Общая длина - 405 футов.

Ширина (в трансепте), 160 футов.

Высота (стужицы), 95 футов.

Главные достопримечательности: Ансамбль (интерьер и экстерьер), Архиерейские врата, хоры, траскоро.

PLASENCIA

Посвящается Пресвятой Богородице.

Возведение юве через 12 лет после основания города (1190).

Первый епископ - Доминго; второй - Адам; оба были воинами-прелатами.

Строительство Старого собора (сохранилось немного) началось в начале XIV века.

Частично разрушен, чтобы освободить место для...

Строительство нового собора началось в 1498 году.

Ренессансно-готическое здание XVI века.

Ультраукрашенный и орнаментированный в более поздние века.

Главные достопримечательности: Хоры, западный вход, декоративные мотивы, гробницы.

САЛАМАНКА

Епископство существовало в V веке. Первый известный епископ, Элеутерио (589).

VII век, без упоминаний о см.

X век, упоминаются 7 епископов, живущих в Леоне или Овьедо.

XI век, никаких известий, даже название города забыто.

Первый епископ *нового времени*, Херонимо Валенсийский (1102).

Старый собор все еще стоит; следовательно, в городе есть два собора.

СТАРЫЙ СОБОР

Посвящен Святой Марии (Санта-Мария-де-ла-Седе).

В 1152 году уже строился; не закончен в 1299 году.

XIII или XIII век, кастильско-романский стиль с примесью оживаля.

Неф шириной 33 футов, длиной 190 футов, высотой 60 футов.

Проходы шириной 20 футов, длиной 180 футов, высотой 40 футов.

Толщина стен, 10 футов.

Часть собора снесли, чтобы освободить место для нового в 1513 году.

Главные достопримечательности: Чимборио, центральная апсидальная часовня и ретабло.

НОВЫЙ СОБОР

Посвящается Матери и Спасителю.

Начато в 1513 году; завершено только в XVIII веке.

Первоначально здание в стиле поздней готики. Пристройки в стиле Платере, Эррера и гротеск.

Сравните церкви Вальядолида и Сеговии.

Прямоугольной формы; 378 футов в длину, 181 фут в ширину.

Высота нефа 130 футов; высота проходов 88 футов.

Ширина нефа - 50 футов; проходов - 37 футов.

Длина (и ширина) часовен - 28 футов; высота - 54 фута.

Высота башни 320 футов.

Главные достопримечательности: Западный фасад, декоративное богатство, ансамбль.

SANTANDER

Смотрите, посвящается Сан-Эметерио, мученику, и Пресвятой Деве.

Монашеская церковь Сан-Эметерио была возведена в статус коллегиальной в XIII веке.

Епископство возведено в 1775 году.

Соборная церковь построена в XIII веке.

Главная достопримечательность: Склеп, фонтан.

САНТЬЯГО

Смотрите посвящается святому Иакову, покровителю Испании.

Епископство возведено до 842 года; первый епископ Сиснандо.

Архиепископство возведено в XIII веке; первый архиепископ Диего Гальмирес.

Строительство кафедрального собора началось в 1078 году; завершено в 1211 году.

Романское здание XIII века.

Экстерьер подвергся гротескному и платересковому ремонту XVII века.

Монастырь датируется 1530 годом.

Длина 305 футов; ширина (в трансепте) 204 фута.

Высота нефа - 78 футов; проходов - 23 фута; купола - 107 футов; башни (де ла Тринидад) - 260 футов; западных башен - 227 футов.

Длина каждой стороны галереи - 114 футов; ширина - 19 футов.

Основные достопримечательности: Ансамбль (интерьер), Портик де ла Глория, крипта, монастырь, южный портал.

SANTO DOMINGO DE LA CALZADA

Смотрите посвящается Санто-Доминго-де-ла-Кальсада.

Епископство датируется 1227 годом.

Сравните Калаорру.

Строительство кафедрального собора началось около 1150 года.

Прекращено в 1250 году.

Романско-готическое сооружение XIII-XIII веков.

Главная достопримечательность: ретабло, XV и XVIII гробницы.

СЕГОВИЯ

Смотрите, посвященный Сан-Фруто и Пресвятой Деве.

Первый епископ (легендарный?) Сан-Иератео в I веке н. э.

См., как известно, существовавший в 527 году.

Первый исторический епископ Петр (589).

Во время арабского вторжения упоминается только один епископ, Ильдередо, 940 год.

Первый епископ после Реконкисты, дон Педро, в 1115 году.

Первый камень нынешнего собора заложен в 1525 году.

Собор освящен в 1558 году; закончен в 1580 году.

Купол возведен в 1615 году.

Здание в стиле готического ренессанса.

Башня, пораженная молнией и частично разрушенная, 1620 год.

Перестроен (башня) в 1825 году.

Общая длина 341 фут; ширина 156 футов.

Высота купола - 218 футов.

Ширина нефа и трансепта - 44 фута; проходы - 33 фута.

Главные достопримечательности: Старый монастырь, апсида, башня.

SIGÜENZA

Смотрите посвящается Матери и Ребенку.

Первый известный епископ, Протоген, в VI веке.

Во время арабского вторжения о юве не упоминается.

Первый епископ после Реконкисты, Бернардо (1195).

Четвертый епископ - англичанин Джослин.

Дата возведения собора неизвестна.

Вероятно, романско-готическое сооружение XIII или XIII века.

Амбулатория, построенная в XVI веке.

Длина здания - 313 футов; ширина - 112 футов.

Высота нефа 68 футов; проходов 63 фута.

Окружность центральной стойки, 50 футов.

Главные достопримечательности: Западный фасад, ризница, окно-роза в южном рукаве трансепта.

SORIA

Смотрите, чтобы вас перевезли сюда из Osma.

Церковь, посвященная святой Марии.

Возведен в сан суфражистки Осмы в XIII веке.

XVI век, здание в готическом стиле.

XI век, западный фронт; Кастильско-романский стиль.

XI век, романский монастырь.

Главные достопримечательности: Западный фронт, монастырь.

ТОЛЕДО

Смотрите посвященное Пресвятой Богородице и ее Явлению в Сан-Ильдефонсо.

Епископство , возведенное до 513 года н. э.

Одним из первых епископов является Сан-Ильдефонсо.

Во время арабского господства юве оставался вакантным.

Первый архиепископ Дон Бернардо (1085).

Кафедральный собор примаса всей Испании с XV века.

Первый камень нынешнего здания заложен в 1227 году.

Строительство церкви завершено в 1493 году.

Пристройки, ремонты и т.д., датируемые XVI-XVIII веками.

Длина 404 фута; ширина 204 фута; высота башни 298 футов.

Высота нефа 98 футов.

Высота главной двери - 20 футов; ширина - 7 футов.

Диаметр розового окна на западном фасаде, 30 футов.

Главные достопримечательности: Ансамбль, декоративные и промышленные принадлежности, зал капитула, ризница, картины, колокольня и т.д. (Самый богатый собор в Испании.)

ТОРО

Коллегиальная церковь, посвященная Святой Марии.

Существование епископства не может быть доказано, хотя считается, что оно было возведено в течение первого десятилетия реконкисты в X веке.

Определенно стал суффраганом Саморы в XVI веке.

Кафедральный или коллегиальный собор, построенный в конце XIII или начале XIII века.

Здание в кастильском романском стиле.

Главные достопримечательности: Военный аспект здания, высота стен, массивный кимборио.

ТУЙ

Смотрите посвящается Деве Марии.

Епископство, возведенное в VI веке.

Собор возведен в первой половине XIII века.

Сильно пострадал от землетрясений, особенно в 1755 году.

Галисийский романский стиль XIII века в испорченных условиях.

Западное крыльцо или притвор датируется XV веком.

Главные достопримечательности: Западный фронт, северный портал, монастырь.

ВАЛЬЯДОЛИД

Санта-Мария-ла-Антигуа стала суфражисткой Паленсии в 1074 году.

Церковь построена в XIII веке в кастильско-романском стиле.

Позади все еще видны руины—

Санта-Мария-ла-Майор. Резиденция архиепископа с 1850 года.

Епископство основано в 1595 году; первый епископ - дон Бартоломе.

Строительство собора было начато в 1585 году Хуаном де Эррерой.

Продолжение XVII века Чурригерой.

Стиль Эскориала испорчен гротескным декором.

Башня рушится в 1841 году; возводится новая.

Прямоугольной формы; длина 411 футов; ширина 204 фута.

Трансепт на полпути между апсидой и западным фасадом.

Набережная Круазе, увенчанная куполом.

Была построена только одна из четырех башен.

ВИТОРИЯ

Смотрите посвящается Санта-Марии.

Церковь Святой Марии, возведенная в качестве коллегиальной, XV век.

Епископство возведено в XIX веке.

Соборная церковь, возведенная в XIV веке.

Позднегоthicкое сооружение XIV века, не представляющее художественного интереса.

Башня XVI-XVII веков.

Главная достопримечательность: В ризнице полотно под названием "Благочестие".

ZAMORA

Смотрите, посвящается Сан-Атиано и Пресвятой Богородице.

Епископство основано в 905 году; первый епископ - Сан-Атиано.

Разрушен маврами в 998 году; вакансия не заполнялась до 1124 года.

Первый епископ *модернис*, Бернардо.

Строительство собора началось в 1151 году; возведение сводов закончилось в 1174 году.

Кастильско-романский стиль XI века.

Главные достопримечательности: Чимборио, южный вход.

III

Список провинций Испании и государств или королевств Средневековья, из которых они произошли.

Principal Kingdoms Conquered States Present-day Provinces

Castile

Galicia

La Coruña*

Lugo*

Orense*

Pontevedra*

Asturias*

Oviedo*

Leon	Leon*
	Palencia*
	Zamora*
Basque Provinces	Guipuzcua*
	Vizcaya*
	Alava*
Rioja	Logroño*
Old Castile	Santander*
	Burgos*
	Soria*
	Valladolid*
	Avila*
	Segovia*
	Salamanca*
New Castile	Madrid*
	Guadalajara*
	Toledo*
	Cuenca*
	Ciudad Real*
Extremadura	Caceres*
	Badajoz
Andalusia	Sevilla

		Huelva
		Cadiz
		Cordoba
		Jaen
	Granada	Granada
		Malaga
		Almeria
	Murcia	Murcia
		Albacete
Aragon	Aragon	Zaragoza
		Huesca
		Teruel
	Cataluña	Barcelona
		Gerona
		Lerida
		Tarragona
	Valencia	Valencia
		Alicante
		Castellón
	Navarra	Navarra (Pamplona)

Примечания

Звездочкой (*) обозначены провинции, о которых идет речь в этом томе; остальные будут рассмотрены во втором томе.

Не были упомянуты две провинции: Балеарские острова (принадлежали старому королевству Арагон) и Канарские острова (принадлежали старому королевству Кастилия).

Даты не указаны. Поскольку эволюция различных государств (регионов) на протяжении средневековья была настолько сложной, что потребовалась бы серия таблиц, а также серия географических карт.

Приведенный выше список, однако, показывает Испанию (за вычетом Португалии) на момент смерти Фернандо (мужа Изабеллы) в 1516 году, а также составные части Кастилии и Арагона. Разделение Испании на провинции датируется 1833 годом.

Епископство не обязательно совпадает с провинцией. Таким образом, в провинции Луго есть две епархии (Луго и Мондоньедо); с другой стороны, в трех баскских провинциях есть только одна епархия (Витория).

За исключением Наварры, столицей которой является Памплона, различные провинции Испании носят название столицы. Таким образом, столицей провинции Мадрид является Мадрид, а Хаэн - столица одноименной провинции.

Библиография

España, sus Monumentos y Artes, su Naturaleza é Historia:

Бургос, Р. Амадор де лос Риос.

Сантандер, Р. Амадор де лос Риос.

Navarra y Logroño, Vol. III., автор П. де Мадразо.

Сория, Н. Рабаль.

Галисия, автор М. Мургия.

Алава и др., автор А. Пирала.

Эстремадура, Н. Диас-и-Перес.

Recuerdos y Bellezas de España:

"Кастилия-ла-Нуэва" Дж. М. Квадрадо.

Астурия и Леон, автор Дж. М. Квадрадо.

Вальядолид и др., автор Дж. М. Квадрадо.

Саламанка, автор Дж. М. Квадрадо.

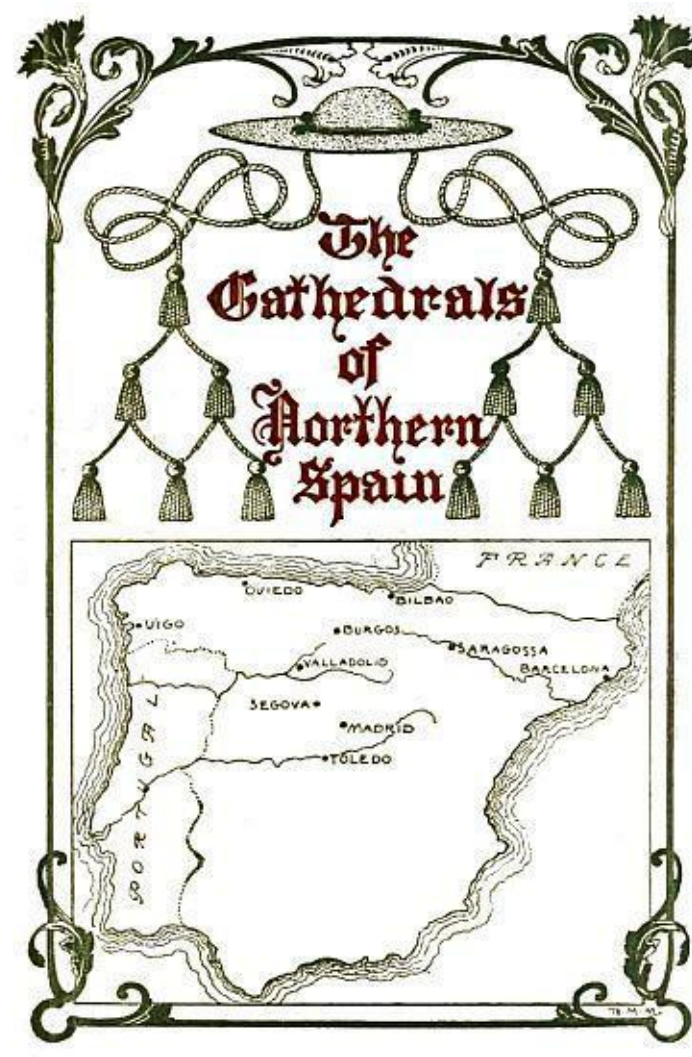
Испания и Португалия, автор Бедекер.

История испанского Пуэбло (перевод с испанского), майор М. Хьюм.

Historia de España, by R. Altamira.

"Толедо в ла-Мано", автор С. Парро.

Estudios Historico-Artisticos relativos á Valladolid, by Marti y Monsó.

[Примечание автора электронной книги]

Внесены изменения:

SIGUENZA => SIGÜENZA

Al-Karica => Al-Kárica

Alargón => Alagón

Bartolome => Bartolomé

Guadalquiver => Guadalquivir

Isidore => Isidoro {2 page 163}

Protogones => Protogenes

Theodosia => Theodosio {1 index}

dia de Zamora => día de Zamora

despues de opípera cena => después de opípara cena

Neustra Señora => Nuestra Señora {1 index}

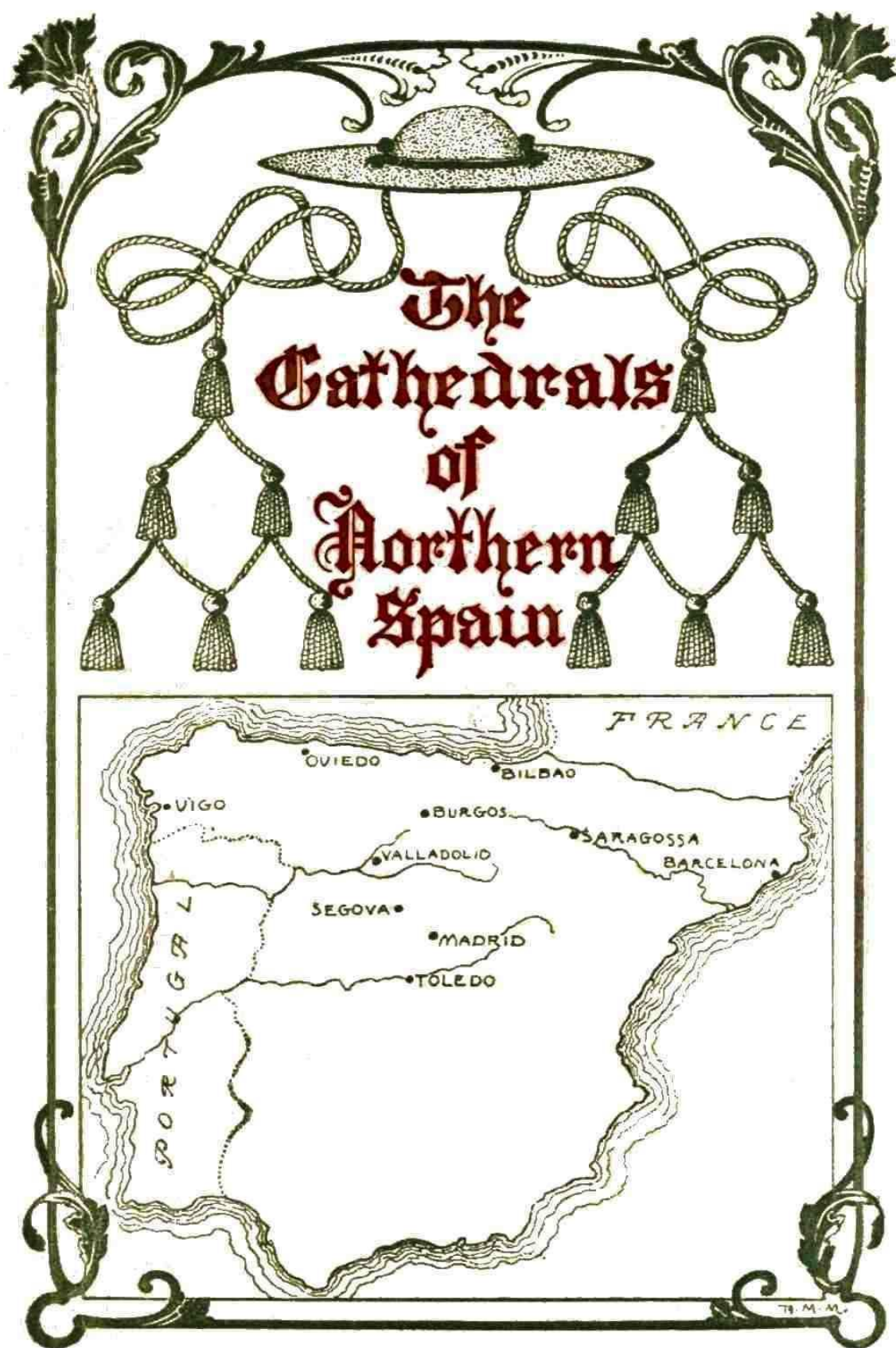
Del Obisco => Del Obispo {1 index}

Maria Del Sarto => Maria Del Salto
Manuza => Munuza {1 index}
Constitución => Constitución {1 index}
Talaítola => Tolaitola {1 index}

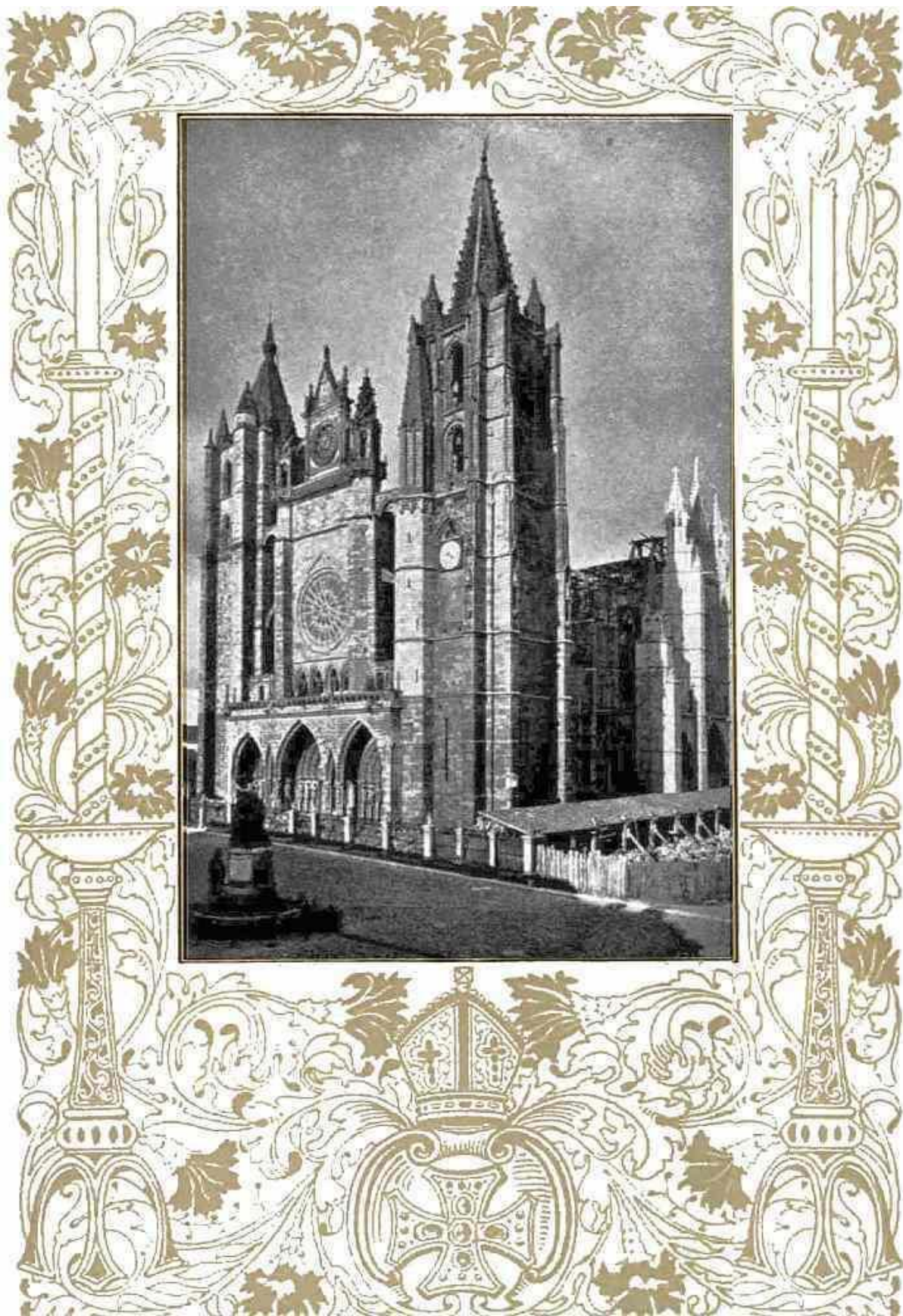
THE
CATHEDRALS
OF NORTHERN SPAIN

[back](#)

[back](#)

[back](#)

The Cathedrals of Northern Spain

THEIR HISTORY AND THEIR
ARCHITECTURE; TOGETHER
WITH MUCH OF INTEREST CON-
CERNING THE BISHOPS, RULERS,
AND OTHER PERSONAGES IDEN-
TIFIED WITH THEM

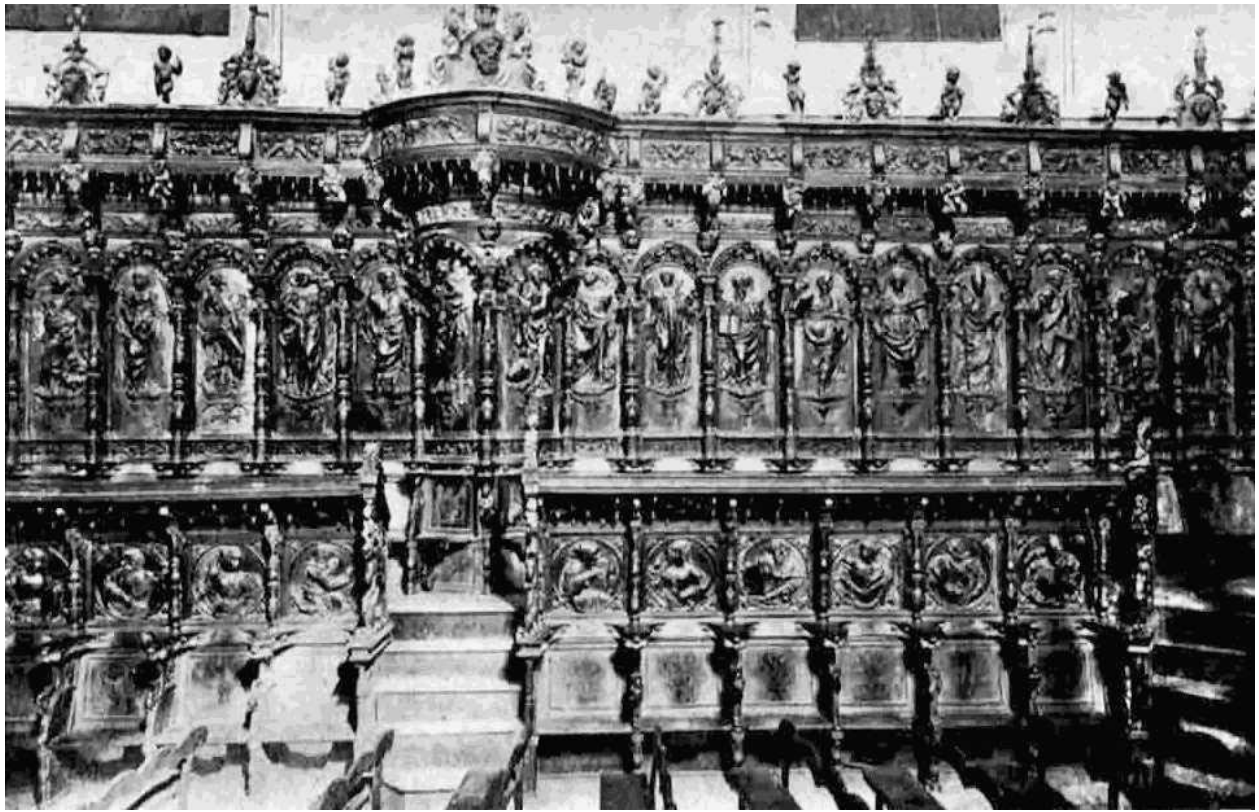
BY
CHARLES RUDY

Illustrated

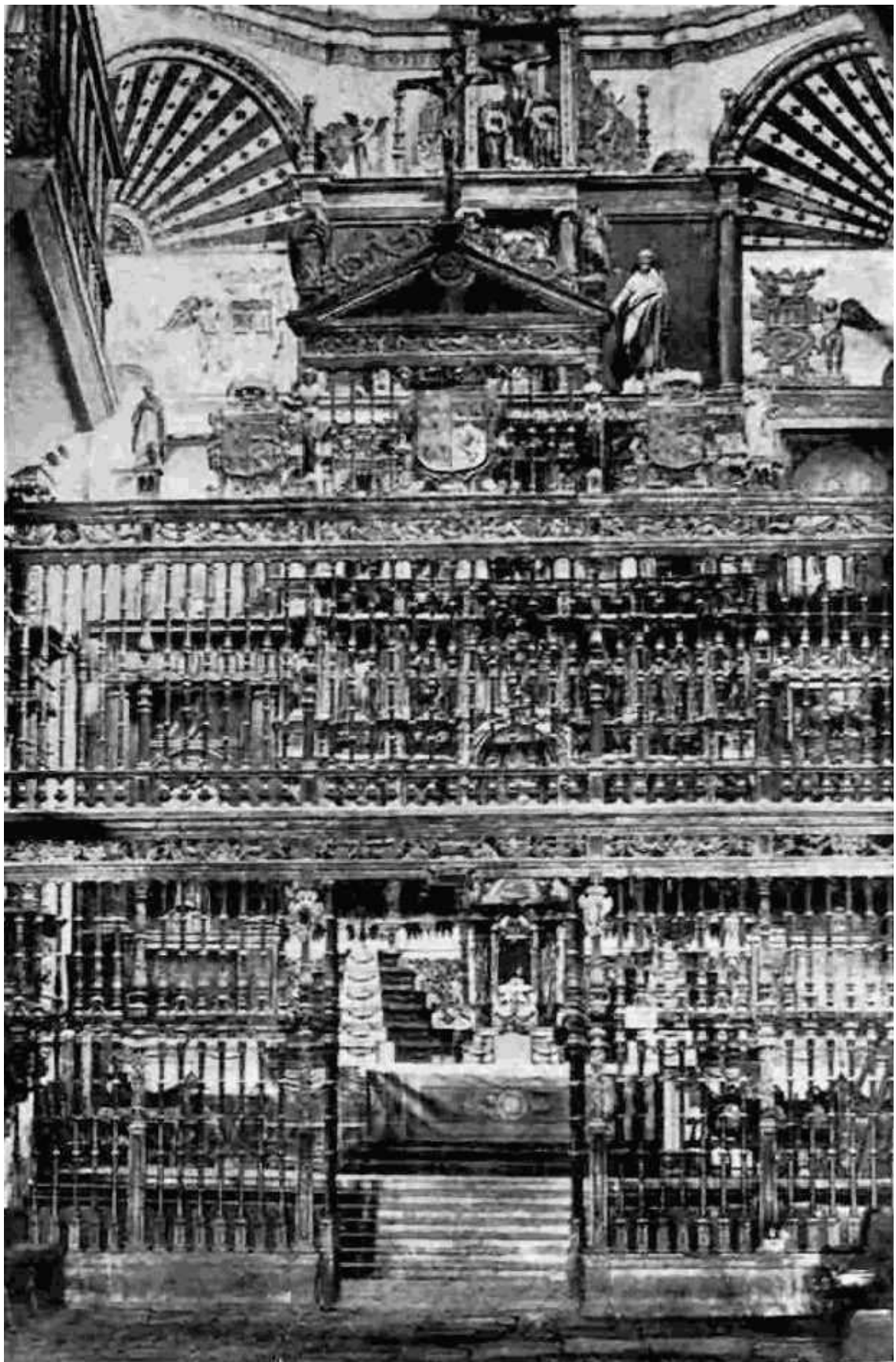

BOSTON & L. C. PAGE &
COMPANY & MDCCCCVI

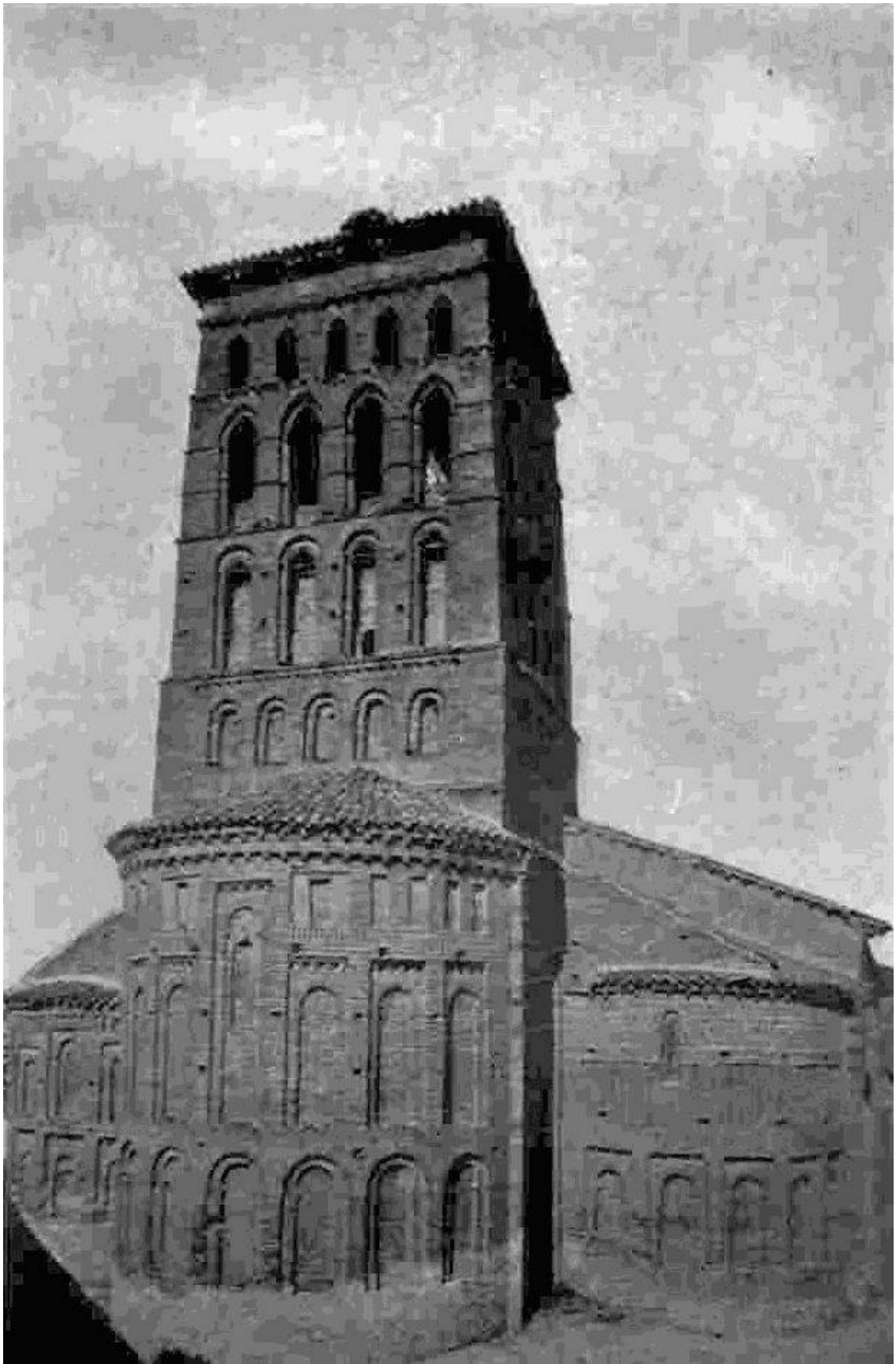
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

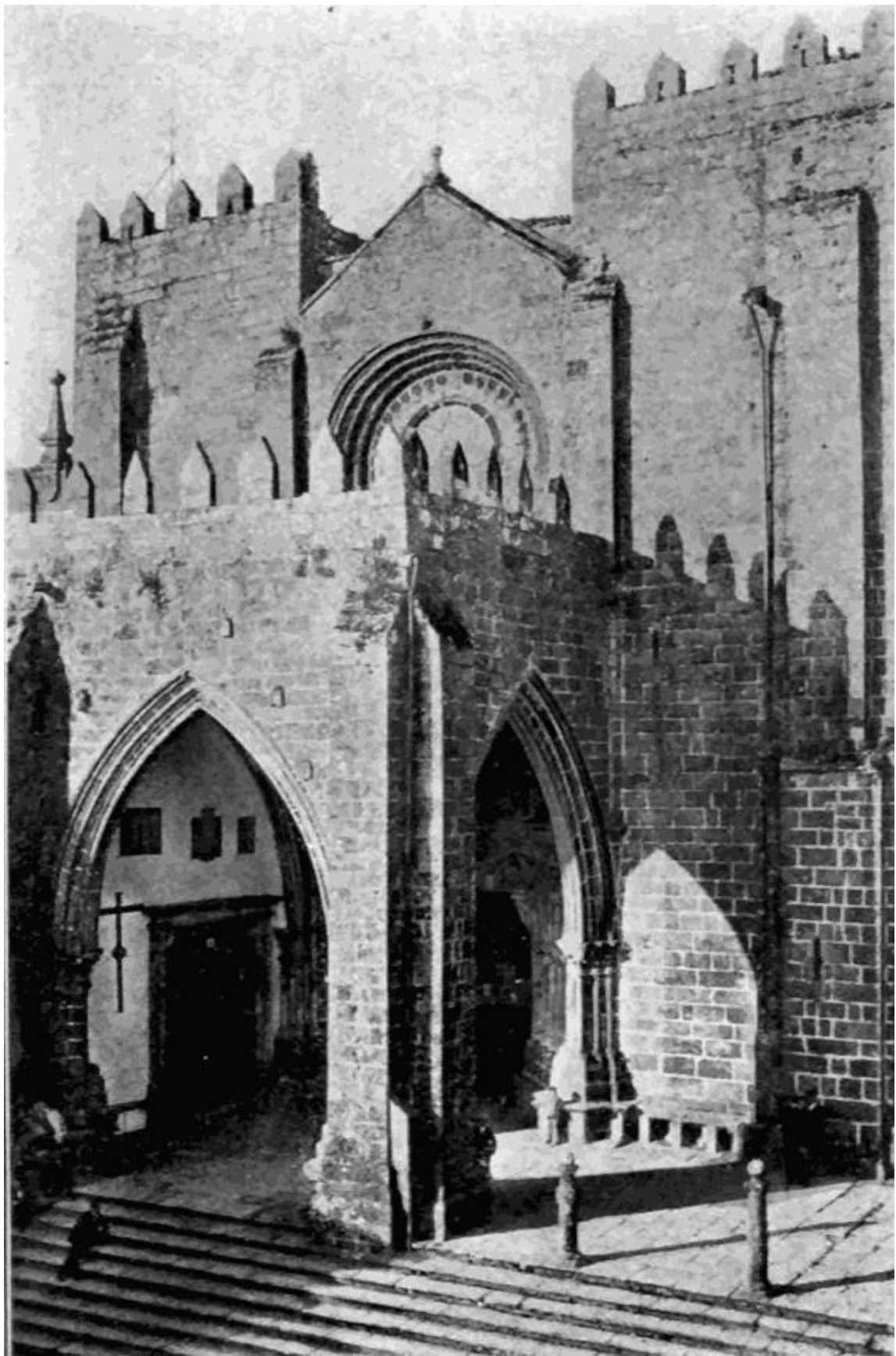
[back](#)

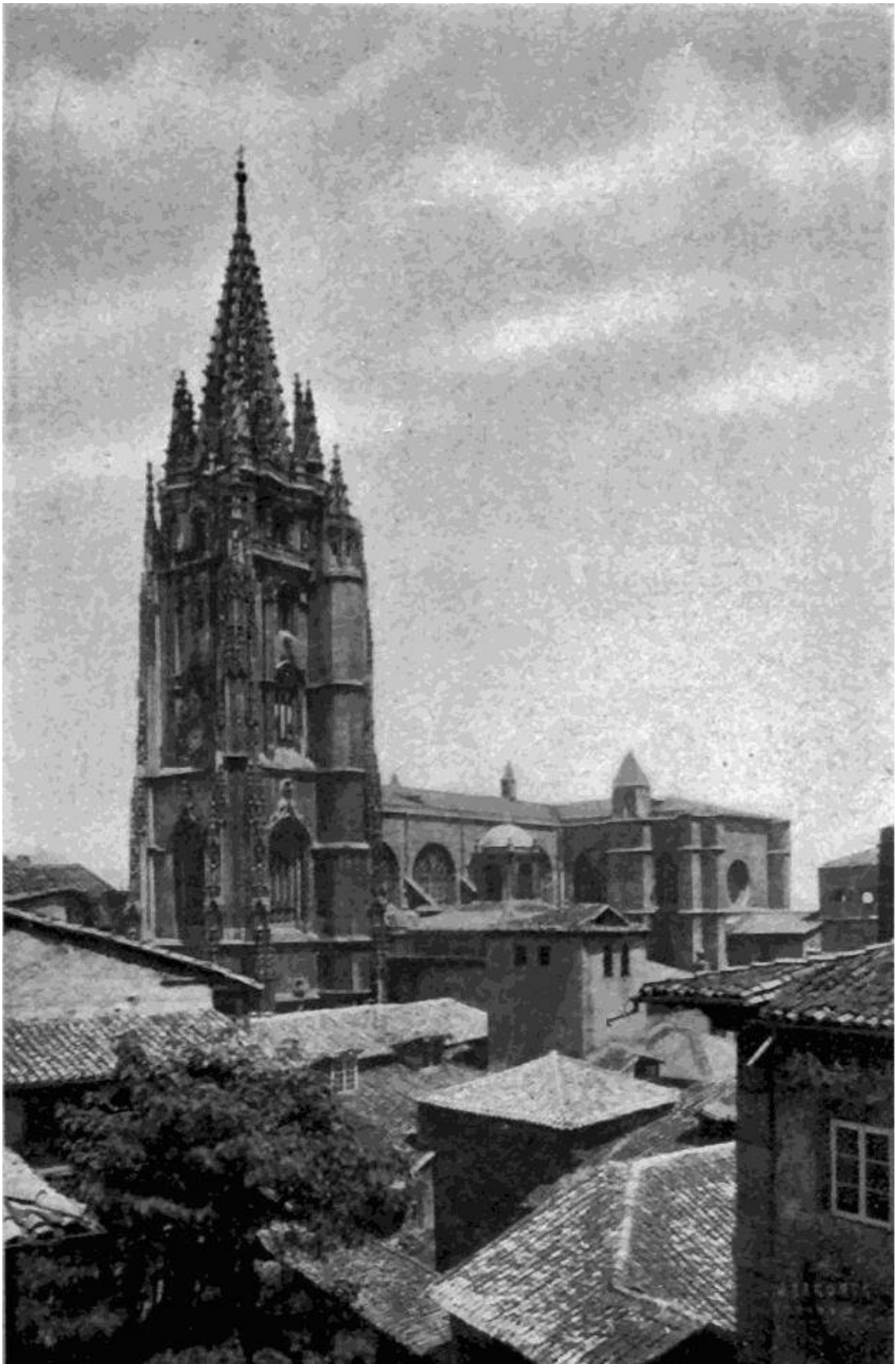
[back](#)

[back](#)

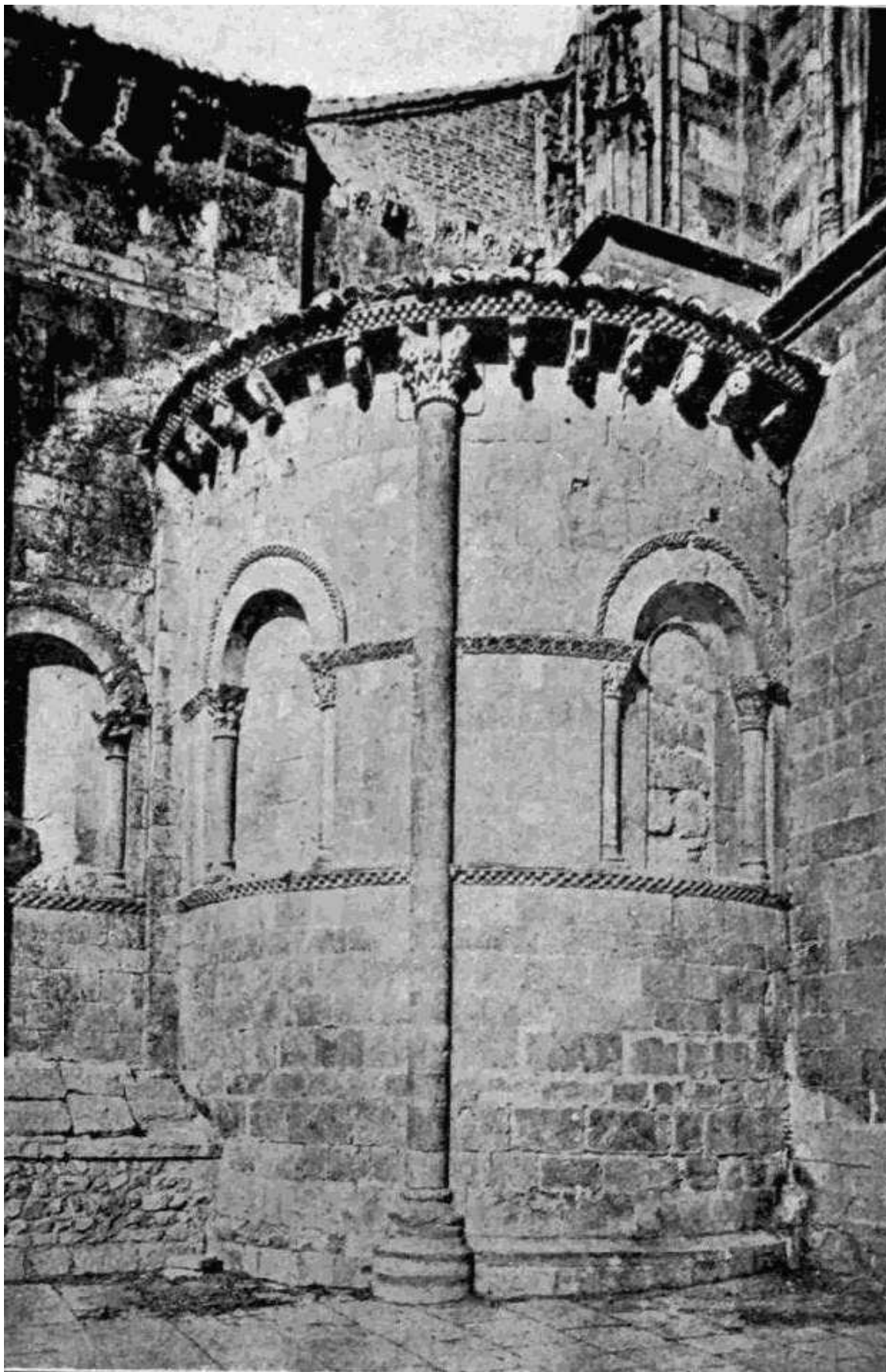
[back](#)

[back](#)

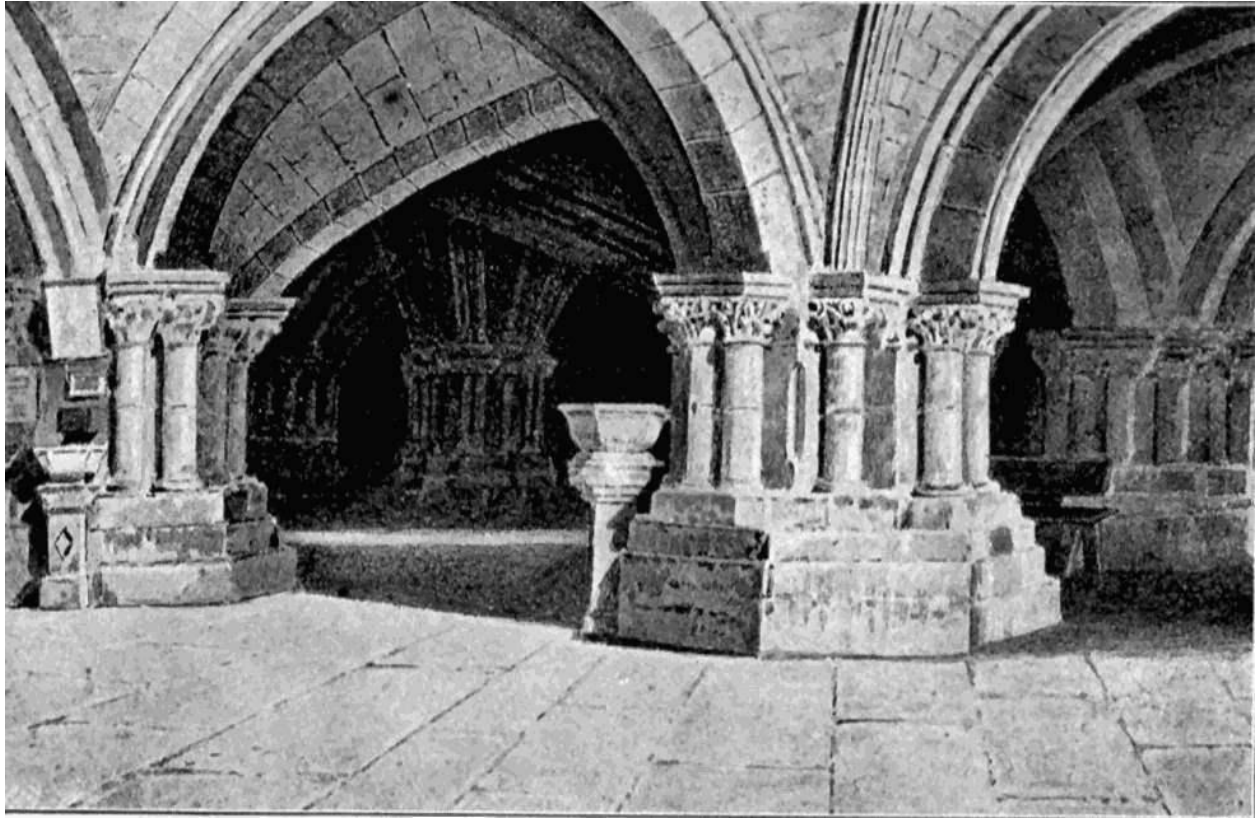
[back](#)

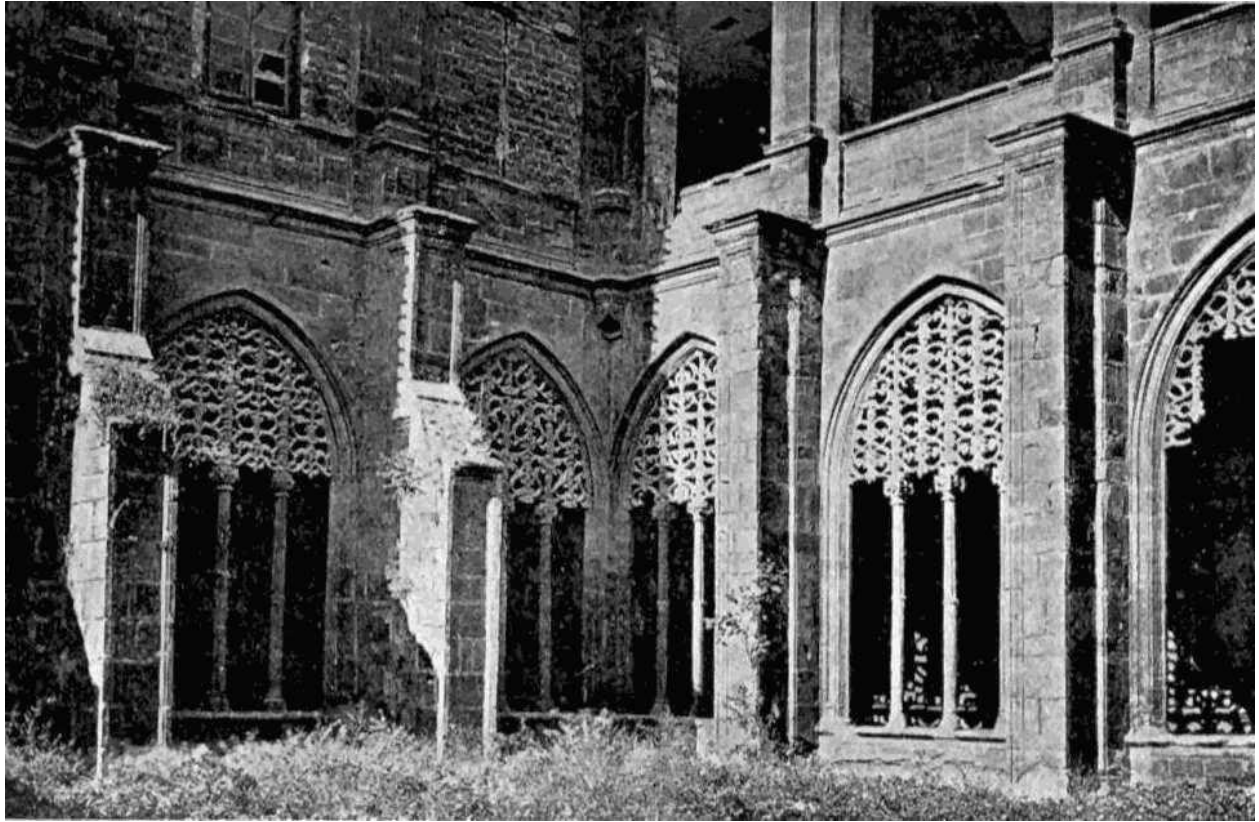
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

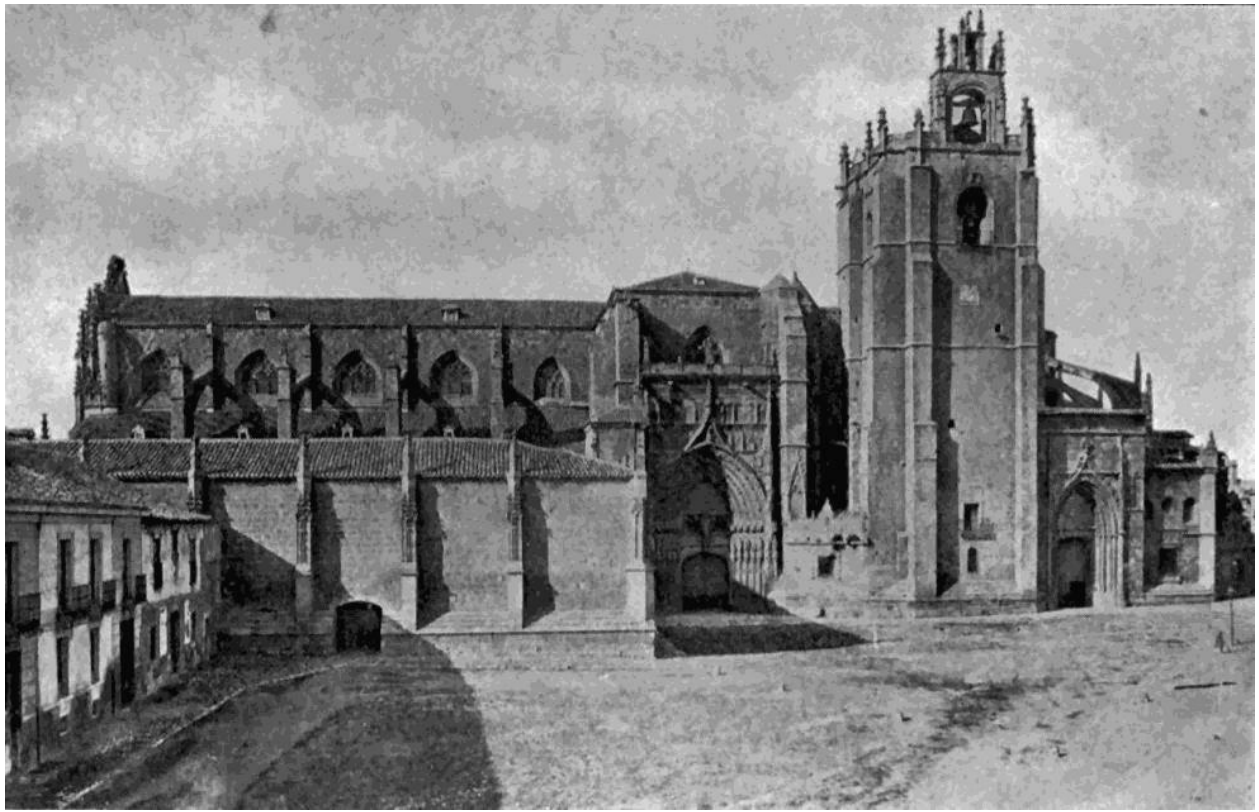
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

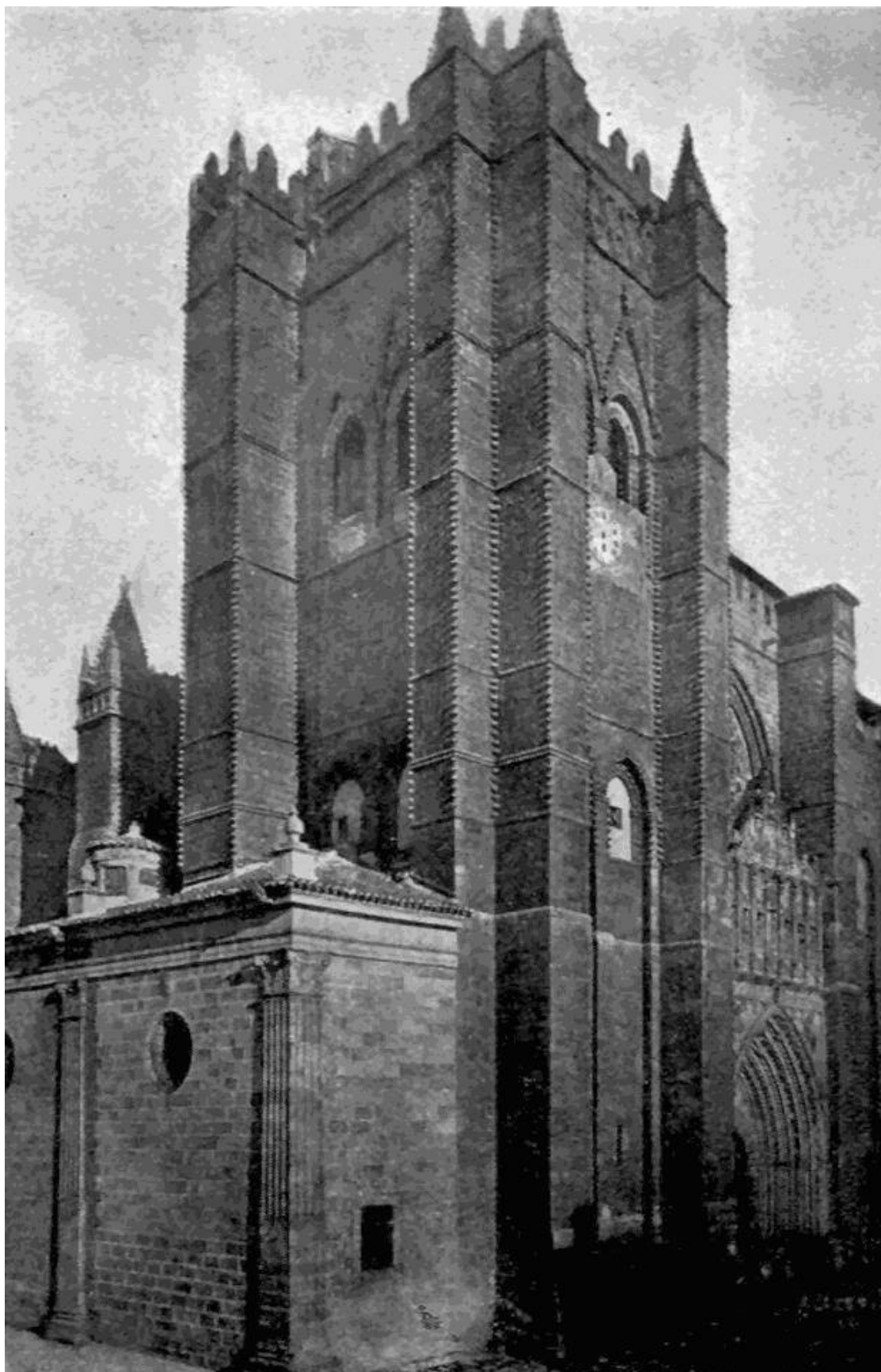
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

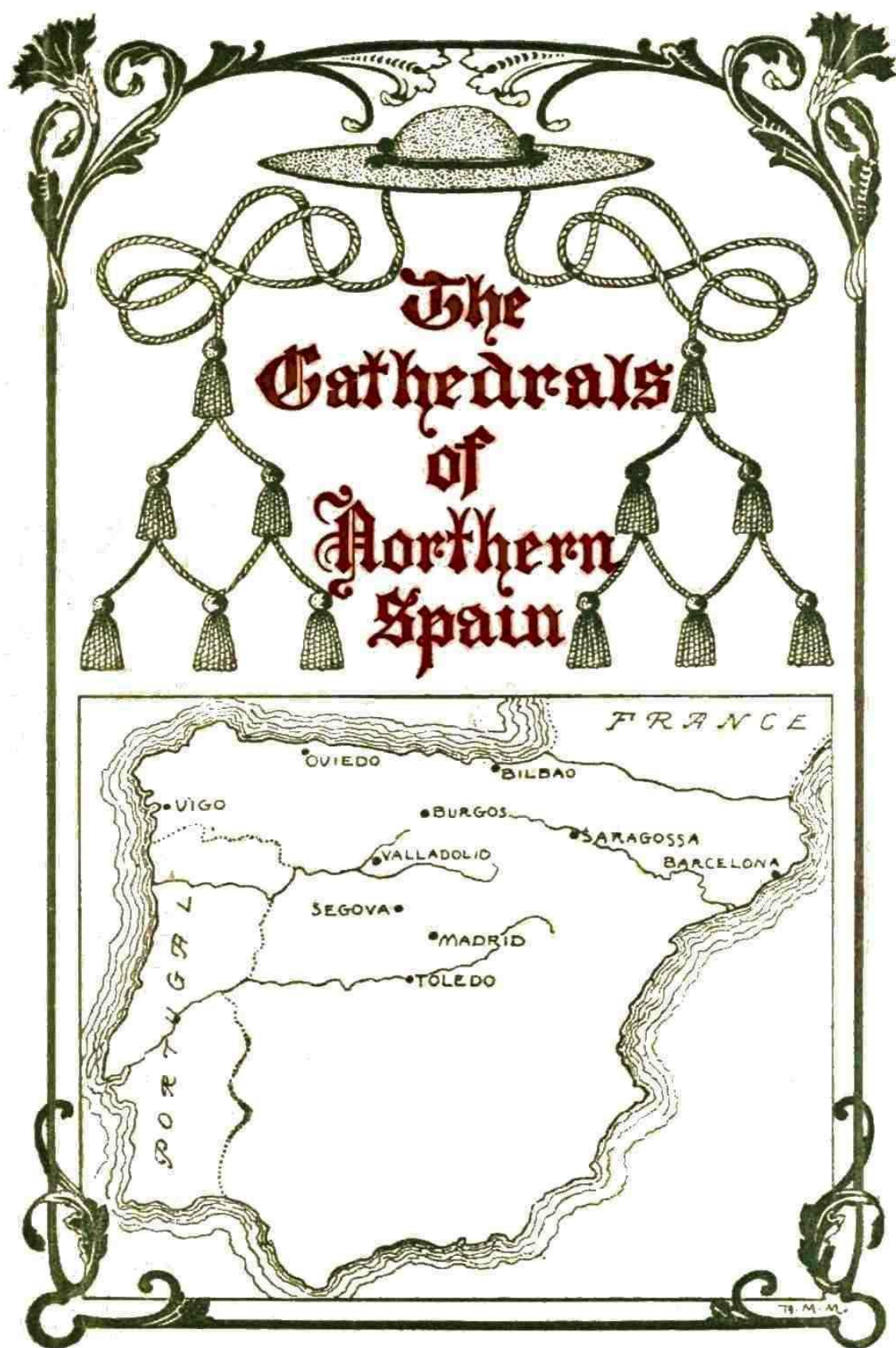
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)